

Война Ночных Охотников

Роман Афанасьев

ОХОТНИКИ

Роман Афанасьев

Война Ночных Охотников

«Автор»

2022

Афанасьев Р.

Война Ночных Охотников / Р. Афанасьев — «Автор»,
2022 — (Охотники)

Алексей Кобылин, самый удачливый охотник на нечисть, заключил сделку со Смертью и практически обрел бессмертие. Но цена, которую он заплатил за это, слишком велика. Превращаясь в беспощадного Жнеца, охотничью собаку Смерти, Кобылин теряет личность, превращаясь в одно из тех существ, за которыми он когда-то охотился. В минуты просветления он хочет напоследок увидеть дом и друзей, прежде чем навсегда погрузится в объятия тьмы. Но визит домой не приносит облегчения. Прежде чем получить еще одну пулю, Кобылин понимает – кто-то изменяет город, разрушает порядок в нем, уничтожает весь старый мир, ради которого он отдал свою жизнь. И, борясь с черным беспамятством, Алексей понимает. Это больше не охота. Это – война.

Содержание

Часть первая. В чужом краю	5
Часть вторая. Чужие дни и ночи	75
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Роман Афанасьев

Война Ночных Охотников

Часть первая. В чужом краю

Поезд еще не успел остановиться, а дверь пассажирского вагона уже распахнулась. В кромешной темноте проеме мелькнуло светлое пятно – лицо проводницы. Поезд, грохоча и лязгая сцепками, издал протяжный железный стон и замер напротив вокзала – одноэтажного обветшавшего здания с пыльными окнами. Проводница вынырнула из тамбура, заученным движением обмахнула поручни желтой тряпицей и ступила на потрескавшийся асфальт. Едва успела шагнуть в сторону, как из распахнутой двери на перрон шагнул жилистый человек в зеленой камуфляжной ветровке.

Оказавшись на солнечном свету, он вскинул руку, прикрывая глаза от яркого летнего солнца, обернулся, бросил взгляд на поезд, замерший у перрона. Двери других вагонов открылись, и пассажиры начали неторопливый ритуал путешественников – высыпали на перрон в трениках, в тапочках, дымя сигаретами и разминая затекшие плечи.

– Пятнадцать минут, – сухо напомнила проводница пассажиру. – Ждать никто не будет.

Тот кивнул, развернулся и быстро зашагал к распахнутым дверям вокзала, благо до них было рукой подать. На ходу ладонью пригладил темные волосы, провел загрубевшими пальцами по подбородку. Щетина снова отросла – не настолько, чтобы называться в этих краях бородой, но достаточно для того, чтобы озаботиться поиском бритвы. Худое лицо с выпирающими скулами было загорелым и обветренным, кончик носа даже шелушился, – успел сгореть под горячим летним солнцем. Но это, похоже, не слишком беспокоило пассажира. Он быстрым шагом пересек небольшой зал ожидания, напоминавший крохотный кинотеатр с рядами древних раскладных кресел, прошел вокзал насквозь и вышел через двери с другой стороны здания – к площади.

Никто не обратил на него внимания. Среднего роста, плечистый, но не сказать что мускулистый. Скорее, жилистый, словно высохший под жарким солнцем. Загорелый, небритый, в потертой камуфляжной куртке с капюшоном, какие бывают у рыбаков. Штаны из того же набора – потертые, изрядно помятые. На ногах стоптанные высокие ботинки на шнурках, рыжие от грязи дальних дорог. На плече болтается мешок – старый зеленый туристический рюкзак государственного образца, вытертый почти до дыр и возрастом, пожалуй, старше своего хозяина.

Ничего необычного в этом человеке не было. Таких рыбаков-охотников в этих медвежьих краях было навалом – как своих, так и приезжих. Этот городок, нанизанный на железнодорожную нить, словно выщербленная каменная бусина, казалось, застыл в безвременье, превратившись то ли в музей, то ли в памятник самому себе и канувшему в лету обществу. Здесь одновременно и кипела жизнь, и не происходило ничего. То самое ежедневное ничего, оставляющее после себя шрамы напрасно прожитых дней и горький привкус разочарования. И на очередного бродягу всем местным жителям было глубоко наплевать, ведь тут их по десятку на дюжину. На этот раз город ошибался. Таких охотников в этом медвежьем уголке еще не бывало.

Шагнув из дверей вокзала на асфальтовый тротуар, Кобылин быстро глянул по сторонам, словно камера, делающая моментальный снимок. Небольшая площадь перед вокзалом, больше напоминала парковку. Пара машин с желтыми фонарями такси, по краям пяток ларьков с мелочевкой. Широкая, видимо, центральная улица тянулась вдоль всей площади. На другой

стороне – привычный лабиринт из каменных пятиэтажек, покрытых пылью и расцвеченных нелепо яркими плевками рекламных объявлений.

Прикрыв глаза, Алексей на секунду замер, прислушиваясь к себе. Его тянуло на ту сторону дороги. Зов так силен, что охотник ощутил его еще на подъезде к этому городку. Когда поезд добрался до перрона, зов настолько усилился, что Кобылину пришлось выйти на этой станции. Не в силах сопротивляться неодолимой тяге, он был вынужден подчиниться и шагать туда, куда его вел непреложный закон. Там, теперь уже совсем близко, располагалось то, чему не было места в этом мире, то, что слишком задержалось на этой стороне и породило волну сопротивления. Нечто, напоминающее болезнь, нечто, что требовало немедленного вмешательства защитных механизмов этого мира. И этот защитный механизм был обязан отреагировать.

Открыв глаза, Кобылин быстрым шагом направился к ближайшему ларьку, подстраиваясь под внутренний ритм, походивший на щелчки метронома. Алексей двигался упругой бесшумной походкой, вклиниваясь между проносившимися мимо секундами и равнодушными взглядами случайных прохожих. Он знал – нужно действовать именно так. Почему? Вот этого он не знал. Необходимо просто отдаться на волю течения, несшего его сквозь города, леса, поля, и доставлявшего точно туда, где был нужен он – Жнец, убиравший то, что надлежало убрать.

Подойдя к крайнему ларьку, Кобылин свернул за него и без всякой паузы взгромоздился на старенький велосипед, стоявший у двери. Оседлав скрипящую двухколесную машину, охотник нажал на педали и резво покатыл к дальнему концу площади, туда, где виднелся светофор.

Никто, казалось, не обратил на это внимания – все было проделано быстро и небрежно, буднично. Просто еще одна сценка из жизни. Никаких криков вслед, никакой суеты – рыбак в поношенной одежде ехал на своем потрепанном жизнью велике, возвращаясь от вокзала домой. Эта идеальная картинка настолько вписывалась в привычный окружающий мир прохожих, что никто даже не проводил взглядом неприметную фигуру. Как и было задумано.

Кобылин подкатил к светофору ровно в тот миг, когда зажегся зеленый свет. Не останавливаясь, он направил велосипед на зебру, за пару секунд перебрался на другую сторону. Ловко обогнул ругавшуюся парочку, втиснулся в щель между мамами с колясками, объехал крыльцо аптеки и припустил вперед. Вокзал и поезд, готовый к отправлению, остались позади, но Алексей даже не оглянулся. Он просто шел на зов.

Дом, стоявший у площади, кончился, Кобылин свернул в узкий проезд, промчался мимо подъездов, наискосок пересек площадку, вынырнул на соседнюю улицу, одним махом перемахнул крохотную улочку, свернул на перекрестке, проскочил задний двор дома, уставленный мусорными баками, и выскочил к довольно широкой улице. За пару минут, словно следуя подсказкам навигатора, он забрался вглубь города. И очутился там, где ему и следовало сейчас быть.

На другой стороне улицы виднелся старый двухэтажный магазин, зажатый между жилыми домами. К нему, через всю широкую улицу, вел подземный переход. Кобылин остановился у ступенек, глянул вниз, на желтый свет, волной растекавшийся по истертому бетону. Мимо прошла женщина с двумя сумками, ей навстречу из перехода выскочила стайка школьников. Кобылин чуть сдал назад, слез с велосипеда, прислонил его к старому гранитному бордюру и быстро пошел вниз, перескакивая через ступеньки.

Переход был длинным и темным – всего пара лампочек на стенах заливала его желтым масляным светом. Вдоль правой стены жались чудом уцелевшие ларьки. Газеты, пирожки, ремонт обуви, какая-то блестящая мелочевка... Кобылин, быстро лавируя между редкими прохожими, двинулся к противоположной лестнице, видневшийся вдалеке. Он шел чуть прикрыв глаза, прислушиваясь к своим ощущениям. Да. Сейчас. Это уже близко. Зов становится все сильнее, его тянет вперед, тело само хочет двигаться быстрее, шаг непроизвольно ускоряется.

Быстрее. Еще быстрее. Ты не в силах сопротивляться, ты больше не охотник, ты только механизм, крохотный винтик огромной системы, работающей по неизвестным тебе законам. Там, где-то далеко, крутятся огромные зубчатые колеса размером с планету, двигаются по сложным кривым медные маятники, мерцают загадочные огни и в результате крохотная песчинка оказывается там, где она должна быть в этот момент – вопреки собственной воле. Вопреки собственному желанию. У всего есть своя цена – и у жизни, и у смерти. Пришло время платить по счетам.

Добравшись до лестницы, Кобылин резво взбежал по ним вверх, ловко проскользнув мимо группы подростков, спускавшихся навстречу ему. Взяв правее, обогнул пару женщин, взлетел на самую верхнюю ступеньку. И застыл, балансируя на ней, как акробат на проволоке. Он взял приличный разгон, но невидимая сила рванула его обратно, вниз, снова увлекая под землю.

Кобылин взял себя в руки и медленно развернул. Сделал шаг, другой и, вернув себе контроль над мышцами, быстро засеменял вниз по ступенькам. Теперь он близко. Совсем рядом.

Прикрыв глаза, Алексей скользнул в темный переход, снова обогнув пару заболтавшихся посреди дороги женщин. Быстро и деловито зашагал вперед, словно опаздывая на важную встречу. Бесшумно скользя по битой напольной плитке, быстро, словно танцуя, прошелся вдоль стены, миновав стайку подростков, ускорился, и резко опустил руку, так, чтобы заточка из рукава упала точно в ладонь.

Последний шаг вышел слишком длинным, и Кобылин с размаха налетел на невысокого человека в сером плаще, на голове у которого красовалась настоящая мужская шляпа, бывшая в моде, наверно, полвека назад. Под мышкой человек нес коричневую папку из пузырчатого кожама с толстой золотистой молнией. От тычка Кобылина папка вырвалась из рук мужчины, звонко хлопнулась на грязный пол. Алексей, проносясь мимо, чуть толкнул его под локоть, буркнул извинения, и быстрым шагом скрылся за спинами прохожих.

Мужчина зло глянул вслед хаму, вскинул руку и, придерживая шляпу, нагнулся за упавшей папкой. Но не успел ее коснуться – ноги вдруг подкосились, слабость волной разлилась по телу, дыхание перехватило от резкой боли в боку. Прохожий упал на колени, потянулся обеими руками к внезапно перехватившему горлу. Шляпа слетела с его головы, откатилась по грязной плитке к стене. Мужчина захрипел и повалился вперед, ткнувшись лицом в грязный пол. Две женщины, шедшие следом, дружно бросились к нему, засуетились, пытаясь поднять пострадавшего. Они не заметили, как правая рука мужчины, вытянутая вперед, словно в последней попытке кого-то ухватить, вдруг содрогнулась. Ногти почернели и выдвинулись вперед, на глазах превращаясь в подобие когтей хищной птицы. Это длилось всего лишь миг – краткий, как последнее дыхание. Потом тело прохожего дернулось, обмякло, руки расслабились. Черные когти медленно укоротились, превратившись в самые обычные, пусть и длинноватые, ногти с черными траурными каемками грязи. Одна из женщин, рывшаяся в сумочке в поисках телефона, глянула на подругу, а та, поняв, что произошло, охнула в полный голос.

Кобылин не услышал. Он был уже далеко. Оседлав велосипед, охотник гнал его обратно к вокзалу со всей скоростью, на какую только был способен. Он сорвался с цепи. Освободился, выполнив задание. Невидимый поводок, тащивший его за собой, как нашкодившего щенка, лопнул. И лишь ненадолго освободил его от обязательств, дав почувствовать призрачное ощущение свободы. Алексей не задержался, чтобы проверить свою работу, даже не оглянулся. В этом не было нужды. Он знал, что и на этот раз справился. Пусть у него нет длинной косы и черного балахона, но его удар, самый легкий и простой – смертелен. Ему лишь нужно обозначить путь, приоткрыть ворота в мир иной, туда, где нарушителя ожидает закон и окончательный порядок в облике тощей девчонки с белой прядью в черных волосах. А он, мелкий механизм антивируса этого мира, может двигаться дальше – к новой цели. Двигаться к новому заданию,

кружась в бесконечном круговороте колеса закона. Он – Жнец, несущий смерть одним прикосновением, обреченный вечно скитаться по городам и весям, подобно охотничьему псу смерти.

Сжав зубы, Кобылин налег на педали, и велосипед выскочил на «зебру», – прямо на красной свет. Чудом разминулся с загудевшей машиной, Алексей обогнул невесть откуда взявшийся трактор и взлетел на бордюр. Не обращая внимания на гудение машин и отборный мат за спиной, охотник припал к рулю, ускорился и через пару секунд с визгом затормозил у ларька. Еще через миг он уже прислонил велосипед к стене – ровно в том месте, откуда позаимствовал его десяток минут назад.

Когда дверь начала открываться, охотник развернулся и быстрым шагом направился к вокзалу. За спиной раздался окрик – не грозный, больше недоуменный, с вопросительной интонацией. Мол – чего надо? Но Кобылин не обратил на него внимания. Ускоряя шаги, он нырнул в двери вокзала, быстро пересек зал ожидания с опустевшими креслами, и, наконец, сорвавшись на бег, выскочил на перрон.

Поезд уже тронулся с места и постепенно набирал ход. Зеленые вагоны скользили вдоль потрескавшегося асфальта плавно, как кубики льда. Еще немного и тихий шорох колес сменится громоподобным громоуханием и лязгом разогнавшегося состава.

Впереди мелькнул темный проем открытой двери, и Кобылин, сорвавшись с места, бросился вдогонку за своим вагоном. В пару прыжков нагнал свою цель и ловко, без малейшей паузы, заскочил в распахнутую дверь, чуть не придавив к железной стене костлявую проводницу в синей форме. Та, пискнув от испуга, шарахнулась в сторону, но увидев знакомую небритую физиономию, облегченно вздохнула. Обернувшись, она захлопнула дверь вагона, а потом уж обернулась и выдала хаму по первое число.

– Виноват, – прижимая руку к сердцу, повинился Кобылин. – Кругом виноват. Ну, очень пирожков захотелось. Они тут копеечные, а так пахнут... Водка? Да ты что, милая! Хочешь, дыхну?

Проводница смерила пассажира суровым взглядом, потянула носом, и, на всякий случай, погрозила длинным костлявым пальцем.

– Четыре часа, – сказала она. – Ох, бедовый ты мужик! Ссажу на следующей, так и знай!

– Как договаривались, – Алексей кивнул. – Мне ж только своих нагнать, я тут в уголке посижу.

Проводница снова потянула носом, но, не учуяв ничего подозрительного, хмыкнула, и вышла из тамбура, с грохотом захлопнув за собой дверь.

С лица Кобылина сошла виноватая ухмылка – медленно соскользнула, словно ненужная теперь маска. Выпрямившись, он прислонился к железной стене, уставился в окно на скользящие мимо дома с разноцветными крышами и застыл. Как памятник, как мраморное изваяние. Бесстрастный, безучастный, и почти безжизненный. Маленький винтик в огромном механизме, постепенно утрачивающий последние связи с человеческим существом, которым он когда-то являлся. Но отчаянно сопротивлявшийся этому процессу.

Отвернувшись от окна, Кобылин уставился на стену тамбура, выкрашенную серой краской, а потом устало прикрыл глаза. Ему предстоял длинный путь – тяжелый, невозможный, невероятный. Последнее задание, которое было непосильным даже для него. Особенно для него.

Но все-таки, он должен попытаться вернуться.

Домой.

* * *

На подземной стоянке было темно, и машины, выстроившиеся длинными рядами, тонули в полутьме. Пара ярких ламп над въездом служили своеобразными маяками, напоминая води-

телям, где здесь выход. Их призрачно-белый неровный свет растекался по силуэтам авто, отражаясь от блестящих, словно мокрых, бортов. Одинаково обтекаемые, гладкие, скользкие даже на вид, они напоминали рыб, выглянувших на свет из глубокого омута.

У бетонной колоны, высившейся в центре парковки, между двух машин, оставалось свободное место. Его заняли две фигуры – одна приземистая, широкая в плечах, напоминающая борца. Вторая, стоявшая рядом – высокая, хрупкая, тонкая, женственная.

Тишину стоянки разорвал хриплый рев мотора. Вдалеке вспыхнули ослепительные лучи, на мгновение затмив свет фонарей, и через секунду вынырнувшая из проезда машина скользнула между рядами, рассекая тьму светом фар, нарезая ее широкими пластинами, словно жирное черное масло.

Машина – серый приземистый седан – остановилась у свободного места на стоянке. Двигатель выключился, но фары по-прежнему пылали белым огнем, вырезав из темноты ярко освещенный круг. Лязгнула дверца и на бетон выбрался человек. Высокий, худощавый, с редкой бородкой. В узкой кожаной курке, из-под которой выглядывала светлая водолазка, в джинсах и кроссовках, он походил на столичного модника, решившего вспомнить молодость. Щурясь, человек сделал крохотный шаг прочь от авто. Ему навстречу, из темноты, выдвинулись два призрачных силуэта.

Гриша, облаченный в дорогой черный костюм и голубую рубашку, первым вынырнул в круг света. Густая борода была коротко подстрижена, а пышные кудри на голове тщательно расчесаны. Григорий сделал еще один шаг, навстречу гостю, вытянул вперед мощную ладонь, походящую на лопату. Визитер смерил Бороду мрачным взглядом и руки не принял. Лишь перевел взгляд на девушку, бесшумно появившуюся рядом с Гришей. Высокая, худая, с плечами пловца, она мрачно смотрела на визитера темными, глубоко запавшими глазами. Черные прямые волосы, отросшие почти до плеч, были ровно обрезаны. Куртка из тонкой мягкой кожи, была на размер больше, чем нужно, и почти не скрывала кобуры подмышкой. Черная водолазка, черные джинсы, черные матовые кроссовки – худая девушка была почти незаметна в темноте. Ее белое худое лицо с торчащими скулами и блестящими глазами казалось мазком кисти на картине художника.

– Мы слушаем, – тихо сказал визитер, отводя взгляд от девушки. – Ты хотел нас видеть, Гриша. Мы тут.

Борода скрестил руки на груди, смерил собеседника тяжелым взглядом.

– Ладно, – веско произнес он. – Думаю, вы уже обсудили мое предложение и усмотрели в нем кое-что интересное для себя. Иначе бы вообще не пришли. Так что, Рустам, скажешь мне, что вас заинтересовало, или поиграем в мафиозные переговоры?

– Хочешь напрямую? – осведомился худощавый собеседник. – Согласен. Давай быстро и просто. Итак – чего ты на самом деле хочешь, Григорий? Весь это треп, который ты уже полгода рассылаешь по электронной почте всем подряд, не стоит и гроша. Давай, бородатый, уложись в пару слов, здесь и сейчас.

– Запросто, – хмыкнул Гриша. – Я предлагаю вам присоединиться ко мне. Я знаю, что после распада Ордена часть региональных наблюдателей отказались принять власть нового совета. Вы собрались вокруг Марисабель, бывшего куратора западного направления, и осели в столице. За последние шесть месяцев число сторонников нашей красавицы выросло до двух десятков бывших лучших умов Ордена. Сейчас вы прячетесь, пытаетесь сохранить независимость, но уверяю, это ненадолго. Они придут за вами. Тот самый Новый Орден, который вы пытаетесь игнорировать. Сейчас они заняты грызней и перераспределением должностей. Новый Совет подмял под себя все основные ресурсы старого Ордена – счета, связи, контакты, имущество, персонал. И превратил бывших наблюдателей в мелкую банду влияния, которой отдают приказы денежные мешки из семей Старого Света. Да, сейчас идет активная перестройка структуры и перераспределение самых больших активов. Но вскоре они потянутся и

за более мелкими группами, надеясь вернуть их в сферу своего влияния. Они придут за вами. И припомнят вам то, что вы попытались соскочить с крючка. Вам нужна защита. Новая группа, которая будет прикрывать вас, и использовать ваши таланты по назначению.

– Очень интересно, – сухо отозвался Рустам. – Мы, конечно, не прячемся. Мы сохранили основную структуру и просто решили основать новое дело. Независимое подразделение, чисто коммерческую компанию, работающую по контракту с заинтересованными лицами. Бизнес, ничего личного.

– Информационные технологии, – хмыкнул Борода. – Большие данные, сбор и анализ информации, информационные войны, технологии влияния, поддельные новости и поддельная реальность. Вам всегда это хорошо удавалось. Но вы слишком оптимистичны. Новый Орден не будет размещать у вас заказы, не будет заключать с вами контракты. Они просто вас сожрут, разжуют, переварят и усвоят.

– Не надо демонизировать Новый Орден, – отозвался Рустам. – Это работа для нас. Очернить, обелить, придумать новые термины, наполнить старые другим значением. Гриша, не играй на чужом поле. Перемены давно назревали, Орден заостенел, превратился в ненужный придаток современного сообщества. То, что произошло, было логичным продолжением развития организации.

– Кровавым рейдерским захватом, – отрубил Григорий, хмурия брови. – Брось, Рустам. Ты сам знаешь, как это происходило. Орден сотню лет занимался тем, что пытался сохранить баланс в отношениях существ и человеческого общества. Наблюдал, делал выводы. Подкидывал заинтересованным лицам нужную информацию. Прятал концы, маскировал провалы, наводил глянец, не позволяя уродливому нутру монстров выглянуть на свет. Охотники в нужное время получали наводки на тех, кто не желал придерживаться правил. Трупы вывозились и уничтожались. Большинство организаций существ и даже многие Семьи делали отчисления в фонды Ордена, чтобы поддерживать существующий порядок. Мир оставался неизменным, соблюдалось равновесие, и все, более-менее дружно, ковыляли вперед.

– Это здесь, – резко возразил Рустам. – Ты прекрасно знаешь, что в Старом Свете все было иначе. Орден был инструментом противостояния Семей. Его руками велась борьба за власть. Информационные вбросы, заказы на силовые операции, устранение неудобных. Орден всегда был группой наемников, выполнявших поручения влиятельных кланов именно за те самые отчисления, которые ты упомянул. Восточная группа была слишком долго оторвана от основного тела Ордена по политическим причинам и, в конце концов, стала слишком самостоятельной.

– Независимой, – уточнил Гриша. – И это не понравилось Семьям Старого Света. Все так и началось. Сначала они привели в наш Совет своих людей, потом в дело пошли деньги, шантаж, убийства. Кто-то решил, что настала пора поменять политику Ордена и здесь, в наших краях. И вот – несколько подозрительных смертей, голосование, новые члены Совета, новые руководители...

– Но все пошло наперекосяк, – мрачно заметил Рустам. – Хотя сама идея была неплоха. Просто смена руководства, переподчинение Центральному Контону, обычное бюрократическое изменение в большой корпорации. Если бы все прошло гладко, никто бы ничего и не заметил.

– Заметили бы, – отозвался Григорий. – Но потом. Когда все бы рухнуло в ад, и началась бы война за власть. Собственно, все так и получилось, просто раньше, чем мы предполагали. Местные Семьи тоже слишком независимы от своих дальних родичей. И они не собираются наблюдать за тем, как у них под носом зреет еще один игрок, способный вмешиваться в их дела. Простые наблюдатели, какими были раньше члены Ордена, их устраивали больше.

– Многие поддерживают перемены, – осторожно возразил Рустам.

– Только те, кто надеются нагреть на этом руки, – отозвался Борода. – Пара крупных политических игроков, несколько банковских кланов, решивших добавить к своим капиталам вполне осязаемые рычаги влияния. Но силовики колеблются. Получилось слишком много шума.

– В основном из-за тебя, – недовольно произнес Рустам. – Твоя ссора с Павлом, новым координатором, расколола старую тусовку на части.

– О, нет, – хмыкнул Гриша. – Это дебильные действия жадного упыря, попытавшегося откусить кусок пирога лично для себя, привели к катастрофе. Новый Совет Ордена слишком зарвался. Жадность и торопливость. Как можно быстрее ухватить кусок пожирнее, поймать рыбку, пока вода еще мутна.

– И это тоже, – согласился Рустам. – Но эта история...

– Упырь из жадности чуть не угробил весь город, – сердито сопя, отозвался Борода. – Это просто чудо, что мы все уцелели. А, хватит об этом! Не будем о прошлом. Нам надо обсудить будущее. А оно просто. Новый Орден, подчиненный семьям Старого Света, постепенно набирает силы. И это уже не приют для Наблюдателей, а мелкая банда, занимающаяся шантажом и убийствами.

– Не мелкая, – возразил Рустам. – Теперь это часть крупного конгломерата. И довольно цивилизованного. Пройдет полгода, осядет пыль, и все станет чисто и гладко. Не так, как было раньше. Но так, как есть сейчас в Старом Свете.

– Осядет пыль? – переспросил Григорий и приподнял густую бровь. – То есть, вы, спецы по информации, даже не сделали прогноз?

– Сделали пару сотен, – отрезал Рустам. – Данные... часто меняются.

– Я тебе подкину самых свежих новостей, – отозвался Борода. – Новый Орден – лишь первая ласточка. Как только поднялась пыль, и водичка помутнела, сюда рванули все мелкие безземельные сынки больших Семей. Да и их старшие родичи, давно поделившие Старый Свет, потянули свои щупальца к нам. Пользуясь поднявшейся суматохой, они хотят отгрызть себе здесь новый кусок. Наши замшелые ребята, местные, давно друг с другом свыкшиеся, уже чувствуют, как под ними шатаются кресла и троны. Идет новая кровь. Город будут делить заново. И это только начало.

– Мы прогнозируем некоторые... перестановки, – осторожно отозвался Рустам. – Ты слишком сгущаешь краски.

– Сгущаю? – Борода хмыкнул. – В город прибыл представитель Сараевской Семьи. Формально – Князь Скадарский. С малой свитой. Тебе напомнить, чем славна эта Семья и кто на самом деле стоит за их спиной?

– Сараевские, – Рустам помрачнел. – Это, конечно, не Швейцарские Контоны, но тоже, знаешь, не Усть-Зажопинск.

– Ты думаешь, они на экскурсию приехали? – осведомился Борода. – Ты все еще не понимаешь. Это пробный шар. Из нас сделали дичь. Разрешили охоту. Для этого понадобилось только хорошенько расшатать равновесие политического влияния и убрать с дороги наш Орден, занимавшийся сохранением баланса. Будет война – все против всех. Война денег, война политиков, война и существ и людей. Каждый будет использовать те ресурсы, до которых дотянется. Разбитые витрины, перевернутые машины, горящие баррикады. Кровь людей и нелюдей в одной луже. Вот что скоро здесь будет. А не контракты на обеспечение информационной поддержки политической компании.

– Ерунда, – уверенно отрезал Рустам. – Хватит этой чуши ты...

За его спиной сухо загудел мотор, и черное стекло машины опустилось. Из него высунулась хрупкая рука в черной кожаной перчатке с кружевным тиснением и сделала резкий жест. Обернувшийся Рустам послушно сдвинулся в сторону.

В проеме открытого окна появилось женское лицо. Белое, изможденное, наполовину прикрытое огромными солнечными очками, выглядевшими довольно глупо в темноте стоянки. Косметику, покрывавшие морщинистые щеки и тусклые губы, скорее, пора было называть гримом.

– Марисабель, – протянул Гриша, шутливо отдавая честь. – Ваша информационная светлость.

– Хватит трепаться, – раздался хриплый голос, больше подошедший бы простуженному мужчине. – Карты на стол, жирдяй. Что ты собираешься делать? Ты сам, лично?

– Попытаюсь не допустить войны и вернуть все в равновесие, восстановить былые связи и силы, – спокойно отозвался Гриша.

– Да ну, – резко отозвалась пожилая дама, выдыхая клуб сизого сигарного дыма. – И как же это?

– Все пока только начинается, – отозвался Гриша. – Сейчас еще можно в одном месте надавить, а в другом поддержать – и все покатится в нужном нам направлении. Мне ли рассказывать тебе о методах Ордена?

– То есть, – подвела итог Марисабель, – ты, сукин сын, хочешь возродить Орден? В том виде, в каком он существовал до этого бардака?

– Что-то вроде того, – отозвался Гриша. – Кто-то должен заботиться о равновесии. Но не думаю, что это будет называться Орденом.

– А ты, само собой, будешь его новым главой?

– Почему бы нет, – Гриша пожал плечами. – К черту ложную скромность. Кто-то должен грести на этих галерах. А если хочешь, чтобы все было сделано как надо – сделай это сам.

– Ладно, – резко бросила дама. – Амбиции у тебя как у слона. А что есть в руках на самом деле? Кое-что я знаю, но давай, выкладывай. Удиви меня.

– Охотники, – отозвался Борода. – У меня есть охотники. Сумасшедшие и отборные убийцы, перед которыми пасуют самые опасные тролли и упыри.

– Десяток приличных рыл, – Марисабель хмыкнула. – Плюс два десятка колхозников с берданками. И полсотни сопляков, играющего раз в году в войнушку. И это твоя армия, сынок?

– Обеспечение, – уверенно произнес Гриша. – Оружие, амуниция, питание, доступ к старым региональным счетам, которые я перевел на себя. Связи в городе. Хорошие связи с хорошими людьми. И на меня уже работают несколько координаторов, оставшихся от Ордена. Прости, не могу назвать тебе имена.

– У меня самой этих связей! Все это просто...

Марисабель остановилась на полуслове, подалась вперед, вглядываясь в темноту. На соседней машине вдруг появился темный силуэт – небольшой столбик, словно маленькая собачка встала на задние лапы. За ней появился еще один такой столбик. Еще пара на соседней машине, десяток на бетонном полу, пяток вокруг худощавой девчонки. В темноте заблестели сотни крохотных глаз. Разом.

Марисабель зябко поежилась и отодвинулась вглубь салона.

– Ладно, – сказала она. – Подземники. Дно города. Глаза и уши. Неплохо, толстячок. Возможны варианты. Но все равно, слабовато.

– А что тебе надо? – устало спросил Борода. – Что тебя впечатлит?

– Диски, – хищно выдохнула Марисабель. – Жесткие диски серверов из подвала Министерства, те самые, которые уволок твой безумный дружок, прежде чем перекинуться в какие-то иные выси бытия.

– Диски, – спокойно произнес Борода. – Диски, на которых хранятся данные, которые полвека собирала государственная машина. Полагаю, речь не о справочнике существ, и не о рецептах травяного чая.

– Ты прекрасно знаешь, что там было, – выдохнула Марисабель. – И почему этот идиот Павлик так к ним рвался. Компромат на все местные семьи. Кто с кем, почему и сколько это стоило. Кто откуда вышел, у кого какие грешки случились лет сорок назад. Фотографии. Аудиозаписи. Показания свидетелей. Бухгалтерия... Гриша, бухгалтерия! Вот это бомба. Это тебе не мальчишки с берданками, бегающие по темным улицам! Вот это оружие, которое может изменить мир.

– Дисков у меня нет, – признался Борода. – Но есть вероятность, что скоро будут. В конце концов, я единственный, как ты выразилась, дружок того, кто их уволок.

– Вот будут у тебя, тогда и позвони, – отрезала Марисабель. – За таким куском я к тебе сама на коленях приползу. А пока, Гриша – чао.

Затемненное стекло поднялось, скрыв белое лицо. Рустам, нервно поглядывающий на крыс, окруживших его машину, в мгновение ока очутился за рулем, завел движок и рванул с места. Серый автомобиль коротко рыкнул мотором, пролетел по парковке и скрылся за поворотом, ведущим к выезду. Все произошло за несколько секунд – Борода даже рта не успел открыть. Только головой покачал.

– Ладно, – наконец, протянул он. – Вот и поговорили. Лен, ты это...

Девушка шагнула вперед, вскинула руку, привлекая внимание подземников, походивших на огромных крыс.

– Треш, – позвала она. – Отбой. Расходимся.

Темные столбики бесшумно растворились в темноте – словно их тут никогда и не было. Борода снова покачал головой и нахмурился. Сунул руки в карманы пиджака и медленно, вперевалку, зашагал в темноту – к припаркованной машине. Лена двинулась следом, и через пару шагов нагнала казавшегося неуклюжим толстяка.

– Почти год прошел, – пробормотал он, глядя перед собой. – Знаешь, Лен, порой мне так не хватает Лехи... Пряма такая тоска изнутри берет. А потом думаешь – вот гад, столько дел наворотил. Сам сбежал, опять к какой-то великой цели, к сияющему недостижимому граду на холме. А нам тут дерьмо разгребать. Так бы и придушил мерзавца.

– Та же фигня, – отозвалась Лена. – Говорят, Гриш, это и называется любовью.

Григорий на подколку не повелся, медленно поднял взгляд на улыбающуюся охотницу, печально покачал головой.

– Не, – сказал он. – У тебя так не получается. Он такое на полном серьезе мог отмочить. Даже не задумываясь.

– Ну, извини, – резко отозвалась она. – Мы люди мелкие, обычные, не аватары какие-то там.

– Не обижайся, – Григорий улыбнулся и взял ее под локоть. – Это я так. От печали. С меня мороженка. Поехали за мороженкой, а? Давай, давай, садись, Лен. Давно я девчонок мороженым не угощал. Лет сто.

Охотница села в маленькую серую машину Дэу. Борода втиснулся на водительское сиденье, захлопнул за собой дверь, тронулся с места.

За отъезжающей машиной из темноты следила сотня крысиных глаз. Они были готовы ждать. Они тоже знали – это лишь начало.

* * *

Пройдя сквозь рамку безопасности в зоне прилета, он быстрым и уверенным шагом двинулся к выходу из аэропорта. Пассажиры толпились у табло, брели с тяжелыми чемоданами к стойкам регистрации, занимали очередь к упаковщикам клади. Это маленькое людское море непрерывно шевелилось и плескалось, бессистемно, хаотично. Но человеку это не мешало, –

он шел по прямой, к огромным стеклянным вращающимся дверям. Пружинисто, целеустремленно, не глядя по сторонам. И ни разу ни с кем не столкнулся.

Человек был чуть выше среднего роста, собранный, чуть округлый. В спортивном костюме он бы сошел за борца или тяжелоатлета, но сейчас на нем был темно зеленый, почти черный, деловой костюм. Белая рубашка, галстук, на ногах блестящие туфли с тонкими шнурками. В левой руке – небольшой черный дипломат, в котором могли поместиться разве что пара папок с документами. Мощный подбородок, чуть выдававшийся вперед, был гладко выбрит, узкие губы сжаты, глубоко посаженные глаза смотрели твердо и уверенно. Светлые, почти соломенные волосы зачесаны назад и тщательно уложены. На левом запястье тускло блестят большие часы.

Не спортсмен – скорее бизнесмен, возвращающийся из деловой командировки. Очень уверенный в себе, проводящий в спортзале не меньше времени, чем в офисе, считающий потребляемые калории, и ценящий свое время на вес золота.

У самых дверей ему навстречу двинулись сразу несколько таксистов, дежуривших у входа. Человек не замедлил шага – наоборот, ускорился. Первый водитель вовремя отшатнулся и человек с дипломатом нырнул в открывшийся проход. В мгновение ока он оставил за спиной таксистов, – тут же переключившихся на следующую жертву, – и очутился на улице.

Сделав пару шагов по асфальту, он ловко обогнул багажную тележку, неведь откуда возникшую на пути, миновал семейную пару с рыдающими детьми, проскочил между двумя зазевавшимися носильщиками и вышел к бортику. Быстрым шагом двинулся вдоль него, не обращая внимания на окружающих, спустился вниз, по наклонной дорожке. По пешеходному переходу перешел на другую сторону дороги – прямо перед носом желтого Логана, – пересек разделительную полосу и остановился. Медленно развернулся, вскинул руку и взглянул на часы.

Тот час, словно по сигналу, прямо перед ним остановился черный Ауди, вынырнувший из потока сигналящих машин. Человек с дипломатом открыл заднюю дверцу, опустил на сиденье. Машина тронулась с места ровно в ту секунду, когда закрывшаяся дверца щелкнула замком.

Человек положил дипломат на колени и устался прямо перед собой – на спинку водительского сиденья. Водитель, не сказавший ни слова, даже не обернулся. Пассажир тоже промолчал.

Всю дорогу он так и просидел – равнодушно уставившись в кожаную поверхность сиденья перед собой. Он ни разу не повернул головы, сидел молча, лишь ровно и бесшумно дышал, как механизм перешедший в режим ожидания. Все два часа, которые черный Ауди потратил на дорогу из аэропорта в центр, в салоне царила тишина.

Лишь когда машина, поблуждав в лабиринте узких улочек, подъехала к входу в небольшой отель, расположившийся в самом центре города, в неожиданно тихом месте за спиной у здания МИДа, человек с дипломатом оторвал взгляд от сиденья. Он быстро глянул в окно, осмотрел огромное крыльцо с большим козырьком и сияющей неонов надписью, замер на секунду, словно фотографируя глазами окружающую местность, и снова замер.

Когда машина остановилась, человек быстро открыл дверь, пружинисто ступил на старый асфальт, обогнул Ауди и двинулся к широким ступеням крыльца. Автомобиль тронулся с места, едва закрылась дверца – вся посадка пассажира заняла не больше пары секунд. К тому времени, как он подошел к стеклянным дверям, Ауди уже скрылась из вида.

Войдя в неожиданно огромное фойе, блестящее хромом и стеклом, гость, проигнорировав распорядителя с бейджиком, двинулся сразу к лифтам. Его уже ждали – высокий седой старик, в черном костюме, чем-то напоминавший хищную птицу. Человек с дипломатом подошел ближе и стал рядом со стариком. Они не обменялись даже взглядом – просто молча дождались лифта. Первым в него вошел встречающий, потом гость. Когда кабина подняла их на третий

этаж, старик вышел первым и двинулся по длинному пустому коридору, мягко ступая по узорчатой дорожке. Он даже не оглянулся проверить – следует ли за ним посетитель. А он следовал – мягко двигался следом, бесшумно и аккуратно ступая за провожатым.

У двери из темного дерева, не отмеченной никаким номером, старик остановился, аккуратно распахнул дверь и придержал ее перед гостем, вошедшим в номер.

Комната напоминала зал для приемов. Большое окно, в центре стол с цветочными вазами, у него два кресла, у стен пара кожаных диванов. Тускло-бардовые обои, напоминающие дорогой бархат, строгий, без рисунка, паркет. В стенах белые двери, ведущие в соседние комнаты. Не номер, а приемная.

Человек в черном костюме, повинаясь жесту провожатого, прошел в комнату, уселся на один из диванов, положил дипломат себе на колени и застыл, привычно глядя прямо перед собой. Старик взглянул на часы, прикрыл дверь в коридор и остался стоять у нее, словно караульный.

В тот же миг белая дверь в правой стене распахнулась, и в зал уверенным шагом ступил высокий человек. Он был уже немолод, в черных кудрях виднелись нитки седины, но двигался он быстро и уверенно. Высокий, худой, одет в бежевый костюм с белой рубашкой. Галстука нет – расстегнутый воротник открывал морщинистую шею с тонким шрамом поперек горла. Длинный хищный нос выдавался вперед, под кустистыми черными бровями сидели глубоко запавшие темные глаза, а впалые щеки были чисто выбриты – до синевы.

Увидев гостя, хозяин апартаментов двинулся прямо к нему, широким размашистым шагом. На бесцветных старческих губах появился едва заметный намек на улыбку.

– Йован! – мягко произнес хозяин, когда гость поднялся с дивана и вытянулся в струнку. – Рад тебя видеть. Как все прошло?

– Все прошло превосходно, – кратко отозвался гость и склонил голову в легком поклоне. – Пан Новак, Ваша Светлость...

– Пустяки, – хозяин взмахнул длинной рукой, отменяя титулы. – Мы снова в деле, Йован, оставим формальности. Ты привез мой заказ?

Человек в темном костюме без всяких эмоций поставил дипломат, который все еще сжимал в руке, прямо на кожаный диван. Потом повернулся, поднял левую руку, снял с запястья большие хромированные часы и с легким поклоном протянул их хозяину.

Пан Радован Новак, князь Скадарский, легко выхватил часы из руки гостя, повертел в длинных сухих пальцах, согнул браслет чуть ли не пополам. С легким щелчком часы выскочили из креплений. Князь перевернул часы, провел пальцем по тыльной стороне, подцепил ногтем незаметный выступ, дернул и в подставленную ладонь упал металлический жетон размером с крупную монету. На блестящей поверхности виднелись черные насечки, словно сотни крохотных букв шли по спирали от краев к самому центру, к блестящей крохотной пуговке, едва заметно выступавшей над поверхностью.

Князь небрежно сунул часы и браслет в карман пиджака, вытянул руку со странным жетоном перед собой и сильно сжал в кулаке, шепча что-то себе под нос на языке, который не звучал в этих краях несколько столетий. Когда длинные бледные пальцы разжались, оказалось, что жетон острыми краями проткнул старческую кожу и несколько капель крови запятнали блестящую поверхность. Пан Новак быстро провел над ладонью свободной рукой и снова сжал кулак. Когда он раскрыл его, пятна крови исчезли, но выступ в центре жетона налился темно-багровым цветом, напоминавшим подсыхающую кровь.

– Вот и славно, – мягко сказал князь, опуская жетон в нагрудный карман. – Лукас!

Старик, стоявший у дверей, сделал шаг вперед.

– Позаботься о Йоване, – велел хозяин, – устрой его как обычно.

Окинув взглядом застывшего гостя, не проявившего за время ритуала ни единой эмоции, Скадарский улыбнулся уголком рта.

– Остается только ждать, Йован, – мягко сказал он. – Эта вещь скроет тебя, отвлечет на себя внимание. То, чему не место в этом мире, будет притягивать цель как магнит. И ты сможешь выполнить свое поручение. Якоб позже проинструктирует тебя. А теперь – отдыхай. И знай, я рад, что мы снова работаем вместе.

Развернувшись, князь быстрым шагом удалился в соседнюю комнату и скрылся за белой дверью. Пожилой камердинер, Лукас, повел рукой, приглашая гостя следовать за собой, и Йован повернулся. Он взял с дивана черный дипломат и послушно зашагал следом за провожаемым обратно в коридор.

Всю короткую встречу Йован оставался бесстрастным, словно мраморная статуя. И лишь сейчас, когда он переступал порог гостиничного номера, его глаза чуть прикрылись, словно от предвкушения удовольствия.

Те, кто встречал его раньше, сказали бы, что это целая буря эмоций. И постарались бы очутиться от него как можно дальше.

* * *

В тамбуре поезда было темно и душно. Дождь хлестал по окну, оставляя на грязном стекле косые следы, напоминавшие прозрачные вены. Грохотали колеса, сталью лязгали сцепки, и металлический оркестр заглушал громовые раскаты грозы явившейся за окном.

Кобылин стоял у окна. Его усталое лицо можно было назвать изможденным – глаза глубоко запали, скулы торчат, на щеках нездоровый румянец. Он походил на сильно похудевшего гимнаста – спортивного телосложения, жилистый, но словно усохший после тяжелой болезни. Даже походная куртка казалось, была на два размера больше, чем нужно.

Он стоял, прижавшись лбом к грязному стеклу, и неотрывно смотрел на стену из леса, почти скрытую в серой пелене ливня. По окну бежали прозрачные ручьи дождевой воды, собираясь из одиноких капель в мощные потоки. Словно отражение, на щеках уставшего человека с остекленевшим взглядом, виднелись едва заметные влажные дорожки слез.

Внезапно Алексей дрогнул, его глаза ожили, зашарили по мокрым деревьям, пытаясь рассмотреть то, что оставалось невидимым для других. Охотник подался вперед, вжался грудью в дверь, вцепился скрюченными пальцами в поручни, не отрывая взгляда от одной точки, лежавшей далеко за лесом. Потом повернулся всем телом, следуя за невидимой целью, как стрелка компаса за магнитом. Он поворачивался до тех пор, пока не уткнулся лицом в железную стену тамбура. Лишь тогда, разжав сведенные судорогой пальцы, вскинул правую руку, уперся ей в стену и медленно оттолкнулся от крашеного серой краской металла.

Невидимая сила отпустила его тело. Обмякнув от облегчения, Кобылин шлепнулся спиной о противоположную стенку, сполз по ней и уселся прямо на грязный пол. Обхватив ноги руками, он поднял к потолку уставшее лицо.

– Где ты? – хрипло спросил он. – Где? Нам нужно поговорить. Нужно пообщаться. Ты была права. Я... больше не могу так. Не могу.

Не дождавшись ответа, Кобылин уткнулся лицом в колени и глухо застонал, как раненый зверь. Силы действительно были на исходе. Он чувствовал, как теряет себя. Почти год в дороге, почти год непрерывной охоты и убийств. Он убивал сотни раз. Он умирал сотни раз. И все равно возвращался обратно, чтобы закончить свою работу – как заводной солдатик, которого достают из коробки, чтобы продолжить бесконечную игру.

Сначала это была просто охота. Еще одна. Но потом, когда он умер первый раз, захлебнувшись в Тихом океане неподалеку от Владивостока, все изменилось. Он шагнул за грань, что-то толкнуло его обратно, он вернулся. Но не весь. Какая-то его часть осталась там, в пустоте, о которой у Кобылина не сохранилось никаких воспоминаний. Его хозяйка, а может работодатель, которую он привык называть Смертью, тогда снизошла до него, явившись забрать суще-

ность проклятого кальмара, скрывавшегося недалеко от берега. Она сразу сказала, что лучше не сопротивляться. Нужно просто полностью отдаться во власть той силы, что влечет охотника по всем городам и весям. Потерять себя. Уснуть. Раствориться в ней, перестать быть собой. Перестать быть Кобылиным.

Алексей не послушался. Он не собирался сдаваться, хотя знал – все этим и кончится. Он просто перестанет быть – как личность, как разумный человек. Останется лишь бессмертная оболочка, сосуд, инструмент для воплощения закона. Перчатка, натянутая на невидимую и всемогущую руку. Да, он знал. Но хотел сохранить хотя бы часть своего «я», остаться прежним охотником, пусть и взятым на поводок, как агрессивная псина.

Он держался, сколько мог. Но каждая смерть отнимала у него частичку личности, и Кобылин видел, что движется по наклонной к закономерному итогу своего странного контракта. Скоро он станет одним из тех, за кем охотился все последние годы. Станным существом, монстром, пусть и со знаком плюс. Хотя... Насчет знака, это еще бабушка надвое сказала. Пока он мог хоть как-то контролировать себя и свои задания, он был уверен, что этот знак – плюс. Но если он перестанет управлять собой, то...

За последний месяц он трижды терял сознание, а когда приходил в себя, то понимал, что находится довольно далеко от того места, где «уснул». Обычно, в этот момент он просто шел к очередной цели. Это пока не стало серьезной проблемой, но Кобылин знал, что однажды очнется стоя над трупом очередной твари и не сможет вспомнить – что он делал и как. И хорошо, если под ногами будет валяться упокоенный монстр, а не случайный прохожий или свидетель. Или простой патрульный, решивший проверить документы у подозрительного оборванца. Алексей знал, что в этот момент его телом управлял кто-то другой. Кто-то из глубин тьмы, которую он чувствовал за своими плечами. А самым страшным было то, что Кобылин не знал – кто именно. Тех, кто скрывались в темноте за его плечами, были сотни. Тысячи. Легионы.

Незадолго до первого провала в памяти, Смерть в очередной раз явилась ему лично, призывая не сопротивляться и покориться неизбежному. Слиться с ней. Добровольно стать одним из ее обликов. Кобылин не согласился. И тогда Смерть перестала приходить. Все осталось прежним: его тянуло к новым жертвам, чем-то помешавшим вселенской гармонии жизни и смерти, он умирал и возвращался. Но Алексей лишился последней радости, что оставалась у него – общения с кем-то другим. Пусть даже и со Смертью. Теперь он остался в полном одиночестве, наедине со своими мыслями и выжигающим изнутри отчаяньем. Он знал, что скоро не сможет сопротивляться. И вскоре перестанет быть собой и просто – быть.

Именно тогда он и решил, что пора вернуться. Туда, где он был человеком. Туда, где все началось, туда, где все должно было закончиться. Это было правильным. Логичным. Если этому суждено случиться, пусть это случится там. Быть может, напоследок, он успеет увидеть тех, чьи имена начинали растворяться в его памяти. Две девчонки. Толстяк. Оборотень. Крыса.

Линда.

От этого имени нутро Кобылина обжигало огнем. Краткая встреча с ведьмой оставила в его душе незаживающий шрам, наполненный раскаленными углями. Почему именно она – он и сам не знал. Случайная знакомая, всего одна ночь. Ладно, две. Один совместный бой. Он вытащил ее из неприятностей, она вернулась поддержать его в бою. Это все. Никаких цветов, шампанского, ласковых прозвищ, конфет и романтических рассветов. Все просто, по-деловому, для равной выгоды сторон. И все же имя – обжигает. Алексей понимал, что шансы встретить ведьму в столице – минимальны. И все же, именно это имя он цедил сквозь зубы, когда пытался прийти в себя после очередного затмения. И это помогало. Он твердил его, словно заклинание, повторял про себя, потому что только это слово в последнее время вызывало в его душе хоть какой-то отклик.

Он постарался вернуться. Собирая остатки воли в кулак, обжигая себя изнутри именем ведьмы, Кобылин отворачивался от мелких заданий. Он повернул обратно, в сторону дома. Час на попутке. Два – пешком. Сутки – на поезде в нужном направлении. Когда тяга становилась нестерпимой, он ломался – выходил на очередную охоту, до крови прокусывая тотчас заживавшие губы. Делал свое дело и возвращался к намеченному курсу, с боем отвоевывая каждый километр обратно пути. И у него получалось.

Иногда он впадал в отчаянье и забивался в какую-нибудь дыру. Что он делает? Это никому не надо. Ни ему самому, ни его друзьям, которые, видимо, давно похоронили его. Его усилия – лишь капля в море, бессмысленное барахтанье в черном страшном прибое. Уехавшей Линде он тоже не нужен. И даже самому себе. Не проще ли махнуть рукой на все это? Зачем эти страдания, мучения, метания. Закрывать глаза. Прекратить все это. Просто расслабиться, откинуться на спинку кресла, улыбнуться напоследок и просто раствориться в бесконечной пустоте.

На помощь приходили воспоминания и тогда Алексей криво улыбался. Нет, сдаваться он не собирался. Чисто из упрямства. Назло врагам. На-ка выкуси! Врешь, не возьмешь. Если ему и суждено сгинуть в бесконечной пустоте, это произойдет на его условиях. В бою. Он выпрямится во весь рост и пойдет вперед под градом, снегом, метеоритным дождем. Самый упрямый из охотников, немного сумасшедший, нашедший себя и свое место в жизни – пусть и поздно, но зато со стопроцентным попаданием. И он не собирался отступать, не сделав последний выстрел.

Улыбнувшись, Кобылин вскинул голову, оскалился в грязный потолок тамбура и погрозил ему кулаком.

– Когда-нибудь, – буркнул он. – Но не сегодня.

Опустив руку, он взглянул в сторону двери между вагонами. Среди привычного лязга и грохота вагонов ему послышался посторонний звук. Фальшивая нота, выбивающаяся из привычной мелодии.

Подобравшись, Кобылин сжался в комок, приготовившись прыгнуть с места, если потребуется. Его лицо разгладилось, стало спокойным и расслабленным, словно охотник прислушивался к чему-то скрытому глубоко внутри.

Дверь, ведущая в соседний вагон, с лязгом распахнулась, и в тамбур ввалился толстяк. В темно-синей форме, с шевроном на рукаве и обязательным жетоном на нагрудном кармане. В широкой фуражке с красным околышком.

Транспортная полиция – оценил Кобылин, наблюдая за тем, как следом за толстяком из двери вывалился тощий чернявый коротышка – в такой же форме, но в кепке с козырьком вместо фуражки.

– Так, – грозно протянул толстяк, нависая над Кобылиным. – Это что у нас такое?

В тамбуре было шумно, ему приходилось почти кричать, но Алексей видел по складкам на шее и по спокойным глазам – конфликтовать полицейский не собирался. Настроение у него хорошее, хоть и подпорчено тем, что пришлось отправиться в путь по вагонам, для галочки выполняя обход.

– Пассажир! – бодро отпартовал Кобылин, вскидывая небритое лицо и выдавая улыбку до ушей. – Турист!

– Турист? – чернявый напарник подошел ближе. – А документы у туриста есть?

– Конечно! – крикнул в ответ Кобылин, улыбаясь светло и радостно, как весеннее солнышко. – Вот паспорт. А билета нет, сразу сознаюсь, виноват! Нету билетов, вот ей богу, в кассе нет. А мне своих надо догнать, в Речинске ждут, отстаю я, вот на следующей сойду и сразу к своим!

Толстяк в фуражке принял из рук Кобылина паспорт в весьма потертой кожаной обложке. Помятый, замызганный, – как и полагается паспорту путешественника. Раскрыл его, медленно расправил страницу.

– Москва? – удивился он. – И чо ты тут делаешь, турист?

– Слет у нас, – бодро отозвался Кобылин и его память услужливо подсунула события последних дней, раскрыв дневник воспоминаний на нужной странице. – Верней, у местных слет песенников, в Листовке! А я с ребятами завернул по старой памяти...

Чернявый, присматривавшийся к рюкзаку Кобылина, глянул на напарника. Тот задумчиво рассматривал улыбавшегося охотника. Коротышка ткнул шнурованным ботинком рюкзак.

– А там что? – спросил он. – Наркотики, оружие...

– Рыба, – довольным тоном объявил Кобылин и принялся расшнуровывать ворот рюкзака. – Ребята у вас тут рыба офигенная, не мог удержаться.

На свет появилась огромная гроздь воблы, заранее припасенная охотником. Пахнуло так, что коротышка в кепке попятился.

– Хотите рыбки? – радостно осведомился Кобылин. – Угощаю! А то рыбы полно, а запить нечем...

– Нечем, – повторил толстяк, автоматически принохиваясь. – А пиво?

– Нету пива, – печально отозвался Кобылин. – Нету денег – нету пива. Деньги у корешей. И гитара... О! Ребята, у вас гитары нет? Может, видели в соседнем вагоне у кого-то? Я новую песню придумал, надо срочно наиграть, пока не забыл. Хотите спою?

– Нет, – резко отозвался толстяк. – Никаких песен. Хватит. И это. Нарушаете, значит, граждан.

– Я же не со зла, – умоляюще протянул Кобылин, прижимая руку к груди. – Мужики, мне б только до следующей станции добраться. Места тут сами знаете, какие, с транспортом не очень.

Толстяк многозначительно шмыгнул носом, глянул в раскрытый паспорт, потом на Кобылина. Потом показал паспорт напарнику.

– Гля, – сказал он. – Похож? Мутная фотка. Тут нормальный, а этот на узбека похож.

– Не похож, – уверенно отозвался чернявый. – Точно не узбек. У меня дед узбек, я знаю.

– Узбек? – поразился толстяк. – Ты же говорил – грузин. Когда мы чачу пили!

– Один узбек, другой грузин, – тотчас подтвердил коротышка. – Стопудов.

– А ты тогда кто?

– А я хохол.

– Ты не хохол, а писдабол, – возмутился толстяк. – Врешь, как дышишь! Давай, двигай жопой, пока эти уроды не разнесли ресторан!

Вспомнив о Кобылине, толстяк повернулся к нему, протянул паспорт. Глядя в лицо улыбающемуся охотнику, полицейский сердито засопел, замялся. Потом погрозил толстым пальцем, похожим на сардельку.

– На следующей, – сказал он. – Чтоб когда обратно пойдем тут и духу... Этого рыбьего тут не было.

– Все так и сделаю, – совершенно искренне пообещал Кобылин, пряча потертый паспорт в карман. – И рыбу заберу.

Дверь, ведущая в вагон, распахнулась и в тамбур заглянула проводница. Увидев полицию, всплеснула руками. Толстяк тут же ухватил напарника за рукав и потянул за собой. Чудом протиснувшись мимо проводницы, оба в мгновение ока скрылись в вагоне. Та задержалась, округлила глаза, грозно глянула на охотника и погрозила ему хрупким кулаком. Кобылин широко улыбнулся в ответ и показал ей большой палец. Мол, все отлично. Проводница недоверчиво покачала головой, скрылась в вагоне и захлопнула за собой дверь.

Кобылин медленно засунул связку соленой рыбы в мешок. Подтянул его поближе к себе, обнял колени руками. Улыбка сползла с его лица, веселые морщинки вокруг глаз разгладились. Нос вытянулся, заострился, глаза потухли, превратившись в безжизненные куски мутного стекла. С равнодушным видом Алексей устался на стену тамбура. Потом поднял руку к груди, расстегнул ворот. Сжал кулак, стиснул зубы.

– Линда, – выдохнул он и словно проснулся.

Рывком поднялся на ноги, приник к стеклу и острым взглядом окинул лес, пронесившийся за окном. На следующей? Сойдет. Следом должен идти скорый. Как-нибудь договоримся.

На его белых сухих губах появилась кривая ухмылка, больше напоминавшая оскал. Еще поборемся. Потрепыхаемся немножко, пока есть силы – из чистого упрямства. Да, когда-нибудь силы кончатся. Когда-нибудь.

Но не сегодня.

* * *

Григорий, сосредоточенно сопя, потыкал фломастером в лист бумаги, лежавший перед ним на столе. Беспорядочное нагромождение крестиков, квадратиков, кружочков и стрелочек никак не хотело складываться в осмысленный узор. Борода прикусил колпачок, ткнул в один из квадратиков, прочертил тонкую стрелку к соседнему кружочку, откинулся на спинку кресла и придиричивым взглядом обозрел плоды своих трудов. Со вздохом скомкал лист, швырнул на пол и взял новый – из стопки лежавшей на краю столешницы. Задумался. Чертыхнулся, уронил фломастер на стол и поднялся со скрипнувшего офисного кресла.

Разминая широкой ладонью затекшую шею, Григорий окинул взглядом темный зал, служивший ему временным штабом. Низкий потолок, бетонный пол, отсыревшие стены. Пара письменных столов, пара пластиковых стульев, напоминающих об уличном кафе, лампочки под потолком, болтающиеся на тонких проводах. Небогато. Зато надежно. Бывший тир, скрытый в зарослях на задворках одного из городских НИИ был, конечно, не самым шикарным для проживания местом. Но территория закрыта, на въезде охрана, про самый отдаленный подвал давно забыли даже местные завхозы. Большое помещение под недостроенным крылом давно заброшено. И самым ценным в нем были вовсе не бетонные перекрытия и стены, способные выдержать пулеметную очередь. Самым ценным являлось наличие четырех независимых выходов – при малейшем намеке на тревогу отсюда можно испариться подобно легкой дымке. А можно и засесть в лабиринтах и отстреливаться до последнего патрона. Если тебе больше нечем заняться.

Сердито хмыкнув, Григорий обернулся и напоролся на суровый взгляд Лены, сидевшей за соседним столом с открытым ноутбуком.

– Что? – осведомился Гриша.

– Чего маешься? – спросила Лена, поднимая руки с клавиатуры. – Не сходится?

– Да вообще, – Борода махнул рукой. – Это не информация, а дерьмо. Переделываешь сто раз, а все не так. Слухи, догадки, сплетни. Мусор. Не хватает настоящих данных.

– Говорила тебе, возьми ноут, – сердито произнесла охотница, хрустя длинными пальцами. – Нечего бумагу переводить. И править удобно.

– Не, – замотал лохматой головой Борода. – Не то. Нет в нем души. Мне надо что-то в руках держать. Так думается лучше.

– Завтра закажу тебе гусиных перьев, – пообещала Лена. – И чернильницу.

Григорий махнул рукой, подошел к старому дивану у стены, сел на него, выжав из древних пружин протестующий стон.

– Не сходится, – повторил он, таращась в темноту зала словно филин. – Лен, ну не сходится. По всему выходит, что крупный игрок пришел в город. Но активных действий не предпринимает, как будто чего-то ждет. Этот чертов упырь Павел мечется по городу, собирая остатки Ордена под свое крыло. Это понятно. Он сколачивает свое отделение. От Питерского Совета остались ошметки, они заняты доеданием друг друга и им почти нет дела до того, что происходит у нас. Павел пользуется этим удачным моментом. Похоже, он собирается сколотить свою независимую контору.

– Кто бы мог подумать, – язвительно отозвалась Лена. – С кого бы это он мог взять пример?

– У него, между прочим, – протянул Борода, – хорошие связи с вампирскими семьями Банкиров. Я получил информацию о том, что он встречался с младшим Вирго. Старший занят международным денежным концерном, а вот сопляк частенько позволяет себе пошалить. И компания у него соответствующая.

– Отморозки, чего уж там, – бросила Лена. – Три месяца назад двое охотились прямо на улицах, ты же помнишь.

– Одного взяла наша группа, – напомнил Борода. – Второй сгинул. Черт, невозможно сейчас за всем уследить! Ладно. Я к чему. У нашего упыря, Павла, мать его, Строева, есть поддержка капитала. Вампиры всегда своих поддерживают, тащат вверх, где только можно. Плюс к этому, у него явно есть на примете упыри из молодых. Те, что с революционным задором в заднице. Они, как обычно, хотят изменить мир и больше не желают скрываться. Из тех, кто мечтает о новом порядке. И о человеческих фермах, например.

– Оборотни, – напомнила Лена. – Они его послали к черту.

– Силовики могут себе это позволить, – отозвался Борода и сердито засопел. – Они всех посылают. Стая волосатых псин. Сидят в теплых насиженных креслах, при погонах, при недостатке, и скалятся на всех, кто подходит близко. Но это ненадолго. Еще пара месяцев и до них тоже дойдет волна передела.

– Вера говорит, что есть информация, будто прокуратура собирается сохранить независимость. Рассчитывает на поддержку армейских дружков из окружения политиков.

– Там свои разборки, – отозвался Гриша. – Они тоже начали присматриваться друг к другу. Того и гляди, начнут гвоздить во все стороны проплаченными акциями протестов. И контр-акциями, оплаченными теми же лицами. На улицы ползет мелкая мерзость, пользуясь случаем пошуметь, пограбить и урвать кусок власти. Чье-то кресло покачнется, кто-то не удержится, кто-то толкнет соседа слишком сильно. Вот тогда и начнется самое страшное. Когда начнут делить настоящую центральную власть. Тогда никому мало не покажется. Так что прокуратура и менты скоро тоже попробуют сменить покровителей.

– Но Вера говорит...

– Вера говорит то, что слышала от брата, – отрезал Григорий. – А он, на минуточку, работает на самого главного отморозка – Тамбовцева, засевающего в Главном Управлении. Его семья контролирует половину ментов столицы. А уж связей у него... Скользкая гнида, все время норовит угодить и нашим, и вашим. И ведь ему это удастся! Потому так долго и держится. Но, чувствую, за него возьмутся одним из первых. Его кресло – завидный кусок власти и для новых игроков и для старых коллег.

– Павел Строев, – напомнила Лена, ткнув пальцем в экран ноутбука. – У него не хватит сил свалить Тамбовцева.

– Пока – да, – согласился Борода. – Сейчас он для большинства всего лишь пришлый чужак. Но если он объединится хотя бы с парой криминальных семей, наберет в команду мелкую, но многочисленную шпану, то получит нужные силы. Возьмет числом. Этот упырь уже закидывал удочки и повыше. Если вампиры поймут, что в его лице получают свою частную армию для силового воздействия, то будут его спонсировать и продвигать. На оборотней они

никогда не могли полностью положиться. Волосатики не позволяли упырям обзаводиться собственной армией, все такие попытки эффективно пресекались. И пока такой порядок всех устраивал. У упырей деньги, у оборотней – пушки. А теперь все может быстро измениться. Господи, не верится, что я это говорю, но как же мне не хватает Марисабель и ее ребят! Несмотря на то, что они самовлюбленные хипари, дело свое они знают хорошо. Информацию эти позеры собирать умеют. Жаль, что не получилось прибрать ее к рукам. Очень жаль.

– Обновление пришло, – сказала Лена, глядя в экран. – Данные за три дня. Обстановка на севере ухудшается. Больше десяти нападений за неделю. Четыре трупа.

– А кто у нас за север отвечает? – оживился Григорий. – Семенчук? Что он говорит?

– То и говорит, – мрачно отозвалась охотница. – Что он один, а нападений только зарегистрированных больше десятка. Два подозрения на оборотней, три на упырей. По остальным данным нет, но явно наши случаи.

– Черт, – рывкнул Борода и хлопнул ладонью по дивану, выбив из него облако пыли. – Да что такое! Нам работать надо, а мы занимаемся этим... этим безобразием!

Вскочив с дивана, бывший координатор сунул лапищи в карманы кожаной куртки и прошелся до соседней стены. Вернулся обратно.

– Напиши ему, что я пришлю ему нашу неразлучную парочку, – строго сказал он охотнице. – Завтра!

– Близнецов? А кто тогда будет западным районом заниматься? – спросила Лена. – Там больше и нет никого.

– На западе, вроде, потише стало, – устало произнес Борода.

– Да фиг там, – бросила охотница. – Просто мы не знаем о том, что происходит на самом деле. Даже обычные полицейские сводки читать некому.

– Не знаем, – печально согласился Гриша. – Ни черта не знаем. Не хватает людей. А нечисть оборзела. Как с цепи, гады, сорвались, чувствуют безнаказанность. И это только начало, только начало...

– Хватит каркать, – разозлилась Лена. – Накаркаешь еще, черт бородатый. А я говорила, нечего отсылать первый десяток охотников в деревню.

– Так было нужно, – отозвался Борода. – Лен, ну нельзя Даше в одиночестве. Ее должны прикрывать. И то, что мы смогли выделить ей только десяток – настоящее позорище.

– Позорище это то, что у нас людей не хватает, – тут же отозвалась охотница. – Разогнал всех по углам! Надо всем вместе держаться. Единым кулаком. А не распыляться.

– Ты прости, – примирительно сказал Борода. – Прости, что я отправил твоего Петра Николаевича с ними. Но ты же сама видела, он же лезет вперед, как очумелый знаменосец. Грудью на амбразуру. В каждую щель, в каждую бочку – затычкой. Так и до беды недалеко.

– Знаю, – отрезала Лена и помрачнела. – Видела. Суетится он много. Хочет все и сразу, прыжком и в дамки. Пыла у него на десятерых хватит. Как понял, во что ввязался – не дрогнул. И потом не пожалел. Загорелся он охотой, всю душу вкладывает. Но как-то... Слишком сильно. Даже Кобылин так не ярился. Лешка бы не суетился, порядок навел бы за два дня во всем городе. И он...

Лена замолчала и нахмурилась. Григорий задумчиво почесал бороду.

– Ты, Лен, не обижайся, – сказал он. – Но я тебе один умный вещь скажу. Ты пореже Кобылина поминай при Петьке. А то он и на луну пешком залезет, чтоб бывшего героя обскакать.

– Да я! – вскинулась Ленка. – Ты что такое несешь! И как его не вспоминать, ты сам заставляешь просеивать все новости! Я сутками копаюсь в происшествиях регионов. Ну, нет его следов там, нет! Сгинул он, с концами, все. Ушел в эти самые, как ты выражаешься, жнецы! Нет его больше! Доволен?

– Ушел, и вдоль дороги с косами стоит, – задумчиво протянул Гриша, наматывая клоч бороды на толстый палец. – Есть он, детка. Его не может не быть. Но кто он сейчас, чем занят и как выглядит – пес его знает. Мало что про жнецов известно. Ой, как мало. Но он – есть. Вопрос лишь в том, увидим ли мы его еще хоть раз. А если и увидим – то не в тот ли самый момент, который мы все так стараемся оттянуть.

Ленка захлопнула ноутбук, встала и обложила оторопевшего Григория таким отборным загибом, что тот попятился.

– Сволочи вы все, – сделала, наконец, вывод охотница. – Все.

– Кто – все? – севшим голосом переспросил Гриша.

– Мужики. Все сволочи.

– Подтверждаю! – пропел звонкий голос от дальней стены и Борода резко обернулся.

Из темноты ему навстречу выпорхнула хрупкая девица с острым носиком и огромной копной рыжих волос, завивавшихся колечками. Григорий насупился и сунул подмышку пистолет, выхваченный секунду назад. И не забыл пробормотать под нос пару нелестных слов про соплюх, с которыми приходится работать.

Вера подошла к подруге, тихо заворковала, успокаивая ее. Борода, не желая вслушаться, отошел в темноту, насторожено поглядывая по сторонам. И не ошибся – следом за подругой из темноты появился Вадим. Высокий, широкоплечий, с мощным покатым лбом и большой челюстью он походил на карикатурного вышибалу. Гриша знал, что этот облик не случаен. После укуса оборотня Вадим едва выжил. Он долго болел и как все зараженные, не мог контролировать свои обращения. В конце концов, подземникам удалось как-то вылечить его и превратить его в подобие настоящего, урожденного оборотня. Но к своему бывшему человеческому облику Вадим так и не вернулся. Тощий и невзрачный проводник, получивший власть над своим телом, всегда останавливался в шаге от полного превращения, принимая облик здорovenного громилы, в котором все еще скользило что-то волчье. Борода был на сто процентов уверен в том, что Вадим нарочно оставляет себя в таком виде. Но не мог его за это осуждать.

– Ну? – тихо спросил Гриша.

Вадим вытянул вперед руку, в которой болтались пара огромных пакетов из супермаркета, набитых разной снедью.

– Не, – отмахнулся Борода. – Что там с Айвеном?

Оборотень ткнул пальцем себе за плечо, в темноту, и бодрым шагом двинулся дальше – к столу, за которым тихо шептались девицы.

Борода покачал головой, медленно подошел к проему двери, едва заметному в полутьме. Там, у входа, его ждал Айвен – высокий охотник с аккуратной черной бородкой и серьгой в ухе. Один из старичков, знакомый Грише еще по временам группы двух нулей.

– Как там? – спросил Борода. – Есть новости?

– Они назначили встречу, – тихо отозвался Айвен. – Завтра вечером. В первом парке, сказали, ты знаешь, где это. Хотят, чтобы ты пришел один.

– Так и сказали? – буркнул Гриша. – Один и без охраны?

– Я их переубедил, – отозвался Айвен. – Буду еще я. Меня они хотя бы знают. Попроси подземников прикрыть, пусть поработают тревожной сигнализацией.

– Попробуем, – буркнул Гриша, кося глазом в сторону Ленки, сидевшей за столом и рывшейся в пакете с продуктами. – Ладно, завтра тогда после обеда обговорим. Ты как, с нами?

– Не, – отозвался Айвен и покачал головой. – Посмотрю на ребят на постах снаружи, проверю камеры и датчики движения. Потом в берлогу. Спать. До завтрашнего обеда. А там и увидимся.

– Идет, – согласился Борода. – До завтра.

Охотник шутливо козырнул и растворился в темноте. Григорий со вздохом обернулся и побрел обратно к столам. Туда, откуда тянуло запахом колбасной нарезки и консервов. Там можно было сесть, перекусить, поболтать с друзьями...

Сделать вид, что все нормально, что где-то есть обычная простая жизнь, и мир не стоит опять на краю бездонной пропасти.

* * *

Кофейный столик с прозрачной столешницей был настолько мал, что на нем едва умещалась одна чашка кофе. Зато он прекрасно вписывался в свободный уголок на крохотном балконе, чудом втиснувшись между небольшим плетеным креслом и железными прутьями. Эта сторона выходила на тенистую улочку, заросшую старыми раскидистыми деревьями, чьи кроны вздымались выше верхних этажей.

Раннее утро было тихим и солнечным. Начало лета выдалось дождливым, но сейчас, ближе к середине, погода разыгралась. Не слишком жарко, не слишком холодно, зато солнечно и тихо. Здесь, в лабиринтах старых улочек, почти не было слышно шума огромного города. Машины, сирены, метро, – все это осталось там, далеко, за поворотом. А здесь царила навечно застывшая посреди улицы середина лета. Зеленые кроны, солнечный свет на листьях, шорох листвы и постепенно нагревающийся асфальт.

– А здесь хорошо, Якоб, – тихо сказал Радован Новак, сидевший в плетеном кресле. – Напоминает прежние годы. Время здесь словно остановилось. Правда?

– Похоже, – вежливо согласился Якоб, стоявший в дверном проеме за спиной у князя Скадарского – своего хозяина, покровителя и очень дальнего родственника.

Якоб был высоким и грузным. Черный строгий костюм сидел на нем идеально, подчеркивая фигуру борца. Но большая голова, узкий лоб, густые брови и черные как смоль коротко стриженные волосы не добавляли ему красоты. Его лицо с широким подбородком и глубоко посаженными глазами чем-то напоминало морду цепного пса, готового в любой момент вцепиться клыками в прохожего. Вот и сейчас он настороженно поглядывал по сторонам, обозревая пустую улицу с высоты третьего этажа. Нет ли какой опасности?

– Кажется, этот день будет длиться вечно, – задумчиво произнес Скадарский и осторожно, двумя пальцами, взял с блюдца крохотную чашку с кофе.

На этот раз он был одет в темный костюм со стальным отливом, рубашка была белой, а шею прикрывал синий шейный платок. Черные кудри, аккуратно расчесанные и уложенные, в притворном беспорядке опускались к узким бровям. Острое лицо князя было бледным, и в свете солнца казалось, что оно отливает желтизной. Тем не менее, выглядел Радован бодрым и здоровым. Едва коснувшись сухими бесцветными губами края чашечки, он тут же опустил ее обратно на столик. Взял бумажную салфетку и обернулся к Якобу.

– Теперь, – сказал он, – можешь говорить.

– Утром мы закончили с помещениями банка и автостоянкой, – тут же отозвался Якоб, словно только и ждал разрешения. – Формирование второго отряда поддержки идет успешно, но не так быстро, как хотелось бы.

– А третий отряд? – осведомился Радован, не отводя взгляда от раскидистых зеленых крон.

Громила настороженно оглядел пустую улицу, задержал взгляд на фигуре одинокого прохожего, неторопливо шествовавшего по тротуару далеко внизу.

– Ваша светлость, – тихо сказал он. – Мы может обсуждать такие вещи... тут?

Князь чуть повернул голову, оглянулся на своего подручного, и его губы тронула легкая улыбка.

– Якоб, Якоб, – тихо сказал он, сминая длинными пальцами бумажную салфетку. – Сколько мы с тобой работаем? Двадцать лет? Двадцать пять?

– Тридцать, – тут же отозвался тот. – С того момента, когда я был представлен вашему отцу.

– Да, – задумчиво протянул Радован, скручивая салфетку в подобие веревочки. – Как летит время. Хорошие были времена. Ты ведь никогда не обладал даром, хотя и приходишься нам дальним родственником?

– Истинно так, – отозвался Якоб. – Но я обладаю... другими умениями.

– И весьма полезными, – согласился князь. – И все же жаль, что наша кровь не принесла тебе пару крупиц того, что делает нас князьями.

Лицо Якоба осталось неизменным – он никак не отреагировал на слова хозяина. Он слышал их не раз. И не два. Якоб не обижался на князя. Он этого не умел.

Скадарский, не дождавшись реакции от своего советника, вздохнул, признавая очередное поражение, и вытянул вперед руку. Тонкие пальцы сжали бумажную салфетку, скрученную в тугий фитиль. Он тотчас вспыхнул прозрачным, почти незаметным на солнце, огнем. Бумага истлела в мгновение ока, и фитиль пеплом осыпался из пальцев князя. И в тот же миг балкон окутала легкая, почти незаметная дымка. Солнечный свет померк – но через секунду дымка исчезла, словно унесенная легким порывом ветерка.

– Говори без опаски, – велел Радован, откидываясь на спинку плетеного кресла, заботливо прикрытого кружевной салфеткой.

– Первый отряд мы привезли с собой, – быстро сказал Якоб. – Второй сформирован из рекомендованных нашими информаторами лиц. Третий сейчас готовится. Мы заключаем много личных договоров. Организованные группы колеблются, но одиночки сами приходят к нам.

– Одиночки? – удивился князь. – Мне казалось, для местных характерен некоторый... коллективизм?

– Сложившиеся коллективы действительно существуют, но они не спешат идти на контакт, – признал Якоб. – Неожиданно оказалось, что в городе очень много отдельных лиц, не имеющих связей с Кланами и Семьями. Они не принадлежат к большим группам, но очень хотят влиться в одну из них, чтобы получить поддержку и защиту.

– И они, как правило, беспринципные сволочи, отверженные даже последней местной швалью? – осведомился князь.

– Мне не хотелось бы сгущать краски, – осторожно произнес Якоб. – Но, пожалуй, все так и есть.

– Превосходно, – сказал Новак и снова взялся за чашечку кофе. – А Орден?

– Вампир юлит и уклоняется от серьезных разговоров, – отозвался Якоб. – По нашим данным, он формирует свою структуру из ранее незадействованных ресурсов.

– И это не смотря на то, что семьи из трех Банков рекомендовали ему встретиться с нами? По просьбе, конечно, одного из наших родственников из Берлина.

– Точно так. Более того. Семья севера, которую здесь называют Торгсин, похоже, готова финансировать все действия Строева. Вампир чувствует поддержку и не торопится идти на контакт.

– Вы нашли все его активы? – спросил Радован, хмуря брови.

– К сожалению, нет, – признался Якоб. – Нам известна некоторая недвижимость и часть его персонала. Но многое остается неизвестным. Мелкие группы ведут с вампиром переговоры, часть колеблется, часть соглашается. Трудно получить актуальную информацию, она меняется ежечасно.

– Информаторы?

– Уже работают, – заверил Якоб. – Мы получили источники в трех разных группах. Деньги творят чудеса. Лучше всего обстоят дела с семьями, контролирующими силовые ведомства. Там много недовольных. Несколько Семей оборотней находятся в одной структуре. Это порождает массу конфликтов, конкуренцию. Что открывает перед нами возможности для маневра. Банкиры более монолитны, вампиры не доверяют чужакам. Но у нас есть пара контактов. Так же есть информаторы и в Новом Ордене, но там такая сумятица... Им просто нужно больше времени.

– Превосходно, – одобрил князь. – Время у нас пока есть.

Его подручный дернул головой, как будто ворот бежевой рубашки ему был немного мал.

– Что? – спросил Скадарский, оборачиваясь к нему. – Ты недоволен? Скажи словами, Якоб, хватит корчить рожи.

– Мне кажется, – осторожно произнес Якоб, – что дела продвигаются медленнее, чем обычно. Возможно, нам стоит усилить нажим? Мы рискуем завязнуть в местных дрязгах и потерять темп. Быстрый удар и захват хорошо себя показали на севере.

– Нет, – помолчав, ответил Скадарский. – Тут торопиться не будем. Мы пришли всерьез и надолго. Следует заложить хороший базис, не привлекая лишнего внимания. Местные группировки все еще сильны. Если они сейчас почувствуют угрозу, то объединятся и ответят. Это их не спасет, но гораздо быстрее и проще будет задушить их поодиночке. Сначала мы пустим корни в деловом центре. Недвижимость, финансы, теневые схемы. Потом заручимся поддержкой силовиков. А потом дело дойдет до настоящей власти.

– Не опоздать бы, – заметил Якоб, пошевелив кустистыми бровями. – Как я докладывал вчера, в городе заметили эмиссаров Контона и Островной Семьи.

– Не страшно, – отмахнулся Новак. – Они тут давно. Да, сейчас многие почуяли слабость местных структур, и торопятся получить свежую информацию, чтобы скорректировать свои долгосрочные планы. Но большие семьи не рискнут быстро атаковать. Местные держат их на прицеле и тщательно следят. Эти огромные структуры бьются на европейском ринге с помощью денежных потоков. Серьезный нажим может вызвать вооруженный конфликт. Этого никто не хочет. Мы же будем действовать медленно и осторожно. Постепенно. Изнутри. Начиная с малого. К тому времени, как серьезные игроки рискнут сунуть сюда лапы, у нас уже будет хороший плацдарм для ведения дел. Даже если мы не получим все, мы получим очень многое. А если к тому времени мы успеем выдвинуться на восток, в малообжитые земли...

– Я понимаю, – вежливо сказал Якоб. – И все же у меня создается впечатление, что вы чего-то ждете. Я подозреваю, что речь идет об этом безумном плане, который мы обсуждали перед вылетом.

Князь обернулся к помощнику, сухо улыбнулся узкими губами, погрозил пальцем.

– Ах, Якоб, – сказал он. – Мы уже не раз говорили на эту тему. Но ты прав – я не собираюсь предпринимать решительных действий, пока не будет устранена эта угроза.

– Угроза, – здоровяк тяжело вздохнул. – Мне кажется, вы уделяете слишком много внимания слухам и подозрениям.

– Вовсе нет, – спокойно отозвался Скадарский, не обращая внимания на дерзость помощника. – Просто я лучше информирован, чем другие. Эта маленькая песчинка, кажущаяся незначительной на общем фоне, способна остановить весь сложный механизм, если застрянет в узком месте. Ее очень часто недооценивали, и посмотри, куда это привело несчастного вампира, провалившего свою главную операцию. Я знаю, как опасны такие песчинки. И чем опасна конкретно эта.

– Одиноким охотник, чудом выживший, уехавший неизвестно куда, – Якоб покачал головой. – Это не стоит вашего внимания, ваша светлость.

– Не охотник, – резко отозвался Скадарский и выпрямился в кресле. – Аватар. А возможно, Жнец. Проводник высших сил.

– Жнец? – удивился Якоб. – Разве это возможно? Откуда вы...

Князь поднял к небу длинный палец, и его помощник тут же замолчал, опустив взгляд на носки своих ботинок.

– Не будем это обсуждать снова, – сухо произнес Скадарский. – У меня есть определенная информация, так сказать, из первых рук. Ее достаточно, чтобы я уделил этой проблеме свое внимание. Этот субъект опасен. Все остальное пока непроверенные слухи. Но я не собираюсь пускать это дело на самотек. Нужно определить его местонахождение и устранить угрозу. Обо всем следует позаботиться заранее, чтобы потом не хвататься за голову, в панике придумывая выход, как это было в Будапеште. Ты согласен?

– Да ваша светлость, – быстро отозвался Якоб. – Полностью согласен.

– И все же, чем-то недоволен, – сказал князь. – Ладно. Слушаю. У тебя ровно одна минута.

– Ваша светлость, – торопливо выдохнул Якоб. – Тот амулет... Метка крови, привезенная из замка вашего отца. Мне кажется, вы слишком рискуете. Быть приманкой в этой глупой затее очень опасно. Тем более, если вы действительно верите, что бродячий охотник представляет серьезную угрозу.

– Я рискую? – князь вскинул черные брови и поднялся из кресла.

На его губах появилась улыбка, уже не формальная, а искренняя, словно князь действительно развеселился.

– О, нет, – сказал Скадарский и двумя пальцами достал из кармана тусклый жетон, отливающий багровым. – Я никогда не рискую. Это твоя работа.

Он осторожно опустил жетон в нагрудный карман Якоба, погрозил ему пальцем и шагнул в дверной проем, ведущий с балкона прямо в личную спальню.

– Обсуди детали с Йованом, – донеслось из полумрака. – И займись, наконец, третьим отрядом.

Якоб резко прижал ладонь к карману, словно жетон обжигал ему грудь. Его хмурое лицо разгладилось, смягчилось, хотя до настоящей улыбки было еще далеко. Теперь он был доволен – по-настоящему доволен тем, что князь, оказывается, и не собирался делать глупости. И что вся затея, наконец, обрела хоть какой-то смысл.

* * *

Столичный вокзал встретил Кобылина яростным летним солнцем и проливным дождем. Небольшая черная туча, гулявшая над районом, не смогла заслонить горячее солнце, но зато выплеснула на ближайшие улицы настоящий водопад теплой воды.

Поправив рюкзак, Алексей шагнул прочь из вагона поезда, в который он сел меньше суток назад. Он уже не помнил, сколько пересадок ему пришлось сделать – попутные поезда, электрички, машины – все это слилось в одинаковый серый поток, лишь изредка расцвеченный моментами охоты.

Медленно шагая по перрону, Кобылин старался сосредоточиться. Его немного пошатывало, в голове мутилось, и он не помнил, когда в последний раз спал. Все его силы уходили на то, чтобы противостоять внутреннему зову, гнавшим его на поиски новой жертвы. Охотнику в прямом смысле приходилось сражаться со своим телом, заставляя себя делать шаги в нужном направлении. Не далее как вчера вечером он с огромным трудом запихнул себя в вагон проходящего мимо поезда – настолько был силен зов на неизвестном ему полустанке. Где-то в лесах, не так далеко от железнодорожных путей, скрывалось нечто, чему не было места в этом мире. Нечто, что нужно было переправить на ту сторону границы, отделявший этот мир от бескрайних пустот, охраняемых странным существом по имени Смерть.

Выйдя из-под козырька на яркое солнце, Кобылин машинально смахнул пот с бледного, как простыня, лба, и успел этому порадоваться – оказывается, он еще способен делать что-то сам, по собственной воле. Но едва он зашагал по широкой площади, вымощенной брусчаткой, как его скрутило по-настоящему.

В глазах потемнело, ноги свело судорогой, дыхание перехватило, а в ушах зазвенело, как после хорошего удара по голове. Охотник остановился, застыл на месте, с трудом втягивая горячий и влажный воздух. Закрыв глаза, пытаясь перебороть себя. Он знал, что со стороны выглядит больным – бледный, с лихорадочно горящими глазами, исхудавший, дерганный и трясущийся. Ему уже об этом говорили. И не раз. Кобылин лишь улыбался в ответ – когда на это хватало сил – и отшучивался анекдотом про насморк на семь дней. Самому ему в такие моменты казалось – хотя он и не знал наверняка – что нечто подобное должен ощущать наркоман во время ломки.

Сбоку кто-то проскочил, толкнув Кобылина под локоть, и он машинально тронулся с места, сделал пару шагов. И лишь тогда понял, что с неба падают потоки воды. Алексей вскинул разгоряченное лицо к небу и застыл, с наслаждением чувствуя, как прохлада скользит по пылающим щекам, стекает по запущенной щетине и ныряет за ворот, приятно остужая грудь.

Его снова толкнули, но он не обратил на это внимания – просто стоял, наслаждаясь каждым мгновением. И лишь когда вода скользнула по лопаткам ледяной струей, Алексей с облегчением вздохнул и открыл глаза.

Мир заиграл новым красками. Казалось, с глаз упала серая пелена. Кобылин с удовольствием увидел знакомое здание вокзала, широкую площадь, забитую пассажирами и смог расправить плечи. Дождь освежил его настолько, что пришел в себя и немного расслабился. Зов, обрушившийся на него в первые минуты прибытия, слегка утих. Теперь Алексей мог различить не меньше десятка точек, куда его тянуло. Они располагались неподалеку и были довольно слабенькими, но все вместе давили на грудь как пудовые гири. И это были еще цветочки – ягодки зрели где-то на горизонте, за вершинами домов. Там пряталось нечто такое, что Алексей не мог игнорировать. Настоящая черная дыра, притягивающая его как магнитом. Пока она была далеко, но Кобылин знал, что куда бы он ни пошел, ему не избавиться от ее зова.

Алексей сделал несколько шагов, примеряясь к новым обстоятельствам и к новому давлению. Он подозревал, что в большом городе ему будет тяжелее, чем в лесах, но даже не представлял, насколько все окажется плохо на самом деле. Его тело вздрагивало под напорами зова, идущего одновременно с разных сторон, трепетало как осиновый лист.

Медленно пройдясь по площади, ступая по брусчатке так осторожно, словно она была сделана из хрупкого стекла, Кобылин понял, что может приспособиться к этому давлению, лавируя между источниками зова. Хуже всего было с той штукой, что пока была далеко. Алексей знал, что от нее не уйти. Ему придется заняться этой проблемой – в самую первую очередь.

Медленно ускоряя шаг, Кобылин двинулся вперед, к стоянке такси. Он попытался вспомнить, остались ли у него деньги, но никак не мог вспомнить – все прошлые дни слились в его памяти в один серый комок, состоявший из борьбы с самим собой и ночной охотой. Он постарался сосредоточиться и внезапно вспомнил, что в последний раз ел больше двух суток назад. И спал примерно тогда же – в вагоне ресторане, на длинном перегоне, где, к счастью, его не донимал никакой зов.

На ходу подняв руку, Алексей взгляделся в мозолистые пальцы исхудавшей руки. Ему нужно было поесть. Выспаться. Восстановить форму. Найти новое снаряжение. Выполнить работу. Найти друзей. Узнать у них про Линду...

Боль пронзила его с головы до пят, и Кобылин заскрежетал зубами. У него есть работа, и он не может отвлекаться даже на мысли о других делах. Нельзя думать о друзьях, нельзя планировать встречи, нельзя даже шагнуть в сторону, уклоняясь от выбранного судьбой курса. Можно думать только о том, как выполнить задание.

Как вспышка молнии пришло воспоминание из прошлой жизни – у него есть все необходимое. Три тайника на окраинах города, один ближе к центру. А в кармане лежит туго набитый кошелек, снятый им с трупа вампира, заманивавшего девчонок на прогулку по озерам. У него все есть. Все. Кроме сил для сопротивления этому проклятому зову.

Кобылин легко скользил по площади, не обращая внимания на пассажиров. Он легко их огибал или пропускал вперед. Для него они были лишь серыми тенями, не влияющими на его мир. Он шел сквозь эти тени, даже не задумываясь об их существовании, пытаясь убедить самого себя в том, что ему нужна передышка.

Это был старый трюк, и он не раз выручал Алексея, если зов был слишком силен. Порой ему хотелось броситься в открытый бой, атаковать проблему немедленно и всеми силами. Но человек, живший в нем, понимал, что это не лучшая тактика – особенно если дело происходило белым днем в центре большого города. В такие моменты Кобылин старался взять себя в руки и начинал планировать операцию. Да, он не отказывается от охоты. Он обязательно выполнит свое задание. Но для этого ему нужно подготовиться. Сейчас следует пройти мимо, сделать крюк, вернуться в логово.

Найти бы Гришу – подумал Алексей. Или Ленку. Узнать, как у них дела, может попросить помощи...

Боль снова пронзила виски, а тело шарахнулось в сторону, как от порыва сильного ветра. Нельзя! Нельзя думать о постороннем. Друзья – потом. Все потом. Сейчас надо разобраться с этой жуткой черной дрянью, что висит в центре города и тянет его к себе. Но он слишком устал. Телу нужна передышка. Необходима. Значит, надо начать все сначала. Выкинуть из головы мысли о друзьях. О встречах. О всем постороннем. Уф. Еще раз.

Он идет на охоту. Чтобы выполнить задание, ему нужно найти оружие. Выследить жертву. Выбрать момент. И лишь тогда нанести удар. Вот и сейчас все будет точно так же. Ему просто нужно отложить охоту – ненадолго. Нужно подготовиться. Заехать в логово и взять оружие. Ведь без него глупо выходить на такое серьезное дело. А потом он поедет в центр, посмотрит, что там происходит. Выследит жертву, выберет момент и тогда охота будет успешной. Нужно лишь все время думать об охоте. Думать о выполнении задания, не отвлекаясь на посторонние мысли. И потихоньку делать маленький шагок в сторону.

Уф! Этот проклятый зов слишком силен! С этой огромной проблемой, скрывающейся в центре города, надо разобраться, и быстро, пока она не высосала из него все силы. Сейчас он для этого слишком слаб. Нужно отдохнуть. Потом разобраться с источником зова, пока он не свел его с ума. А потом, когда настанет короткое время передышки, можно будет попробовать заняться своими делами – найти друзей...

Нет. Прочь эти мысли. Думай о задании. Ты просто готовишься к охоте. Телу нужно отдохнуть. Взять инструменты. Потом пойти на охоту. Повтори это про себя еще раз. И еще. Дыши медленно. Через раз. Успокойся.

Подходя к стоянке такси, Кобылин уже мог держаться прямо. Это снова сработало – зов ослаб настолько, что охотнику удалось даже сыграть усталую походку туриста, возвращающегося из тяжелого похода – смертельно уставшего, но донельзя довольного своими приключениями. На его лице заиграла глупая ухмылка, глаза заблестели, а морщины на лбу разгладились. Клочками постриженная борода и неровные усы свидетельствовали лишь об отсутствии бритвы, а не о небрежности хозяина. Холодный пот, проступивший на лбу от внутренней борьбы, стал всего лишь каплями дождя.

Когда Алексей вскинул руку, подзывая свободную машину, дождь кончился – так же внезапно, как и начался. Яркое летнее солнце озарило вернувшегося охотника горячими лучами, и Кобылин смог улыбнуться. Сам. По-настоящему. Уже не играя роль туриста, а просто от удовольствия. Он победил и в этот раз. Одолеl свое проклятие, ставшее расплатой за спасение города. Теперь все должно быть хорошо.

Просто обязано.

* * *

Йован лежал на аккуратно заправленной гостиничной кровати. Прямо поверх бежевого покрывала. На спине, руки по швам, как солдат, вытянувшийся в струнку перед генералом. На нем был тонкий белый гостиничный халат, обтягивающий мускулистую фигуру, а волосы еще оставались мокрыми после душа.

Большая двуспальная кровать стояла посреди огромной комнаты с огромным окном, рядом с которым устроился стол из темного дерева с резными ножками. Рядом стоял стул, в углу притаилась пара кресел, у самого входа темнел раздвижной шкаф с зеркальными дверцами. На столе только обязательные графин и стаканы. Пустовали и спинки стульев, и кресла и даже тумбочки у кровати. Молчал телевизор, не было слышно музыки и разговоров. Номер выглядел заброшенным и нежилым.

Йован спал. Глаза его были прикрыты и лишь порой, под сомкнутыми веками угадывалось легкое движение. Он дышал спокойно и ровно, словно автомат, выполняющий заданную программу. Ему ничего не снилось, а неподвижное лицо выглядело застывшим, как бесстрастная алебастровая маска.

В какой-то миг он перестал дышать, пошевелился и поднял руку. В тот же момент из-под подушки раздался приглушенный звонок телефона. Йован протянул руку к изголовью, и все еще не открывая глаз, вытащил маленький черный мобильник с кнопками.

– Да, – сказал он, поднося телефон к уху.

– Приготовься, – раздался из трубки знакомый голос. – Машина будет внизу через десять минут.

Йован открыл глаза – бледно-голубые, выцветшие, почти белые – и уставился в потолок.

– Что-то изменилось? – спросил он. – Мне нужно что-то еще знать?

– Все идет по плану, – отозвался Якоб князя. – Просто придется начать немного раньше, чем мы рассчитывали.

– Почему?

– Объект замечен в городе. Я выдвигаюсь на условленную позицию, и буду ждать там.

– Его ведут?

– Нет, – помолчав, отозвался Якоб. – Его засекли камеры наружного наблюдения. Мы ждали его со стороны центра, но объект выбрал другой путь. Сейчас наблюдатели направляются к объекту, чтобы осуществить контакт.

– Хорошо, – отозвался Йован, садясь на кровати. – Я буду готов к назначенному времени. Что-то еще?

– Нет, – после краткой заминки произнес Якоб.

– Мне необходима вся информация для принятия адекватных решений, – спокойно произнес Йован.

– Мы, – Якоб помедлил. – Мы ощутили некоторое повышенное внимание к нашим людям со стороны одной организации. Вероятно, они вели наблюдение за нами. А теперь проявляют интерес к нашему объекту.

– Параллельная акция? – спросил Йован, поднимаясь на ноги. – Это повлияет план?

– Нет, – отрезал советник. – Все остается в силе. Выполняй поставленную задачу. Ситуация под контролем. Просто будь готов изменить схему действий в случае получения приказа.

– Восемь минут, – медленно отозвался Йован. – Я буду готов.

В трубке раздался щелчок и зашифрованный канал отключился. Йован аккуратно положил телефон на тумбочку и сбросил халат, оставшись полностью обнаженным. Его крепкое мускулистое тело борца было полностью безволосым. А всю кожу – от шеи и до самых колен покры-

вала затейливая татуировка. Черные нити плыли по белоснежной коже, то скрещиваясь, то расходясь, то образуя концентрические круги. Из тонких нитей сплетались толстые лепестки, они разбегались лучами в разные стороны, а между ними виднелись ряды мелких черных пятен – букв древнего алфавита, известного лишь посвященным.

Йован подошел к шкафу, распахнул дверцу, открывая ровные ряды одежды и начал одеваться. Сначала белье. Потом рубашка. Идеально выглаженные, с острыми стрелками, костюмные штаны. Черные глянцевые ботинки. Темный, с едва заметной серой нитью, галстук. Черный пиджак. Большие блестящие часы с серым циферблатом и золотыми стрелками.

Отступив на шаг, Йован взглянул на себя в зеркало, провел ладонями по пиджаку, разглаживая его на себе. Взглянул на часы, открыл соседнюю дверцу шкафа и вытащил небольшой дипломат.

Положив его на кровать, Йован открыл крышку, сдвинул в сторону ворох папок с распечатками отчетов, приподнял ноутбук и вытащил из встроенного кармана небольшой старый диктофон. Поддев ногтем заднюю крышку, Йован осторожно открыл ее и вытряхнул на ладонь две маленькие длинные батарейки. Одну, самую обычную, он тотчас сунул обратно, а ее сестру близняшку, на вид ничем не отличавшуюся от первой, осторожно опустил в нагрудный карман. В каком-то смысле, она тоже была батарейкой – во всяком случае, предназначалась для хранения энергии. Но вставлять ее в бытовую технику не рекомендовалось.

Йован быстро взял с кровати телефон, сунул его карман, захлопнул дипломат, закрыл зеркальные дверцы шкафа. Огляделся.

Номер по-прежнему выглядел пустым. Все осталось в идеальном порядке, словно после уборки горничных. Впечатление портили только брошенный на пол халат, и едва заметное углубление на покрывале кровати. Йован вернулся к кровати, потянул за покрывало и разгладил вмятину. Потом подхватил халат, заглянул в ванную комнату и осторожно повесил халат на крючок. Взглянул на часы. У него оставалось еще полторы минуты – вполне достаточно, чтобы спуститься вниз по лестнице, к машине, в которой его будет ждать все необходимое для операции.

Йован спокойно, с бесстрастным лицом, погасил в номере свет, вышел в коридор и захлопнул за собой дверь.

* * *

Кобылин шел по городской улочке, прикрыв глаза, и прислушиваясь к своим ощущениям. Идти было приятно – разбитые грубые ботинки сменились на старые кроссовки, мягкие и пружинистые. В них так удобно было шагать вперед, огибая прохожих, перекатываясь с пятки на носок, чуть ли не танцуя под неслышимую другим музыку. Какое счастье, что они оказались в той запертой квартире в новостройке, где Алексей устроил тайник. Как и поношенные, но все еще приличные джинсы, сунутые когда-то в сумку вместе с парой футболок и легкой серой ветровкой.

Алексей легко повернулся на одной ноге, прямо перед пешеходным переходом и, проскользнув сквозь стайку туристов, направился к узкой тенистой улочке. На ходу он довольно жмурился, восхищаясь давно забытым ощущением комфорта.

Заброшенная новостройка, спустя год, оказалась не такой уж заброшенной. Там появились строители, приехала техника, во дворе стало шумно. В кранах появилась ледяная вода, а в одинокой розетке – электричество. Это было более, чем достаточно для счастья. Алексей так обрадовался этим простым житейским радостям, что даже смог отодвинуть проклятый зов на задворки сознания. Он вымылся под струей ледяной воды, стекавшей прямо в трубу в полу. Забрызгал, конечно, бетонный пол и стены, но не обратил на это внимания. Достав сверток с оружием, выбрал маленький острый нож и побрился – так чисто, как только смог. Даже подре-

зал отросшие лохмы, глядясь в лезвие огромного мачете. Потом счастливый и обессиленный, упал на матрас, расстеленный на полу.

Он постарался исчезнуть из этого мира. Не думать ни о чем. Никаких друзей, никаких новых дел. Ни единой мысли. Зов все не утихал, но Алексей знал, как его обмануть. Нужно было просто перестать думать.

Всю ночь он крутился на разложенной сумке и старой одежде, как уж на сковородке. Но все-таки урвал три часа – даже не сна, черного забытья – прямо перед рассветом. Когда вставшее солнце наполнило пустую квартиру ярким светом, разливавшимся желтыми ручьями по серому бетону, Алексей поднялся на ноги, уступая призрачному зову, бившему набат в его голове. Все, хватит, я уже иду – шепнул он, направляясь к двери.

До центра города он добрался на метро – на этот раз Кобылин решил не брать с собой серьезное оружие и не боялся проверок. Да, в тайнике у него было припрятано пара стволов, но охотник не собирался тащить с собой груды оружия среди бела дня по людным местам. Раньше бы он рискнул. Сейчас он не видел в этом необходимости. Работать придется днем, в центре огромного города. Возможно, сейчас даже все ограничится лишь разведкой. Для подстраховки, конечно, он захватил пару мелочей, но не больше того.

Придя к зыбкому соглашению со своим внутренним зовом, Алексей взял с собой прочный складной нож и старую спицу с серебряным напылением. Он не думал, что они пригодятся, но так было спокойнее. Строго говоря, он уже не помнил, когда в последний раз ему требовалось серьезное оружие. Он сам был оружием – его смертоносное касание могло упокоить любую тварь, способную выдать такой зов.

Помрачнев, Кобылин ускорил шаг, проскользнул на другую сторону прямо перед машиной и свернул в тенистый переулок, ведущий к старым городским домам, построенным лет сто назад. Здесь они стояли кучно, теснились, заслоняя вид на современные дома, и Алексею казалось, что он попал в прошлое. Высокие окна, потрескавшаяся лепнина, причудливые узоры на дверях и – пластиковые рамы плюс самые современные кондиционеры. Очень необычно.

Свернув еще раз, охотник двинулся быстрым шагом между старыми домами по дороге, на которой чудом сохранилась брусчатка. Прохожих тут не было, а дома стояли так близко, что переулок напоминал горное ущелье.

От стен веяло холодом, и Алексей ускорил шаг, стремясь миновать неприятное место. Он вдруг понял, что идет слишком быстро. Зов все усиливался, нарастая с каждой минутой. Алексей сгорбился, постарался сосредоточиться, чтобы как-то притушить разгоравшийся внутри пожар.

Хорошего настроения как не бывало. Он не знал, что ждет его впереди, но судя по ощущениям – что-то серьезное. Из памяти вынырнуло неожиданной воспоминания о новосибирском подвале. Строй белых безволосых мертвых тел, которым ученый каким-то образом ухитрился вернуть сознания. Не свои. Чужие. Первые попавшиеся, случайно выхваченные из пограничной зоны. Тел было не меньше двух десятков, и именно тогда Алексей испытал такой мощный зов, которому не смог сопротивляться. Мертвяки просто держали его, не давая ничего делать, а зов сводил с ума. Тогда-то в его памяти и появился первый провал. К нему тоже пришел кто-то из темноты, одна из тех теней, чей шепот сводил его с ума. Кобылин на время потерял себя. Он помнил, что разогнал мертвяков и убил командовавшего ими ученого, хотя он был всего лишь человеком. Но в себя пришел, лишь когда выбрался из подвала и с удивлением взглянул на свои руки, оказавшимися по локоть в человеческой крови.

Помотав головой, Алексей отогнал непрощенное воспоминание. Оно отступило, сгнуло в мутном клубящемся комке, служившим охотнику памятью о прошедшем годе. Но неприятное чувство осталось. И оно усиливалось с каждым шагом.

Кобылин выбрался из переулочка на соседнюю улочку с точно такими же старыми домами, обогнул пару старушек, затеявших неимоверно важную беседу у подъезда, и двинулся дальше,

в сторону центра. Он чувствовал, как зов тянет его вперед, заставляет ускорять шаг и постарался отвлечься. Нельзя идти на поводу у этой тяги, иначе беды не миновать. Слишком сильно. Необычно.

Нахмурившись, Алексей вскинул взгляд и принялся рассматривать стены домов, вывески, указатели, проезжающие машины – все, что только могло его ненадолго отвлечь от воспоминаний. На этой улочке дома были особенными. Судя по вывескам, в них помещались офисы, музеи, памятники культуры. Даже поликлиники. Снаружи здания выглядели старыми и действительно напоминали памятники, но заглядывая в окна и приоткрытые двери, Алексей заметил, что внутренняя отделка почти везде очень дорогая и качественная.

Улочка постепенно расширялась. Дома, стоявшие у дороги, начали потихоньку обрастать признаками современного жилья. Где-то шлагбаум на въезде во двор, где-то стены обшиты современными пластиковыми панелями, а там свежая штукатурка. Появились большие витрины, застекленные крылечки из пластика и хрома. Вывески стали ярче, тротуары – шире, а здания – выше.

Кобылин вытер вспотевший лоб и двинулся дальше, глядя ровно перед собой. Зов все усиливался. Алексей уже почти не управлял своим телом, лишь задавал ему нужный вектор движения. Так, наверно, чувствуют себя космонавты, когда падают в железной капсуле на планету, притягивающую их к себе неизбежным законом гравитации.

Облизнув пересохшие губы, Алексей заставил себя перейти на другую сторону улицы, в тень, туда, где было меньше прохожих. А их, черт возьми, становилось все больше и больше. Они выныривали из переулков, пересекали дорогу, снова растворялись в лабиринте улиц. То ли туристы, то ли бездельники, то ли черт знает кто. Что же им в такую рань не сидится дома – с раздражением подумал Кобылин, сунув руки в карман ветровки и сжав кулаки.

Он снова ускорил шаги и теперь не мог ничего с этим поделать. Сейчас, даже бы если он захотел, то не смог бы отвернуть в сторону. Зов был так силен, что окружающий мир начал постепенно тускнеть. Алексей, сосредоточенный только на движении вперед, уже воспринимал прохожих как серые тени, а дома – как угловатые коробки, сливавшиеся друг с другом. Он чувствовал, как на плечи ложится невидимый тяжелый груз. Понимал – добром это не кончится. Не надо было приходить сюда днем. Что-то не так. Не так, как всегда.

Кобылин взглянул вперед. Там, вдалеке, дома кончались. Старая улочка упиралась в какой-то широкий современный проспект. В этом самом месте и находился тот, кто испускал этот чудовищный зов.

Двигаясь среди теней прохожих, словно во сне, охотник миновал еще один старый дом и направился к большому зданию, стоявшему на углу. Оно напоминало небольшой офисный центр, или, может, банк – забор, большие одинаковые окна, заезд для машин с полосатым шлагбаумом.

Он брел вперед на негнувшихся ногах, уже не в силах сдерживать шаги, но все еще отдавая себе отчет в том, что происходит. Его движение напоминало падение в пропасть – когда еще понимаешь, что летишь, но сделать уже ничего не можешь. Алексей чувствовал, что все кончится плохо. Но ничего не мог изменить.

Все изменилось само, когда охотник сделал пару шагов к высокому решетчатому забору. Он вдруг ощутил, как слева, сверху, раскрылась черная дыра, дернувшая его настолько сильно, что он остановился. Этот новый призыв был раз в сто сильнее предыдущего, и Алексей не мог ему сопротивляться.

Повинуясь инстинкту, резко повернувшись, двигаясь быстро, словно молния, он выдернул руку из кармана и прицелился в здание, стоявшее на другой стороне улице. В окно третьего этажа, туда, где за занавеской пряталось белое лицо в терновом венце из черного, струящегося в стороны дыма.

Вместо привычной тяжести оружия ладонь Кобылина ощутила лишь пустоту и смертельный холод вмиг заледеневших пальцев, а вместо грома выстрела над застывшей улицей раскатилась тишина. Мир замер. Время остановилось, позволив Кобылину увидеть каждую черточку невозмутимо спокойного лица того, кто прятался за шторой. Он видел все – даже мутные, почти белые глаза, за которыми ворочалось что-то чужое. И такое знакомое.

Он увидел вспышку, и за его спиной распахнула свои объятия тьма. Проваливаясь в нее спиной, Кобылин ощутил, что омерзительный зов исчез, и он стал свободным – таким, каким не был уже долгое время. Свободным от проклятья, свободным от вечной тяжести чужой воли. Алексей Кобылин успел улыбнуться, наслаждаясь этой секундой абсолютного счастья.

А потом мир погас.

* * *

Зайдя в комнату, Йован сразу подошел к окну, и, не касаясь занавесок, осторожно выглянул на улицу. Обзор был не слишком хорошим. Третий этаж, все-таки, накладывал определенные ограничения. Слишком близко. Неприятно. Но распоряжения однозначны, операция спланирована, надо выполнять приказ.

Оглядев пустую комнату, Йован задержал взгляд на старом комод, стоявшем у стены. На нем лежала старая скатерть, искусно сплетенная из сотен тонких нитей. Она напомнила ему былые времена, что-то из детства, которого он почти не помнил. Древняя квартира со скрипучей мебелью, тесная и темная, где пахнет сыростью и плесенью. Резкие голоса. Все как в тумане, словно это были не его воспоминания, а чей-то рассказ. Быть может, так и было.

Взглянув на часы, Йован быстро положил на пол длинный тубус, захваченный с собой из машины, и принялся деловито вынимать из него детали – трубки, палочки, рычажки. Он работал автоматически, руки двигались сами, выполняя привычный ритуал, знакомый до мелочей. При этом Йован не забывал краем глаза следить за дверью и пустой комнатой. Как удачно получилось в этот раз. Никакого насилия, никаких следов. Здесь деньги решают все вопросы, это проще и надежнее любых угроз. Хороший город.

Руки Йована сделали пару быстрых движений и мешанина из палочек и трубочек со щелчком сложилась в небольшую винтовку, напоминающую рыбий скелет. Ствол короткий, при этом толстый. Никакой оптики – в ней Йован не нуждался. Приклад – изогнутая трубка, напоминающая клюшку. Ничего лишнего, полный минимализм. Для этого задания, для такого расстояния и для такого патрона – в самый раз.

Выпрямившись, Йован осторожно открыл затвор, двумя пальцами вынул из кармана крохотную капсулу, напоминающую пальчиковую батарейку и вставил в камеру. Закрыв затвор. Обернулся к окну. И на секунду замер, засмотревшись на кружевную скатерть на комод.

Сенка. Тень. Вот как его звали. Или не его? Или он услышал об этом уже после, и звали так вовсе не его?

На безмятежном лице не отразилось никаких эмоций. Йован просто вытянул руку, одним пальцем, очень осторожно, повернул ручку на окне, приоткрыл раму. В открывшуюся щель ворвался свежий ветерок, раздув шторы парусами. Вместе с ним пришел и уличный шум – шорох шин, далекие гудки машин, шелест от десятков ног прохожих.

Йован осторожно огляделся – не показываясь из-за занавесок. Еще рано, но лучше присмотреться к месту. Улица неширокая, но и не узкая. Место достаточно удобное, хотя сам он, пожалуй, подобрал бы другое расположение. И оружие... Покосившись на свою винтовку, снайпер коснулся темного ствола. Этот патрон... Его бы он точно не выбрал. Но приказ князя не допускал двоякого толкования. Только он обладал полной информацией об объекте и спланировал операцию так, как было необходимо. Йован был далек от намеренья критиковать собственного хозяина. И все же чувствовал легкое раздражение от того, что ему не предоста-

вили достаточно информации для выполнения задания. Так бывало не всегда. Обычно Йован получал все, что ему было нужно. Но на этот раз указания были весьма скудными. Явиться в назначенную точку. Собрать оружие. Использовать выданный патрон. Один выстрел – точно в голову. Немедленный отход на заданные позиции при любом результате.

Йован покачал головой. Работая на князя и его семью, он попадал в самые разные и необычные ситуации. Да, бывало и так, что удачный выстрел не приводил к нужному эффекту. Он помнил одного вампира из Старших Семей с иммунитетом к серебру. Это чуть не стоило жизни всей команде, но, в конце концов, его удалось упокоить. Был случай с баньши, неуязвимой для материального оружия. А уж та история с конклавом колдунов, посмеявшихся поднять восстание против отца Новака... С ними пришлось повозиться. Да, случаи бывали самые разные. Но еще никогда он не получал приказ – отступить. Чаще всего ему велели обратное – сражаться до необходимого исхода. И он всегда выполнял поручение. Потому что он жил для этого, дышал для этого, существовал для выполнения подобных приказов. Двадцать лет. Тридцать лет. Возможно и пятьдесят. А может быть и сто, если на секунду поверить в то, что воспоминания о мельнице настоящее, а не пришедшее из глубин сна.

Не отвлекаясь от разглядывания улицы, Йован Сенка запустил руку во внутренний карман костюма, вытащил крохотный наушник гарнитуры, воткнул его в левое ухо. Потом одним пальцем, сквозь ткань, прижал нужную кнопку мобильного и взглянул на часы. Одна минута. Полминуты. Звонок.

Он нажал на карман еще раз, принимая сигнал.

– Приготовься, – раздался в ухе знакомый голос Якоба. – Цель появилась в пределах видимости. Пять минут.

– Готов, – сухо отозвался Йован, поднимая винтовку, но даже и не думая высовываться из-за занавески.

Его светлые, почти белые глаза прищурились. Йован чуть двинулся в сторону, став так, чтобы лучше видеть противоположную сторону улицы. Счет идет на секунды.

Вздрагнув, Йован подался вперед. Там, у забора, еще довольно далеко, появилась его цель. Человек, среднего роста, с темными волосами. Мощные плечи, но выглядит исхудавшим. Серая куртка, синие джинсы, лицо... Лицо угрюмо, брови нахмурены, лоб покрыт испариной. Но это он. Полное совпадение с фотографией, приложенной к описанию. Двигается скованно, рывками, словно болен, или пьян. Странно.

Время привычно замедлило бег, но Йован не спешил поднимать оружие. Он знал, когда настанет момент. Пока он только вообразил, что видит цель в прицел. Прищурился, следя за мишенью воображаемым стволом...

Человек на другой стороне улице вдруг скользнул вперед, чудом разминувшись с двумя прохожими. Он мягко и легко обошел их, двигаясь так быстро и неожиданно, что выпал из воображаемого прицела стрелка.

Затаив дыхание, Йован подался вперед. Вот. Теперь все совпадает. Опасная цель. Давно такой не было.

Йован чуть ослабил пальцы, сжимающие винтовку. Нельзя. Не сейчас. Такие люди чувствуют внимание, ощущают смерть, глядящую им в спину. Не все, конечно. Но это движение мишени – легкое, невесомое, – настоящий танец. Йован способен танцевать так же. И он мог по пальцам одной руки пересчитать тех, кто может составить ему пару на этом танцполе. И этот человек – если это человек – входил в этот список.

Цель поравнялась с окном, и стрелок перестал дышать, а его сердце, подчиняясь приказу, замедлило бег. Тук-тук... Тук.

Темноволосый замер на тротуаре, и сердце Йована остановилось. Человек после едва заметной паузы рывком двинулся дальше и встал на воображаемую стрелком линию. И тогда Йован – не дышащий, с остановившимся сердцем, – вскинул винтовку к плечу.

В тот миг, когда мушка совпала с виском мишени, темноволосый человек повернулся – так быстро, что показалось, что его фигура чуть смазалась. Правая рука резко вскинулась, указывая точно в глаз Йовану. В этот краткий миг, разделивший мир на до и после, снайперу показалось, что он сам заглянул в глаза смерти. Но он так часто делал это и раньше, что бес-
трепетно встретил тяжелый взгляд черных глаз и спустил курок.

Раздался сухой хлопок и Йован увидел, как дернулась голова цели. Он даже заметил искорку электрического разряда, вспыхнувшую в черных волосах подобно венцу. Через миг человек мешком повалился на асфальт, стукнулся затылком о камни, пару раз дернул ногами и затих.

Йован невозмутимо опустил винтовку, прикрыл окно и надавил пальцем на телефон, скрывавшийся в нагрудном кармане.

– Якоб, – позвал он. – Цель поражена.

– Подтверждаю, – после секундной задержки отозвался помощник князя, и в его голосе послышалось заметное облегчение. – Отбой.

Йован тут же отключил связь, взялся за винтовку обеими руками, резко потянул в разные стороны. Раздался звонкий щелчок и грозное оружие превратилось в конструктор из палочек и трубочек. Снайпер нагнулся за тубусом, но заметив краем глаза движение на улице, резко выпрямился и принял к окну. Ему хватило одного взгляда на происходящее, чтобы снова схватиться за телефон.

– Якоб, – позвал он, едва его абонент принял звонок. – Цель забирают. Это штатно?

– Что? – резко выдохнул собеседник. – Забирают? Секунду...

Йован мрачно смотрел на улицу. Там, прямо под окном, посреди дороги, остановился большой черный джип. В этот самый момент двое крепких ребят с короткими стрижками, одетые в спортивные костюмы, запихивали безжизненное тело цели на заднее сиденье. Действовали он быстро и слажено, казалось, им не впервой проделывать такие вещи. Сам Йован не сделал бы лучше. Но он... Он не знал этих ребят. Конечно, здесь, на новом месте, в команде князя, наверняка, полно новых исполнителей. Но они слишком суетятся. Слишком.

– Якоб, – позвал снайпер, мягко откладывая в сторону разобрannую винтовку и нащупывая крохотный пистолет в кобуре на поясе. – Жду указаний.

– Жди, – пришло в ответ. – Потеряна связь с наблюдателем.

Йован напрягся – на его глазах один из парней бросился к открытой двери водителя, вскочил на сиденье, захлопнул дверь. Второй наполовину скрылся в салоне, заталкивая безжизненные ноги мишени на заднее сиденье. Одна нога никак не хотела помещаться в салон. Вот она разогнулась. И снова согнулась. Сама.

Йована вдруг охватило странное чувство – давно забытое и оттого притягательно незнакомое. Кажется, это было беспокойство. Что-то вроде переживания за плохо сделанную работу. Но работа была выполнена идеально. Это было беспокойство иного рода. Оно касалось дальнейшей судьбы самого Йована, а не всего задания в целом. Это было как дурное предчувствие.

– Якоб, – резко позвал снайпер, плавным жестом вынимая пистолет из кобуры. – Запрос на действие...

– Отбой, – выдохнул помощник князя. – Потерян второй наблюдатель! Мы не контролируем ситуацию! Отбой. Отход на обозначенную позицию. Соблюдай осторожность.

На глазах Йована парень с короткой стрижкой захлопнул, наконец, заднюю дверцу огромной машины и вскочил на переднее сиденье рядом с водителем. Джип тотчас рванулся с места и, завизжав покрывками, скрылся за поворотом.

– Принято, – медленно сказал Йован и мягко вложил пистолет обратно в кобуру. – Возвращаюсь.

Якоб тут же прервал связь. Снайпер нагнулся, за пару секунд сложил все детали винтовки в чехол для чертежей, выпрямился, осмотрелся. Все было в порядке, место оставалось идеально чистым.

Взяв тубус за ручку, Йован поправил полу пиджака и двинулся к выходу. У резного комода он остановился, когда взгляд снова наткнулся на кружевную скатерку, прикрывавшую темное дерево. Стрелок замер – на долгие две секунды, – не в силах оторвать взгляд от переплетения белых кружев.

Потом, с трудом повернулся и быстро зашагал к двери. Его плечи опустились, сгорбились, а взгляд светлых глаз уже не был таким безмятежным, как раньше.

Он вспомнил, как называлось неприятное ощущение, испытанное им пару минут назад. Страх.

* * *

Их было трое. Высокие блондины, худые как щепки, с впалыми щеками и острыми носами. Одетые в черные костюмы, они сидели за длинным столом ресторана, неподвижно, как статуи, не отводя взгляда одинаковых серых глаз от своего собеседника. Они были похожи друг на друга, и в этом не было ничего удивительного. Они были братьями. И – вампирами.

Гриша сидел напротив – один одинешенек. Он тоже был в костюме и при галстукке. Курчава грива расчесана, борода аккуратно подстрижена, ногти гладко отполированы. Бизнесмен на переговорах, не хватает только очков и сводной ведомости о прибылях за год, исчерканной красным маркером.

Длинный стол расположился в глубине зала, у самой стены, в полутьме, и все же координатору было прекрасно видно выражение лиц собеседников. На первый взгляд братья были бесстрастны, но Борода был знаком с ними много лет и научился различать едва заметные признаки эмоций на этих холодных бледных лицах. И сейчас он ясно видел – они так и не пришли к единому мнению.

– Итак, – сказал Григорий, обводя взглядом ряд блондинов, – ваше решение?

– У нас имеются определенные сомнения, – отозвался средний. – Григорий, ваше предложение интересно, но оно далеко не единственное.

– Понимаю, – вежливо отозвался Борода. – Вы независимые представители своей Семьи. Но вам доводилось и раньше выполнять мои поручения. Ваша работа на Орден всегда была безупречной. Конечно, вы просто выполняли контракт. Мне известно, насколько вы дорожите своей независимостью и нейтральным статусом. К сожалению, времена сейчас настали такие, что, боюсь, нейтралитет обойдется слишком дорого. Поэтому я кратко повторю свое предложение – уже лично.

– Мы внимательно слушаем все, что ты расскажешь, Григорий, – сказал тот, что сидел слева. – За этим мы и пришли.

– Хорошо, – сказал Борода, хмуря кустистые брови. – Кратко. Город делят несколько банд. Я представляю одну из них. Меня вы знаете давно, знаете, что мне нужно и какие методы я использую. Мне необходимы специалисты по поиску, обработке и анализу информации. Все то же самое, что и раньше. С теми же целями. В тех же объемах. Но теперь главный – я.

– Это мы уже слышали, – отозвался старший брат, сидевший в центре. – В принципе, нам нравится старый вариант работы по контракту. Нас все устраивало, и мы хотели бы продолжить наше сотрудничество. Если бы не одно но.

– Давай, – подбодрил Гриша, лучезарно улыбаясь в бороду. – Излагайте. Что вас смущает?

– В нынешние времена, – медленно произнес блондин. – Принять от тебя заказ, означает выступить на твоей стороне. А это значит – противопоставить себя другим участникам текущего конфликта. И получить последствия связанные с утратой нейтрального статуса.

– Бойтесь Павла Строева, этого упыря, пытающегося подмять под себя остатки ордена? – спокойно осведомился Гриша.

– В том числе, – невозмутимо отозвался старший вампир. – Ты недооцениваешь его усилия. Он пользуется серьезной поддержкой в нашей среде. Пусть он и считается слишком жадным, неуклюжим, лишенным изящества, но... Но он связан со многими из нас кровью. Не с нами конкретно, но с теми, кто имеет значительное влияние.

– Я знаю, – мягко ответил Гриша. – И еще знаю, что эти лица жуть как недовольны вашим нейтральным статусом, этим своеобразным подростковым бунтом. Так, кажется, выразился глава Семьи Фиинэ, по прозвищу Завхоз? Который приходится ну очень отдаленным родственником Радалу, в семье которой вы росли?

Блондин помрачнел, сдвинул белесые брови, недовольно повел плечами. Гриша поджал губы – он знал, на что можно надавить и знал, что они знают.

– Семьи давно хотят вернуть вас в стойло, посадить на привязь, – продолжил Борода. – И сейчас для этого удобное время. Тем более, что появился некто, кто будет загребать опасный жар руками – для всех семей. У Павла, конечно, есть шанс построить новый орден – Орден Вампиров. Но те упыри, которые думают использовать его в своих целях, как оружие против других, сильно ошибаются. Веревольфы не давали вам создавать боевые организации раньше, не дадут и теперь.

– У оборотней свои проблемы, – буркнул тот, что сидел справа, и, поймав осуждающий взгляд старшего брата, пожал плечами. – Это всем известно. Под ними зашатались кресла. Они уже начали скалиться друг на друга, вместо того, чтобы объединиться перед лицом внешнего врага.

– Кстати, о внешних врагах, – подхватил Гриша. – Вы же знаете о том, что в городе появились новые игроки. Так сказать, силы вторжения, – интервенты. Думаете, с ними у вас тоже сложится? Особенно, если Строев и его покровители войдут с ними в конфликт.

– Ситуация сложная, – медленно произнес старший. – Мы этого не отрицаем. И нам не хочется усугублять проблемы контрактом с тобой. С твоей группой. Очень активной, надо признать, но малочисленной.

– Провели анализ? – деловито спросит Гриша. – Что, думаете, у меня нет шансов прижать всех гадов?

– Если исходить из того, что нам известно о тебе и твоей организации, – медленно произнес старший брат. – То получается, что вы все не протянете и пары месяцев. Григорий, мы с уважением относимся к твоим планам, а как сторонники нейтралитета приветствуем твои усилия сохранить баланс в отношениях сил и вернуться к прежнему равновесию. Но в нынешних реалиях такое развитие событий выглядит маловероятным. Прости, Григорий, но мы даем тебе два месяца. За это время вас истребят сформировавшиеся отряды Строева. Вернее, физически уничтожат тех, кто не успеет перебраться к новым силам – к интервентам, как ты выразился. У тебя останется основное ядро из ближайших друзей и единомышленников. Горстка верных людей. При самом лучшем раскладе, их добьют через три месяца. Загонят в подполье. Уцелеют только те, кто сможет бежать в другое полушарие. Так что... Нам очень жаль, но, думаю, мы не будем работать на тебя.

– Ну, – протянул Гриша. – Спасибо, конечно.

– А, – сказал самый младший, вскинув брови. – Да он же это специально. Получил, боров, бесплатный прогноз.

– В память о прежней совместной работе, – оборвал его старший вампир. – Это наш подарок, Григорий. Думаю, что прощальный.

– Жаль, – откровенно сказал Гриша, почесывая бороду. – А вы, ребята не прикидывали, какой расклад выйдет, если вы не просто начнете работать на меня, а присоединитесь к группе? Вольетесь, так сказать, в коллектив, и воспользуетесь всеми благами нового положения.

– Благами? – изумился младший вампир. – Какими еще благами?

– Физическая защита, – быстро сказал Гриша, подавшись вперед. – Почти неограниченное финансирование из-за рубежа. Невероятно точный, хоть и нестабильный источник уникальной информации.

– Тихо, – бросил старший вампир и коснулся локтем своего младшего брата. – Подожди. Григорий, это правда?

– Что именно? – беззаботно отозвался тот.

– Пророк, – медленно произнес вампир. – Предсказатель. Ходят противоречивые слухи. Объяснить то, что случилось в прошлом году, с точки зрения анализа ситуации, можно только внезапным необъяснимым вмешательством. Григорий?

– Предсказатель, – резко сказал тот, подавшись вперед. – Да. Стопроцентный. Классический. Абсолютно точный. Бьет редко, но попадание сто процентов.

Младший вампир тут же обернулся к брату, толкнул его плечом, но тот вскинул указательный палец вверх, словно предупреждая родственника. Средний брат вытащил из тонкого портфеля бумажный лист и карандаш и принялся что-то яростно чертить.

– Григорий, – медленно сказал старший, – извини. Нам нужно пару минут.

– Конечно, что за вопрос, – согласился Борода и демонстративно отвернулся.

Положив локоть на спинку деревянного стула, охотник осмотрел ресторан. Ближайшие длинные столики с лампами пустовали – видимо, по просьбе братьев, знакомых с хозяевами заведения. Зато дальше, за столами поменьше, виднелись человеческие фигуры. Немного. Десяток человек, раскиданных в произвольном порядке среди полупустого зала. Пятерых Борода знал. Наемники из охранных фирм, работающих по контракту. Григорий был уверен – это телохранители братьев. Они подстраховались и хорошо подготовились к сегодняшней встрече. Двое пришли с ним – верные спутники, известные и братьям и охранникам. Оставались трое, сидевшие за одним столиком у входа. Веселые, молодые, в футболках и кроссовках, напоминают студентов. И находящиеся под перекрестными взглядами всех остальных. Похоже, самые обычные ребята. Но не дай бог им случайно дернуться, тут такое начнется...

– Гриша, – неожиданно мягко позвал старший вампир. – Григорий...

Борода обернулся и вскинул кустистые брови. Вампир задумчиво постучал карандашом по исчерканному листу.

– Вот что, – сказал он. – Это многое меняет. Но не все. Шесть месяцев, Гриша. Даже если мы с тобой. И с предсказателем. А потом мы все умрем. Как-то так.

– Полгода! – восхитился Гриша. – За это время может случиться что угодно!

– Согласен, – признал вампир. – Тут требуется дополнительный анализ. Но все сводится к одному. Меняется только время. Не события. Раньше или позже, но...

– Поработать с предсказателем, – медленно произнес Григорий. – Такое выпадает раз в жизни, правда? Разве это не стоит того, чтобы умереть? Какую цену ты готов заплатить за такой уникальный источник информации, способный заглянуть на годы вперед?

– А, черт, – медленно произнес самый младший блондин. – Костя...

– Тихо, – резко отозвался старший. – Я бы, может, и рискнул. Но не они. Мы не типичная семья кровососов. Ты знаешь. Я не буду рисковать ими ради этого уникального шанса. Предсказатель это всегда палка о двух концах. Все карты спутаны. Все стало выглядеть еще хуже, Григорий. Если они тебя не задавят в ближайшие месяцы, а это маловероятно если учитывать фактор точных предсказаний, то все выльется не просто в передел власти, а в бойню. Затяжную партизанскую войну, которая закончится кровавым адом. Для всех. И теперь я подумываю о том, чтобы покинуть эту страну.

В кармане Гриши зазвонил телефон. Громко и настойчиво. Но он не ответил – не сводил пылающего взгляда с белого, как простыня, лица старшего вампира.

– Ты представляешь, – пророкотал он басом, заглушая звонок мобильного. – Какие возможности для обработки информации открываются перед тем, кто посмел шагнуть в ад?

– Представляю, – отозвался вампир, схватив младшего брата за плечо. – Это возможность упокоиться раньше времени, утратив все накопленные знания без шанса передать их наследникам. Это большое дело, Гриша, и мы морально на твоей стороне. Но все шансы против тебя. Если бы это было хотя бы пятьдесят на пятьдесят, неопределенность с возможностью выигрыша... Хотя бы чертова лотерея с ничтожным шансом. Нет. У нас троих такого шанса нет. И у тебя, если только я не упустил что-то важное.

Борода попытался пронзить вампира суровым взглядом, но проклятый телефон звонил и звонил. Охотник, наконец, сжал зубы, и захлопал себя по карманам.

– Ладно, – буркнул он. – Ладно, Константин. Я тебя услышал. Жаль, но... Я тебя понимаю. Ты всегда слишком много думал о других. Слишком много для обычного вампира.

Нашупав, наконец, телефон, Борода с яростью выхватил его, и, взглянув на номер, приложил к уху.

– Да! – резко сказал он и, услышав знакомый голос, вскочил на ноги, чуть не уронив стул. – Даш, ты что, обалдела? Где ты телефон взяла? Ты не должна даже близко к средствам связи подходить!

– Из кармана твоих обалдуев вытащила, – раздался звонкий девичий голос. – Ты, идиот...

– Нельзя, – рявкнул Борода, кося глазом на замерших вампиров. – Тебе нельзя, господи! Сама знаешь! Никакой связи. Ни пол слова, ни звука в эфир! Особенно сегодня! Палево то какое! Срочно собирайся, тебя увезут...

– Заткнись, дебил! – крикнула Даша, так что ее голос из динамика раскатился по всему залу. – Он в городе, идиот! В городе! Прямо сейчас!

– Кто? – переспросил Борода и вдруг тяжело оперся рукой о спинку стула, ухватившись за нее так, что старое дерево затрещало.

Ноги его ослабели, в горле пересохло, но ему хватило сил бросить тяжелый взгляд на вампиров, прислушивающихся к разговору.

– В городе? – тихо спросил он. – Точно?

– Да! – зло выдохнула Даша.

– Где? – жадно спросил Борода, выпрямляясь. – Когда?

– В центре, старый город, – быстро отозвалась Даша. – Там стреляют. Кажется, это снайпер. Прямо сейчас!

– А точнее? – рявкнул Борода. – Что с ним?

– Да откуда я знаю! – отозвалась Даша. – Иди, дубина, ищи его! Поднимай своих громил! И скажи, чтобы мне отдали телефон, дурак! Я же говорила, что бывают вещи, которые не могут ждать!

– Понял, – смиренно отозвался Борода, делая пару шагов в зал и вскидывая руку. – Прости Дашуль. Виноват. Дурак. Дубина. Болван. Оставь себе этот мобильник, шли всех подальше, скажи, это мое официальное распоряжение. Держи меня в курсе, если что-то еще выяснится. Хорошо?

– Хорошо, – выдохнула предсказательница. – Вы со своей секретностью задолбали уже. Чао.

Борода сбросил звонок и, вспомнив о братьях, обернулся, на ходу подбирая извинения.

Трое вампиров поднялись на ноги и высились над столешницей словно каменные статуи. Они не отводили жадных взоров от Бороды, и казалось, что их глаза обратились в кристаллы льда. Самый младший медленно вытянул вперед руку с растопыренными длинными пальцами, удлиняющимися на глазах.

– Это она, – глухо сказал он. – Она. Я чувствую, как изменились обстоятельства. Прямо сейчас. Это происходит прямо сейчас.

Григорий невольно попятился. Такими он братьев еще не видел. Сейчас они походили на самых обычных городских упырей, а не на специалистов по анализу информации.

– Тихо, – сказал старший. – Перестань. Григорий?

– Ну? – отозвался тот, отступая еще на шаг и чувствуя, как за спиной, в зале, началось какое-то движение.

– Он в городе? – с нажимом спросил старший вампир. – Тот, о ком я думаю?

Борода быстро окинул взглядом замершую троицу. Он и так сказал сегодня слишком много. Нет, братья не используют эту информацию против него, они не из таких, потому то он и собирался привлечь их на свою сторону. Но это не просто горячая информация. Это бомба. Ядерная.

– Пока не знаю, – осторожно ответил он. – Ты слышал сам. Вероятность этого велика.

– Все изменилось, – глухо сказал Константин. – Элемент хаоса. Полная неопределенность. Любые расчеты – в топку. Все анализы – ложны. Мы ничего не знаем наверняка. Мы слепы. Выпал джокер и в любую секунду мы можем или умереть на месте, или вознестись к сверкающим вершинам. Ты ощущаешь это давление неопределенности, Григорий? Чувствуешь, что слеп и не знаешь, что случится в следующий миг?

– Ну, – медленно отозвался тот. – В принципе, да. Но я себя так каждый день чувствую.

Вампиры одновременно, как солдаты на параде, вышли из-за стола и двинулись мимо замершего охотника к дверям. Константин задержался на секунду, бросил на Гришу тяжелый взгляд.

– Если переживешь этот день, – сказал он. – Позвони. И я приму любой твой заказ.

Борода ответить не успел – вампиры быстрым шагом прошли мимо столиков. Следом потянулись вставшие из-за столиков охранники, и вся процессия в мгновение ока покинула зал.

– Ну, – спросила подошедшая Лена, давно маячившая у стойки. – И как прошло? Как я и предсказывала?

– Не совсем, – отозвался Борода, делая знак Айвену подниматься и следовать за ним. – Мне тут Даша позвонила.

– Вот стерва, – выдохнула Ленка, подстраиваясь к семенящему шагу Григория. – Ее же тыщу раз предупреждали...

– Она мне интересную вещь сказала, – задумчиво произнес Борода. – Знаешь, похоже, Леха в городе.

– Кобылин? – Лена остановилась, уставившись в спину удалявшемуся Грише. – Стой! Гриша, стой, зараза...

– Некогда! – лавируя между столиков, крикнул Борода. – Давай, двигай за мной, давай, давай!

– Куда?

– За пивом! Господи, дева, соберись! Нам нужно его найти. Первыми!

Перейдя на бег, Григорий неожиданно ловко для своей комплекции, выпорхнул из зала. Следом выбежала Лена, последним шел Айвен. Уходя, он бросил взгляд на компанию студентов, веселившихся за столиком. Никто из них даже и внимания не обратил на странную беготню в зале. И это, по нынешним временам, было самым настоящим чудом.

* * *

Строев отключил телефон только перед самым больничным крыльцом. Время выдалось тревожное, звонки шли один за другим. А он не хотел, чтобы сейчас ему мешали. Только не сейчас.

Небольшое двухэтажное здание, старое, потрепанное, расположенное среди целой рощи зеленых тополей, имело одно неоспоримое преимущество – оно не привлекало лишнего внимания. Основным контингентом больницы являлись старики и дети, отправленные из центра на вакцинацию. Сохранился этот реликт только по одной причине – одна мелкая семья ходящих ночью нуждалась в здании для хранения и обработки крови. Строев получил контроль над больницей еще полгода назад, когда появилась необходимость штопать поврежденных в схватках обычных людей, входящих в его боевые группы. Тихое и укромное место оказалось очень кстати.

Поднявшись по ступеням, он распахнул дверь, мановением руки натравил двух охранников на незнакомую медсестру в холле, пытавшуюся преградить ему путь, и двинулся вглубь крыла по коридору, к отдельной палате, о которой ему сообщили бойцы первого десятка.

У дверей его встретил Нож – человек в толстой кожаной куртке, под которой пряталась кобура. Один из тех, кому было поручено следить за активными действиями балканцев. Использовать для работы простых людей оказалось очень удобно. Для них он оставался простым бандитом с толстым кошельком, и это не вызывало лишних вопросов. А если кто-то пытался их задавать... Что ж. У ночных братьев всегда ощущалась нехватка свежей крови для восстановления сил.

– Павел Петрович, – с тревогой прогудел громила, завидя шефа. – Там это, врач там...

– Молодец, – коротко сказал вампир, хлопнув ладонью по плечу боевика. – Хвалю. Все правильно сделали.

Коротко стриженный громила надулся от гордости, а Строев распахнул дверь в палату.

Внутри было просторно. Пустые койки, застеленные грязно-зелеными покрывалами, были небрежно сдвинуты к стенам. В дальнем углу громоздились тумбочки, сваленные в груды нерадивым завхозом. В центре, прямо под лампой, высилась кровать на колесиках, привезенная, видимо, из операционной. Над ней склонился человек в белом халате, рассматривая тело, лежавшее на белых простынях. За его спиной мялся напарник Ножа, чьего имени Павел не помнил. Тоже простой человек. Оказавшийся на редкость сообразительным и удачливым. Сегодня.

– Доктор, – вежливо сказал Строев, подходя к каталке.

Врач, не услышавший его тихих шагов, подпрыгнул, резко обернулся. Его реденькие брови взметнулись вверх, к остаткам седого чуба, сухие губы приоткрылись.

– А, – сказал он. – Господин Строев. Я...

– Как он? – быстро спросил вампир, шагнув к каталке. – Повреждения?

– Серьезная черепно-мозговая травма, – сказал врач, небрежно взмахнув рукой. – Несомненно, сотрясение, ушиб, возможно диффузное повреждение. Чтобы сказать точнее, нужно провести обследование, но я...

– Сильный ушиб головы, – подвел итог Строев и впился взглядом в тело человека, раскинувшегося на каталке.

Средний рост, широкие плечи. Худой, даже можно сказать – изможденный, но все еще в спортивной форме. Джинсы и кроссовки остались на нем, а куртку успели снять, осталась только оливковая, без всяких рисунков, футболка, напоминающая военную форму. Лицо заострившееся, бледное. Скулы торчат, подбородок резко очерчен, словно вырублен из мра-

мора и более бледен, чем щеки. Недавно побрился. Глаза закрыты, губы белые, бескровные, как у тяжелобольного.

– Он в сознании? – резко спросил Павел, прерывая врача, пытавшегося развить тему о диффузных повреждениях.

– Он? Пару раз приходил в себя, – отозвался врач, обиженно посматривая на Строева. – Типичное мерцание сознания, характерное для данных повреждений. Краткий период осознания и сразу провал. Рекомендую медикаментозное вмешательство, серьезные успокоительные до проведения обследования. Возможно, искусственная кома...

Павел ткнул длинным острым пальцем в сопящего громилу.

– Ты, – сказал он. – Проводи доктора в коридор. Живо. Вежливо.

Здоровяк наклонил голову, набычился, ухватил щуплого врача под руку и быстро повел к дверям. Тот даже не успел ничего сказать – у его конвоира был большой опыт в сопровождении к выходу нежелательных персон.

Едва за ними захлопнулась дверь, Строев схватился ладонями за край каталки и склонился над пациентом. Его длинное лицо с острым подбородком и широкими скулами дрогнуло, пытаясь изменить форму. Сквозь белую кожу проступила мертвая серая шкура, глаза глубоко запали. Пребывая на грани смены облика, вампир процедил сквозь посеревшие губы:

– Вот мы и встретились, мусорщик. И теперь все будет по-другому. Кем бы ты ни был, ты навсегда останешься просто куском мяса.

Человек на каталке шевельнулся, его веки затрепетали. Вампир опустил взгляд ниже, на правую руку, скрытую под простыней. Отогнул ее край. Отлично. Эти громилы не так уж тупы. Приковали наручниками запястье к переплетению тяжелых хромированных трубок.

– Сейчас тебе уже не так везет, верно, охотник? – прошипел упырь.

Тот застонал в ответ и открыл глаза. Серые испуганные глаза человека, не понимающего, где он находится и что происходит. Всклипывая, охотник скользнул невидящим взглядом по лицу Строева, перевел взгляд на потолок, на стены и затрясся, как в лихорадке.

Вампир ухватил охотника за подбородок, без всякого усилия повернул к себе побледневшее лицо и заметил отметину на голове. Она походила на толстую царапину – как будто что-то ударило в лоб ближе к левому виску, а потом скользнуло дальше, в волосы, оставив за собой темную полосу, похожую на ожог. Вокруг нее даже остались волдыри, словно по коже провели раскаленным прутом.

Вампир крепче сжал пальцы, потянул на себя и, наконец, встретился взглядом с охотником.

– Кобылин, – позвал он. – Ты слышишь? Очень надеюсь, что слышишь. За тобой должок.

Серые глаза, покрасневшие от слез, тупо смотрели в лицо вампиру – без всякого выражения, даже без намека на узнавание.

– Думаешь, я пришел мстить? – зло бросил вампир. – Нет. Мне нужны диски, Кобылин. Диски. Помнишь диски? Мне плевать, что ты там делал, с кем водился и чем занимался. Мне нужны жесткие диски министерства, тварь. И я получу их от тебя. Выбью. Выжгу. Вырежу. Выпью. Но я их получу обратно.

Кобылин попытался отвернуться, но Строев силой повернул его голову обратно к себе. Подняв вторую руку, он осторожно, посеревшим пальцем, коснулся ожога на голове охотника. Тот вздрогнул и приоткрыл рот.

– Говорят, – медленно произнес вампир, убирая палец. – Что ты теперь не можешь умереть. Но, что гораздо забавнее, похоже, ты все еще можешь чувствовать боль. Думаю, мы проверим пару теорий на этот счет. Знаешь, мы с тобой уже сталкивались с одной бессмертной тварью. Она сидела на цепи в глубоком подвале. Потом, конечно, многое изменилось. Но тот подвал еще цел. И цепь все еще на своем месте. Интересно, как долго ты сможешь там продержаться.

Строев заглянул в приоткрытые глаза Кобылина. Ни малейшего намека на осознание. Ни страха, ни интереса, никаких эмоций. Лишь едва заметная искорка жизни.

– Проклятье, – сквозь зубы процедил Строев и разжал пальцы. – Не смей так поступать со мной. Только не сейчас.

Охотник откинулся на серую влажную подушку и закрыл глаза.

– Еще посмотрим, – зло бросил вампир и резко обернулся, когда за спиной скрипнула дверь.

В палату заглянул Нож, с тревогой глянул на шефа.

– Что? – резко спросил тот.

– Телефон, – отозвался громила. – Включите телефон, Павел Петрович. Там это. Активные действия, кажись.

Строев стиснул зубы, выхватил телефон из кармана, бросил злой взгляд на охотника, лежавшего с закрытыми глазами, и направился к выходу из палаты. Эта встреча была для него очень важной, и было велено беспокоить его только в одном случае.

– Да, – сказал он, прикладывая телефон к уху. – Балканцы? Какие потери? А наши?

Выйдя в коридор, он отвел телефон от уха, бросил взгляд на Ножа, попытавшегося принять строгий и деловой вид.

– Так, – сказал он. – Ты. Я оставляю здесь пару ребят из своей охраны. Через полчаса придет Сашок с моими людьми и заберет пациента. До этого времени охраняйте его. Не подпускайте никого. Даже врача. Доступно?

– Ага, – отозвался Нож. – А нам...

– Ты за старшего, пока не появится Сашок. Головой отвечаешь, понял?

Не дожидаясь ответа, Строев отвернулся и двинулся прочь по коридору, прижимая телефон к уху и выслушивая сбивчивые оправдания лидера звена. Ему не хотелось уходить отсюда, но его ждала встреча, которой он добивался несколько месяцев. Потрачено столько сил, денег, – все ради короткой встречи, которая может перевернуть все. А потом можно будет двигаться дальше. Шаг за шагом, ступенька за ступенькой. Новый Орден разрастался на глазах, вбирая в себя старые кадры и притягивая новые. Еще немного, и он перестанет нуждаться даже в формальном одобрении Северного Отделения. Да и всего Старого Ордена в целом. Будет что-то новое. Мощное. Сильное. Работающее четко, как часы. И подчиняющееся только ему. Жажда крови? Глупости. Приманка для сопляков, пытающихся строить из себя киношных героев. Власть – вот тот зов, который невозможно игнорировать.

Обернувшись, вампир бросил жадный взгляд на больничный коридор, в котором скрывалась дверь в заветную палату. И, прикусив губу, сбежал от искушения вернуться.

* * *

Князь торопливо спускался по лестнице, застланной ковровой дорожкой, да так быстро, что Якоб, спешивший следом, чуть отстал. Фигура Новака, поджарая, упакованная в строгий костюм, казалось, парила над лестницей. Черные волосы колыхались густыми волнами, нахмуренные брови нависали над глубоко запавшими глазами. Князь был разгневан. И Якоб, тяжело прыгающий по ступеням следом за хозяином, прекрасно это понимал.

Два первых пролета они преодолели в полном молчании, нарушаемом лишь едва слышными проклятиями Скадарского, cedившего их сквозь стиснутые зубы. Только на первом этаже, у входа в холл, князь взял себя в руки и замедлил шаг. Ступив на ковер у лифта, он встряхнул копной черных волос, медленно вздохнул и обернулся, дожидаясь Якоба, ступавшего сразу через две ступеньки.

Князь дожидался советника, сжимая и разжимая кулаки. Алая шелковая рубашка с широким воротом, была расстегнута, обнажая кадык, прыгавший вверх и вниз, словно в горле клокотала сдерживаемая ярость.

– Вероятно, я допустил ошибку, Якоб, – сухо сказал князь, когда его помощник приблизился, тяжело отдуваясь. – Мне не следовало так медлить.

– Мы следовали заранее просчитанному плану, – осторожно отозвался тот, не отводя взгляда от горящих глаз хозяина.

– План был хорош, – бросил Скадарский и повернулся к дверям, ведущим в гостиничный холл. – Но он не подходит для этой местности.

Сжав узкие губы, князь зашагал к двери. Благоразумно промолчавший Якоб двинулся следом, не забывая поглядывать по сторонам.

– Местные игроки более активны, чем те, к которым мы привыкли, – процедил князь, не обращая внимания на то, что ему не ответили. – Здесь, как я вижу, режут по живому, сгоряча, не обращая внимания на репутацию. Напоминает старые деньки на родине, а, Якоб?

– Очень, – согласился тот, кося глазом в сторону лифта.

Едва оба они переступили порог холла, как от стены отлепились две грузные фигуры в черных костюмах и пристроились позади советника. Тот, бросил на них тяжелый взгляд. А потом, увидев вдалеке, у самых дверей, ведущих на улицу, еще двоих, вздохнул с облегчением. Пожалуй, ему тоже не следовало расслабляться.

– Какая наглость, – продолжал князь, пересекая пустой и темный холл гостиницы. – Так грубо вмешаться в чужую операцию, начать стрельбу без предупреждения... Скольких мы потеряли, Якоб?

– Два наблюдателя и координатор, – скупно отозвался тот. – Наблюдатели из местных, а координатором выступал Томаш. Тот, который был с нами на озере.

– Какая потеря, – Новак замедлил шаги. – Это Томаш Озерный? Рыба?

– Он самый.

– Так глупо, – пробормотал князь, устремляясь к распахнутым охраной дверям, – пожалуй, настало время усилить нажим. К черту график. Будем играть по своим правилам. Мы слишком заостенели в этом так называемом цивилизованном мире, где все давно поделено, а границы выглажены до зеркального блеска. Здесь кровь кипит, а жизнь бьет ключом. Здесь сражаются не за пару процентов, а сразу за двести. Или все, или ничего. Так, Якоб?

– Примерно так, – сдержанно отозвался тот.

Князь легко выпорхнул на огромное крыльцо, свернул резко вправо, перескочил бодро, как мальчишка, гранитный барьер и двинулся к углу здания, за которым скрывалась парковка. Якоб последовал за ним, успев махнуть охранникам, которые бросились бегом в обход крыльца. Сам он устремился следом за князем. Тот шел быстро, переставляя длинные ноги легко и свободно, словно паря над узкой дорожкой, выложенной из брусчатки. Чтобы не отстать, Якобу пришлось перейти на бег.

– Пошли второй отряд к складам, о которых ты говорил вчера, – сказал Новак, едва его помощник поравнялся с ним. – Пусть подавят сопротивление и возьмут объект под контроль.

– Будет сделано, – выдохнул Якоб.

– Мне нужны бумаги на силовиков. Те самые, которые мы обсуждали вчера.

– Но сумма...

– Меня больше не смущает эта сумма, – отмахнулся князь. – Выкупи бумаги. Тогда я получу этого упыря из Главного Управления. С его помощью можно будет хорошенько надавить на семью Кастро в администрации. Они должны перестать прикрывать оборотней, и начать, наконец, прикрывать моих людей.

– Это займет время.

– Ускорь процесс, – выдохнул князь, сворачивая за угол, на огромную парковку, окруженную рослыми тополями с раскидистыми кронами. – Мы должны получить поддержку на улицах. Пропуска, удостоверения, документы, даже чертovsky номера служебных машин. Пора переходить к действиям.

– Так точно, – вставил Якоб.

– Мне нужна встреча с оборотнями из прокуратуры, – продолжил Скадарский, шагая мимо ряда черных блестящих машин. – Организуй хотя бы звонок. Я постараюсь их купить.

– Купить? – изумился Якоб. – А как же Кастро...

– Пусть думают, что я настроен вести переговоры и торговаться, – отрезал князь, направляясь в дальний угол парковки, где виднелось свободное место. – Есть вести от Горака?

– С утра не было. Он продолжает общаться с банкирами. Двое уже приняли условия игры – после кредитных гарантий нашего европейского банка.

– Почуяли запах больших денег, – князь мотнул головой. – Пусть подавятся. Вели Гораку переходить к покупке намеченных активов. Нам нужна недвижимость. Много недвижимости.

Ускорив шаг, Скадарский прошелся вдоль последнего ряда машин и вышел на крохотный свободный пятячок у самого забора. Параллельно ему, между автомобилями, бесшумно скользили четверо охранников, поглядывая по сторонам. В углу парковки, поперек разметки, стоял черный минивэн, напоминавший небольшой автобус. Едва князь приблизился к нему, как боковая дверь отъехала в сторону и из машины на асфальт вышли пятеро. Высокие, крепкие, в легких спортивных куртках и одинаковых джинсах. Грубые невыразительные лица – у всех, кроме появившимся последним, шестого. Он был пониже остальных и успел натянуть на плечи кожаную куртку. Черные волосы были растрепаны, а маленькие глазки бегали из стороны в сторону. Опасливо косясь на приближающихся охранников, щуплый двинулся навстречу князю.

– Наше вам, – сказал он.

Новак резко остановился, не дойдя пары шагов до черноволосого и замер, бесстрастно глядя на неожиданного собеседника. Тот ступешевался и замер с протянутой рукой. Потом быстро опустил ее и сунул в карман кожанки.

– Это он? – спросил князь у подошедшего Якоба.

– Да, – сухо ответил тот. – Координатор третьего отряда, прикрывавшего операцию.

Князь обернулся к щуплому и вытянул вперед левую руку. Ткнул в своего собеседника растопыренными длинными пальцами, на которых вдруг блеснула едва заметная голубая нить, напоминавшая леску. Черноволосый отшатнулся, но князь резко сжал пальцы, человек хрипло вскрикнув, схватился обеими руками за грудь, разрывая в клочья футболку. Новак резко потянул руку на себя и черноволосый, как привязанный, сделал шаг ему навстречу, хрипя и тараща глаза. Князь резко повернул кисть, словно выкручивая что-то из пустоты и координатор, взвизгнув, повалился вперед. Рухнул лицом вниз, забился в судорогах, размазывая кровь из разбитого лица по асфальту. Пару раз дернул ногами и затих.

Князь опустил руку, равнодушно переступил через труп и, пройдя мимо переставших дышать громил, направился к черному Мерседесу, выглядывавшему из-за минивэна.

– Пора вспомнить, кто мы такие, – бросил он на ходу Якобу, следовавшему за хозяином. – И перестать притворяться барыгами и ростовщиками. Мне кажется, здесь отличное место, для того, чтобы побыть самим собой.

Его помощник лишь чуть наклонил голову, не решаясь ничего сказать – он давно не видел князя в подобном настроении, разозлившегося, потерявшего контроль над собой. Видимо, в этом воздухе есть что-то такое... Агрессивное. Слишком волнующее кровь. Провоцирующее.

Новак остановился у мерседеса, за рулем которого сидел один из его личных охранников, обернулся к застывшему советнику, походившему сейчас на гранитное изваяние.

– Найди их, Якоб, – тихо, но с угрозой в голосе, произнес князь. – Объяви награду. Угрожай. Лсти. Пусти в ход шлюх и деньги. Найди тех, кто украл нашу мишень. Мы должны закончить это дело.

Советник, услышав знакомые нотки в голосе хозяина, склонился в почтительном поклоне. Потом захлопнул черную дверцу, и встал ровно, провожая глазами автомобиль, тронувшийся с места. Он так и стоял, не обращая внимания на подскочивших охранников, пока мерседес не выехал с парковки. Лишь потом медленно выдохнул и вытащил из кармана телефон.

– Джамаль, – тихо сказал он в трубку. – Нужно встретиться. Помнишь тех ребят, которые пытались выйти на нас пять лет назад с грузом китайских амулетов? Они еще в городе? Нужно поговорить.

Сунув мобильник в карман, Якоб развернулся и зашагал обратно к гостинице. Проходя мимо черного минивена он резко остановился. Здоровяки из третьего отряда все еще мялись около машины, старательно отводя взгляды от покойника.

– Что встали? – резко бросил Якоб и, не дождавшись ответа, ткнул пальцем в ближайшего громилу. – Ты! За старшего. Погрузите в кузов эту падаль, отвезите на свалку за город и возвращайтесь в тот кабак, где вас подобрали! Ждите звонка.

Развернувшись, Якоб зашагал между машин, цедя сквозь зубы ругательства, которые пару минут назад слышал от хозяина. Сделав пару десятков шагов, он чуть успокоился и махнул рукой. За плечом тут же выросла фигура охранника, сопровождавшего своего шефа много лет.

– Иштван, – сквозь зубы процедил Якоб. – Я возвращаюсь в номер. Останься тут. Свяжись со вторым отрядом. Пусть они проследят за этими тупыми болванами. До самой свалки. Когда эти пустоголовые довезут тело и выгрузят его... Пусть потом останутся там вместе с ним. Все.

Охранник коротко кивнул и отстал на пару шагов, нашаривая в кармане телефон. Якоб вновь зашагал к гостинице. Ему стало душно и он, вскинув массивную руку, расстегнул воротник рубашки – резко, грубо, так, что прозрачная пуговица отлетела в сторону и сгнула под огромным черным джипом.

Глубоко вздохнув, Якоб ускорил шаг. В здешнем воздухе действительно было разлито что-то агрессивное. Провоцирующее. И чертовски заразное.

* * *

В крохотном холле поликлинике было тихо, пусто и пыльно. Нож, сидевший на потертом стуле, втиснутым между белой тумбочкой и кадкой с раскидистым пыльным фикусом, задумчиво посматривал по сторонам. Справа высилась стойка регистратуры – настоящая стена из крашенной фанеры с крохотным окошком, напоминающим билетную кассу. Она была увешана разными объявлениями, инструкциями и расписаниями приема, большинству из которых лет было больше, чем самому Ножу. За закрытым окошком чем-то тихо шуршала бабка регистратора. Она еще не оправилась от внезапного визита шефа со свитой и старалась не высываться.

Нож обвел взглядом пустой холл с исцарапанным клетчатым линолеумом, скользнул взглядом по широким белым дверям, за которыми скрывался коридор, ведущий в палаты на первом этаже. Перевел взгляд на противоположную стену. На ней висели плакаты о пользе здорового образа жизни. Они призывали мыть руки, регулярно проходить обследование, делать прививки. Скучнейшее барахло с картинками детсадовцев. А вот грозные картины, изображавшие поврежденные органы, были повеселее. От некоторых волосы до сих пор вставали дыбом, хотя он уже и видел их раз сто.

Взглянув на часы, Нож тихо выругался. Братва задерживалась. Шеф сказал, приедут быстро, заберут пациента, а их все еще ни слуху, ни духу. Телохранители босса засели в палате, даже потрепаться не хотят. Полностью отмороженные, где он их только откопал? Не местные, это точно. Местных Нож знал наперечет. Вот, скажем, Вася...

Деревянная дверка в дальнем углу распахнулась, и в холл вышел Вася, застегивающий на ходу ширинку.

– Ну, наконец-то! – вздохнул Нож. – Я думал, тебя там засосало уже в канализацию.

– Иди ты, – беззлобно ругнулся кореш, подходя ближе. – Чья очередь сдавать?

Нож ухмыльнулся, вытащил из кармана колоду засаленных карт, протянул напарнику.

– Это тебе не в телефоне играть, – сказал он. – Тут ловкость рук нужна!

Вася плюхнулся на соседний стул, принял колоду и начал неумело ее тасовать.

– Ничо, – сказал Нож. – Я еще из тебя сделаю человека. А то вы все окончательно свихнетесь со своими телефонами.

Дверь, ведущая на крыльцо, распахнулась, и в холл быстрым шагом вошла высокая плечистая девица с распущенными длинными волосами.

– Где он? – звонко крикнула она с порога, направляясь к регистратуре. – Где?

Нож дернулся, привстал и впился взглядом в гостью. Рослая, ноги, затянутые в тугие джинсы, ладненькие, спортивные. Черная футболка, сверху накинута кожаная куртка – тонкая, легкая. Настолько мягкая, что рукава девка закатала до самого локтя. На левом запястье болтается браслетик-фенечка. Волосы черные, длинные, до самых плеч. Немного костлява, но личико симпатичное.

– Погодь, – шепнул Нож другу, собравшемуся тоже встать со стула. – Я сам.

Девчонка тем временем не унималась – засунув голову в окошко регистраторши по самые плечи, она начала скандалить.

– Где он? – орала она в полный голос. – Куда положили!?

– Кого? – гудела в ответ бабка. – Ты что орешь, психованная!

– Мотоциклист, – чуть ли не в голос прорыдала девица. – Разбился, голова пробита, сказали, сюда привезли!

– Нет тут никаких мотоциклистов! Уйди! Убери харю из окна, пока охрану не вызвала!

Нож тихонько подобрался сзади, с трудом подавив желание ущипнуть девку за круглый зад.

– Э, – позвал он. – Уважаемая...

Девчонка вынырнула из окошка, повернулась к Ножу, явив ему раскрасневшееся худое личико с черными узкими бровями.

– Охрана, да? – резко спросила она, делая шаг вперед.

– Допустим, – отозвался Нож, пятясь от неожиданного напора. – Это... Не надо шуметь, красавица.

– Я те дам, красавица, – огрызнулась девчонка. – Где дежурный врач? Куда положили раненого?

– Потихе, я сказал, – хмурясь, бросил Нож. – Давай без истерики. Нет тут никаких мотоциклистов.

Девчонка уперла руки в бока, полоснула злым взглядом, и внезапно Нож понял, что она явно не в себе. Похоже, развлечения тут и не пахло. Пахло проблемами. Если он ее не успеет отсюда выставить, то на шум вылезут телохранители шефа. А они, походу, напроць отмороженные...

– Тихо, – резко сказал он, хватая ее за плечо. – Замолкни. Двигай отсюда. Нет тут никаких раненных.

Тут Нож запнулся – раненный, конечно, был. Хоть и не мотоциклист. Неужели какая-то дура из больницы раззвонила? А эта курица решила, что это ее кобель или кто там...

– Вот черт, – бросил Нож и взглянул на часы. – Нет тут твоего хахаля. Есть серьезные люди. Вали отсюда, пока они тебя за жопу не взяли.

Девчонка прищурила глаза, глянула через плечо Ножу, и он услышал, как за спиной скрипнул стул. Это Вася, наконец, сообразил, что корешу нужна помощь и поднялся на ноги.

Девчонка перевела взгляд на руку, сжимавшую ее плечо, и Нож вдруг заметил, что вокруг ее век появились морщинки. Теперь она не выглядела расстроенной. Скорее, просто злой.

– Серьезные люди? – тихо сказала девчонка. – Это хорошо.

– Вааась, – позвал Нож, бросая взгляд через плечо на своего напарника. – Ну-ка подсоби...

Его ладонь вдруг соскользнула с хрупкого плеча, перед глазами мелькнула белая рука, и горло взорвалось вспышкой боли. Нож схватился руками за кадык, отшатнулся, споткнулся обо что-то и грохнулся на пол. Он хотел крикнуть, но выдал из себя только хрип. Из прижатых к горлу пальцев хлестало ручьем что-то горячее и липкое, пахнущее горячим железом. В глазах потемнело, язык отнялся. Зато где-то над ним завизжал Вася – громко и пронзительно.

Потом грохнул выстрел, и пришла темнота.

* * *

Григорий стоял на крыльце поликлиники, у закрытой деревянной двери, и напряженно вслушивался в звонкий Ленкин голос. Он был мрачен и насторожено поглядывал по сторонам. Ему не нравилось это место, не нравилось то, что информация пришла поздно и то, что ее было так мало. Костюм Борода успел сменить на кожаную куртку, под которой можно было спрятать хоть черта лысого, но в ней было невыносимо жарко.

Рослый Вадим, севший прямо на крыльцо, чтобы не отвечивать, услышав крик, заерзал на месте. Но Вера, стоявшая рядом, положила ему руку на плечо.

– Один, – хриплым шепотом напомнил Борода. – Потом еще один. Потом вы двое. Потом Близнецы. Мы не знаем, сколько их внутри, пусть все вылезут, иначе завязем здесь надолго.

Вадим мрачно глянул на Гришу из-под кустистых бровей и оскалился. Борода вскинул голову, бросил взгляд через плечо. Близнецы – двое невысоких чернявых пареньков, еще только шли к больнице от въездных ворот, где они оставили машину. Гриша не хотел пугать местных шумом подъезжающего авто и потому велел идти от улицы пешком.

Из-за двери раздался пронзительный крик.

– Пошли – выдохнул Гриша и рванул дверь на себя.

Он влетел в холл больницы и сразу увидел Ленку, сцепившуюся с лысым громилой. Он успел выхватить пистолет и охотница, ухватив его запястье, пыталась вывернуть руку. На полу, прямо под их ногами, хватаясь за горло, валялся второй охранник и Гриша решил, что пора вступать в игру.

Набирая скорость, он от двери стартовал к Ленке. Не останавливаясь, координатор подскочил ближе и с разгона взрезался в охранника с пистолетом как огромный шар от боулинга. От удара охранника вырвало из захвата Ленки и швырнуло в сторону. Пролетев половину холла, он с хрустом ударился в закрытые белые двери, чуть не снеся их с петель. Пистолет вылетел из его руки, звякнул об пол, и тут же выстрелил – курок, видимо, был уже взведен.

Из-за крашеной фанерной перегородки раздался густой бабий вой, но Гриша не обратил на это внимания – он догадывался, кто скрывается там. Шагнув вперед, пытаясь первым добраться до упавшего пистолета, и услышал, как Ленка за его спиной тормозит первого бандита, получившего, видимо, пулю от своего же друга.

Тот, лежавший у дверей, зашевелился, пытаясь встать, Гриша сделал пару шагов вперед, нагнулся за пистолетом и в тот же момент деревянные двери, щедро заляпанные потеками белой краски, взорвались.

Хрупкие створки с треском распахнулись, щедро рассыпая щепки и побелку, а в их облаке возникла огромная фигура громилы с бритым черепом, покатым лбом и выдающейся вперед квадратной челюстью. Троль. Гриша даже выпрямиться не успел, только сдавленно выдохнул, когда монстр шагнул к нему и выбросил вперед огромные руки, напоминавшие свиные окорока.

Оба кулака ударили Гришу в грудь, выбив из него дыхание. Удар оторвал координатора от пола и отшвырнул назад – легко, словно мешок, набитый соломой. Борода вознесся над полом и с грохотом вломился спиной в фанерную перегородку над стойкой регистратуры, та не выдержала удара, и с треском проломила. Гриша вместе с обломками перелетел за стойку, грохнулся на стол и под звон бьющейся посуды повалился на пол. Рядом кто-то завизжал, но Гриша, оттолкнувшись от пола, вскочил на ноги, сбрасывая с себя остатки деревянной перегородки.

От удара у него перед глазами плавали круги, голова шла кругом, и ему пришлось вцепиться в изуродованную столешницу. Огромный троль времени не терял – погнался за Ленкой, успевшей отпрыгнуть в дальний угол холла.

Выдохнув проклятие, Борода потянул из кобуры подмышкой пистолет. Тот за что-то зацепился, Гришу качнуло, и он крепче сжал пальцы, цепляясь за занозистые доски.

– Давай, – прохрипел он, пытаясь сосредоточиться. – Давай...

Обычного человека такой удар убил бы на месте. Гриша не был обычным человеком, но и ему пришлось несладко. Проклятый троль. Здоровый, тварь!

Пистолет, наконец, поддался, Гриша вскинул его, подхватил рукоять второй рукой и спустил курок. Выстрел громом разлетелся по больничному холлу, заглушив визгливые вопли регистраторши, накрытой фанерным листом. Пуля ударила монстру между лопаток, но тот даже не вздрогнул – рванулся вперед, пытаясь прижать Ленку к стене. Та ловко откатилась в сторону, а Гриша выстрелил еще два раза, целя в затылок троля. Первая пуля пробила плечо, вторая сорвала кусок уха, оросив плакаты на стене черными каплями крови. Особого вреда координатор врагу не нанес, но своего добился – зарывав, монстр развернулся, оставив Лену в покое, и двинулся к Грише, скорчившемуся за стойкой.

– Давай! – во весь голос заорал он, уже не таясь. – Давай уже!

В ответ на его призыв входная дверь распахнулась и в холл ввалилась крепкая фигура ростом не меньше троля. Вадим, оборотившийся ровно наполовину и выглядевший как волк вставший на задние лапы, пригнувшись, с разбега прыгнул на монстра. Толкнул лохматым плечом, едва не сбив с ног. Тот отшатнулся, но тут же рванулся обратно, ухватившись огромными ручищами за горло оборотня. Вадим зарычал, его лицо удлинилось, теряя человеческую форму, а руки рывком удлиннились, на глазах раздаваясь вширь. На пальцах блеснули черные когти. Миг – и обе ручищи оборотня впились в плечи троля, вырывая из них кровавые куски. Троль утробно загудел и вздернул Вадима вверх, оторвав его ноги от пола. Тот, задыхаясь, забился в воздухе, как висельник, и Григорий снова вскинул пистолет. И опустил, когда по залу скользнуло огненное пятно.

Рыжая псина, размером больше дога, с длинной шерстью, завивавшейся колечками, молнией скользнула над полом. Клыкастая пасть распахнулась и капканом сомкнулась на лодыжке троля. Вера отшатнулась, упираясь лапами в пол, потащила ногу троля за собой, и тот не удержался – издав сдавленный стон, рухнул на одно колено. Вадим, опустившись на землю, тут же пнул ногой монстра в грудь и принялся размахивать лапами, полосая шишковатую голову острыми когтями. Черная кровь брызнула во все стороны и накрыла Ленку бросившуюся рыбой вперед, мимо оборотней, рвущих в клочья троля – за пистолетом, все еще валявшимся под ногами.

Борода проследил ее прыжок и тут же вскинул оружие – в дверях, выломанных монстром, мелькнула серая щуплая фигура.

– О, черт, – выдохнул координатор и тут же выстрелил.

Новый персонаж шарахнулся в сторону от дверей – он был невысок, тощ, одет в черный костюм и напоминал не по годам вытянувшегося подростка на выпускном вечере. Вот только из белого воротничка торчала не юношеская голова, а серая морщинистая харя упыря, пребывающего в облике.

Вампир легко перепорхнул от дверей к центру, и второй выстрел Гриши ушел в стену. Упырь скользнул к Вадиму и по дороге с размаху пнул ногой Веру, разгрызавшую ногу тролля. От удара оборотница с визгом проехала по линолеуму, выронив из пасти кусок черного мяса. Вампир в мгновение ока очутился за спиной Вадима, сцепившегося с троллем, чуть присел, закрываясь им от Гриши и в тот же миг Ленка, лежавшая на спине у разбитых дверей, спустила курок подхваченного с пола пистолета. Она выстрелила три раза подряд. Обычные пули вошли точно в живот упырю, но лишь отбросили его от Вадима, заставили отшагнуть назад – и подставиться под выстрел Гриши.

Борода влепил первую пулю точно в серую харю и упырь крутнулся на месте, разбрызгивая серые ошметки морды. Вторая попала в плечо, тварь зашипела, рванулась в сторону и тотчас нарвалась на пулю Ленки, стрелявшей прямо с пола. Вампир прыгнул к ней, но еще одна пуля Гриши заставила его попятиться назад, к дверям, ведущим на крыльцо.

В тот же миг створки распахнулись и на пороге появились двое парней в черных куртках. Невысокие, щуплые, смуглые, с раскосыми глазами, оба походили оживших потомков Чингизхана, волей случая получивших в руки вместо тугих луков – тяжелые дробовики. И не какие-то там усеченные гражданские версии, а огромные серьезные ружья, которые можно было уже отнести к ручной артиллерии.

– Ложись! – успел крикнуть Гриша, а потом в холле разверзся ад.

Близнецы выстрелили одновременно, и грохот дробовиков мгновенно заглушил все вопли, крики и стоны.

Серая башка упыря, развороченная выстрелом Гриши, получив заряд серебряной картечи в затылок, взорвалась, как гнилая тыква. Второй выстрел, в спину, превратив тело вампира в сочащийся слизью дуршлаг.

Услышав крик Григория и выстрелы за спиной, Вадим уперся ногой в грудь израненного тролля, оттолкнулся, вырвался из его захвата, и, отлетев в сторону, покатился по полу, к Вере, лежавшей у стены.

Близнецы дружно шагнули вперед и дали второй залп. Куски картечи разорвали грудь тролля, швырнули его на пол, заставив растянуться во весь рост. Он задергал ногами, из продырявленной груди потоком хлынула густая кровь, огромная голова приподнялась и близнецы выстрелили еще раз – один в голову, второй в грудь. Череп тролля раскололся на куски, как старый камень, а левую руку оторвало и отбросило в сторону. Троль забился в судорогах, а близнецы выстрелили снова. И еще раз – и лишь тогда гора окровавленных ошметков, бывшая пару минут назад огромным чудовищем, замерла на полу.

Гриша высунулся из-за стойки – как раз вовремя, чтобы заметить поднимающегося с пола охранника, того самого, которого он сбил с ног в самом начале. Провалившись у дверей всю схватку, он рывком поднялся на ноги, цепляясь за развороченный косяк двери, и Гриша на секунду замешкался, не зная, что с ним делать. Это движение заметил не только он – один из близнецов вскинул дробовик и выпалил в новую мишень. Удар картечи, рассчитанной на крупную дичь, сбил бандита с ног и зашвырнул окровавленное тело в больничный коридор. Он умер, прежде чем коснулся пола.

– Стоп! – заорал Гриша во весь голос, видя, как Ленка, успевшая отползти от дверей, вжимается в пол. – Хватит!

Близнецы замерли на месте. Один навел свое чудовищное орудие на выломанные двери, целясь в пустой коридор, а второй опустился на одно колено и принялся невозмутимо перезаряжать дробовик.

Борода обернулся, дрожащей рукой сунул пистолет в кобуру, отшвырнул в сторону лист фанеры. Под ней он обнаружил бабку в белом халате, забившуюся в угол, и тихо подвывавшую. Крови не видно, бабка жива, а большего Гриша и знать не хотел.

Тяжело отдуваясь, он перевалился через стойку и, пошатываясь, замер. Ухватившись рукой за обломки стенки, он выпрямился и обозрел поле боя.

Лена уже поднялась на ноги, прижалась спиной к стене, но так и не опустила пистолет. Вадим присел над Верой, оставшейся в облике зверя, и гладил ее по спине. Близнецы невозмутимо стояли по колено в кровавых ошметках, и целились в пустой коридор.

– Спокойно, – хрипло сказал Борода, отлепляясь от стойки. – Отставить пальбу...

Он осторожно прошел к развороченной двери. Под ногами чавкала густая кровь тролля, в ушах гудело от выстрелов, а перед глазами плавали разноцветные пятна. У двери Григорий остановился, заглянул в пустой коридор, водя перед собой пистолетом. Никого. Тихо. Местные, видимо, забились в щели и напряженно вслушиваются в наступившую тишину. И слава богу. Лишь бы не высовывались.

Вздохнув, Гриша скривился от боли в ребрах. Он еще крепок, но удар был слишком силен.

– Черт, – выдохнул он. – Всего-то упырь и громила. Леха бы даже не вспотел.

Лена бесшумным призраком выросла рядом с координатором, мотнула головой в коридор, потом показала на часы. Борода сжал зубы, стараясь отрешиться от боли в ребрах, развернулся, махнул рукой Близнецам. Один тот час развернулся и взял на прицел входную дверь – четко и ровно, как на соревнованиях в стрельбе по тарелочкам. Второй остался стоять на одном колене – в коридор он целиться перестал, но держал оружие наготове.

Гриша бросил короткий взгляд на пару оборотней, подошедших ближе. Вера осталась в облике рыжей псины, а Вадим по-прежнему напоминал длиннорукого примата, только что спустившегося если не с пальмы, то с гор Памира. Огромный, волосатый, – снежный человек, да и только.

– Быстрее заживет, – выдохнул Вадим, заметив, что взгляд Григория остановился на Вере, помахивающей хвостом.

Координатор молча отвернулся и, держа пистолет перед собой, мелкими шагами быстро пошел вперед по коридору, оставляя за собой темные липкие следы. Лена двинулась следом, держась сбоку, чтобы не целится напарнику в спину. Вадим и Вера замыкали краткую процессию, прикрывая тылы.

Гриша быстро прошел по всему коридору, мимо белых дверей, ведущих в палаты. Они его не интересовали, ему была нужна самая дальняя, за которой, если верить слухам, скрывался пленник.

У стены Григорий остановился, обвел взглядом свое небольшое войско. Все были наготове. Затаив дыхание, Борода быстро распахнул последнюю дверь, вошел, сразу отступил в сторону, целя в центр комнаты. Следом за ним скользнула Ленка, держа на прицеле койки, выстроившиеся вдоль стены.

Их опасения оказались напрасными – в палате оказалось пусто. Лишь в центре, почти у самого окна, стояла большая операционная каталка на колесиках. На ней лежал кто-то длинный и худой, прикрытый зеленым кусачим одеялом. Гриша опустил пистолет, шагнул было вперед, но Лена вскинула руку.

– Стой, – шепнула она. – Дай я. Вдруг он еще на тебя сердится. Он, наверно, не знает, что ты тогда его не собирався заманивать в ловушку.

Борода нахмурился, но остался на месте. Лена скользнула вперед, на ходу сунула пистолет за пояс, и, кусая губы, подошла к каталке.

– Ох, мать, – выдохнула она, и Григорий одним прыжком оказался рядом с ней.

На каталке, на серых больничных простынях, лежал Кобылин.

За время отсутствия он сильно похудел и осунулся. Выглядел не просто похудевшим, а скорее, изможденным, похожим на раба, которого морили голодом. Его худое лицо, смуглое от загара, было обветрено, губы потрескались. Скулы обтянуты кожей так, что грозят ее прорвать. Глаза глубоко запали, под ними темные мешки, вокруг – сетка глубоких морщин. Подбородок выдается вперед, и, кажется, на нем можно рассмотреть кости челюсти.

Лена медленно протянула руку, собираясь коснуться его лба, но так и не решилась – просто указала на шрам. Он начинался у левого виска, и тянулся дальше, теряясь в волосах над ухом. Темно-багровый, толстый, он сильно напоминал ожог.

Борода рывком сдернул с друга зеленое одеяло и сердито засопел. Тонкие голени Кобылина прятались в потертых штанинах джинсов, которые были явно велики хозяину, а ногах болтались кроссовки. Темно зеленая футболка плотно обтягивала похудевший торс, и Гриша был уверен – если ее задрать, то под кожей можно будет пересчитать все ребра. Борода задержал взгляд на левом плече – там, на футболке, красовалось огромное темное пятно. Очень похожее на то, что могло появиться от потока крови из разбитой головы. Или простреленной насквозь.

– Черт, – прошептал Гриша. – О, черт.

Лена медленно потянулась, коснулась ладонью обветренной щеки Кобылина, наклонилась над ним.

– Леш, – слабым голосом позвала она. – Леша...

Кобылин дернулся, застонал. Веки его затрепетали, и Григорий невольно подался назад, помня о предупреждении Лены. Глаза Алексея открылись. Они оказались серыми, мутными, а белки стали красными от полопавшихся сосудов. Это были глаза бесконечно уставшего и больного человека. Испуганного насмерть.

– Я, – прохрипел Кобылин, едва разжимая бесцветные губы. – Где...

– В больнице, – жарко выдохнула Ленка, наклоняясь над охотником и чуть не плача. – Боже, Лешка, что с тобой случилось...

– Что, – прошептал Кобылин, переводя взгляд на Гришу. – Случилось?

– Тебя подстрелили, – быстро выдохнула охотница. – Прямо на улице, когда ты вернулся...

– А Конопатовы, – прошептал Кобылин. – Тут? Он... упал со стула... Наверно. Мы отравились...

– Конопатовы? – Гриша вскинулся, обошел каталку с другой стороны, наклонился над охотником.

– Какие Конопатовы? – удивилась Лена. – Леш, это мы...

Борода бесцеремонно оттолкнул ее руку прочь от лица Кобылина, склонился над охотником и одним пальцем оттянул его нижнее веко.

– Леша, кто такие Конопатовы? – спокойно спросил он, разглядывая глаз охотника.

– Бра, – выдохнул тот, пытаясь отвернуться. – Братя.

Ленка глянула на Гришу, недоуменно вскинула брови.

– Черт, – процедил тот сквозь зубы, и принялся ощупывать шрам на виске. – Вот, черт...

– Больно, – выдохнул Кобылин. – Уйди...

– Гриша, – севшим голосом позвала Ленка. – Гриша, что происходит...

– Это не он, – яростно прошипел тот в ответ.

Они стояли над каталкой, таращась друг на друга, а на простынях, между ними, ворочался тощий обессиленный охотник.

– Как это не он, – вскрикнула Лена, и в ее голосе зазвучали истерические нотки. – Ты что, вот он, лежит...

– Это не Кобылин, – глухо произнес Борода. – Это алкоголик Лешенька из второго подъезда. То, чем был Кобылин до того, как стал охотником.

– Что? – воскликнула Ленка. – Ты спятил? Какой еще алкоголик?

Она резко наклонилась над охотником, схватила его за плечо, заглянула в глаза – серые, мутные, подернутые пеленой.

– Лешка, – жарко зашептала она. – Перестань. Это же я, Лена. Посмотри на меня. Посмотри!

Кобылин взглянул ей в глаза, с совершенно равнодушным видом отвел взгляд и вытаращился на Григория, сердито сопевшего в черную бороду.

– Кобылин!

– Хватит его трясти, – рявкнул Гриша. – Отпусти!

Ленка отдернула руку от охотника, словно обожглась. Глянула на Гришу, остро, зло. Сжала кулаки, того и гляди – ударит.

– Гриша, – хрипло процедила она. – Гриша, черт тебя за ногу... Что это?

– Это разрушение личности, – мрачно отозвался Борода, глядя на охотника. – Разрушилось не тело, а психика. Личность. Память, сознание...

– Он что, головой ударился? – тихо спросила Лена. – Это пройдет?

– Я понятия не имею! – рявкнул Борода. – Может, это его Жнец выжег изнутри! Может, забрали его на тот свет, кто знает, что у него творится с этой потусторонней хренью! А может просто с ума сошел!

Кобылин застонал, откинулся на подушку и прикрыл глаза.

– Не надо... – выдавил он. – Кричать. Больно.

– Не ори, – шепотом напустилась на Гришу охотница. – Чего орешь?

Борода закусил губу и махнул рукой – широко, сверху вниз, словно разрубая невидимый узел.

– Не кричите, – простонал Кобылин и тяжело задышал. – Замолчите. Пожалуйста. Все.

Закрыв глаза, охотник замер. Из приоткрытого рта, из уголка губ, проступила вязкая слюна.

– Вот теперь мы точно в полной жопе, – мрачно изрек Борода.

Ленка взглянула на потерявшего сознание охотника, прижала ладонь к губам и покосилась на мрачного, как грозовая туча, Григория. В ее глазах плескался ужас – самый настоящий ужас, в который ее давно не могли ввергнуть никакие монстры на свете.

Сказать она ничего не успела – в глубине кожаной куртки Гриши запел телефон, хрипло и настойчиво, пытаясь пробиться сквозь все слои одежды. Охотник чертыхнулся, запустил руку в недра куртки, достал черный мобильник, глянул на высветившийся номер и приложил к уху.

– Да, – быстро сказал он. – Говори.

– Собирайтесь, – раздался голос Айвена. – Я вижу, как от кольца, в вашу сторону движутся четыре машины. Идут ровно друг за другом. У второй, белого Рено, знакомые номера. Когда-то она принадлежала местным аналитикам Ордена. Остальных не знаю.

– Продолжай наблюдение, – бросил Борода. – На рожон не лезь.

Сунув телефон в карман, он обернулся к двери и взмахнул рукой, подзывая караулившего в коридоре Вадима.

– Что? – севшим голосом спросила Лена.

– Гости, – отозвался Борода. – Скорее всего, люди Строева. Пора убираться отсюда.

– Ну как, жив? – спросил Вадим, подступая ближе и бросая взгляд на Кобылина. – Твою мать!

– Быстро, – сказал Борода, не давая оборотню времени разглядывать охотника. – Выломай поручень. Сними наручники. Его на плечо – и за мной. Лена, прикрывай.

Борода зашагал к двери, раздраженно грохоча ботинками по полу. За его спиной звонко хрустнул выдираемый из каталки поручень, потом раздался едва слышный стон. Гриша не обернулся, знал, – все, что он поручил Вадиму, будет в точности выполнено. Сжав зубы, координатор двинулся дальше. Он догадывался, что все будет плохо. Но не представлял – насколько. То, что он увидел, не лезло ни в какие рамки. Он был растерян, напуган, близок к панике. Но не хотел, чтобы это видели его друзья.

Выскочив в коридор, чуть не споткнувшись о Веру, заглядывающую в палату, он направился к больничному холлу.

– Уходим! – крикнул он Близнецам. – Один на крыльце, второй за машиной, быстро!

Оба мгновенно поднялись и исчезли за входной дверью. Гриша замедлил шаг, обернулся.

За его спиной высился Вадим, на его могучем плече болтался исхудавший Кобылин. Рядом стояла Ленка с мокрыми от слез глазами. А снизу на нее смотрела огромная рыжая псина.

– Все, – сухо сказал Борода, подавив пытавшийся вырваться стон. – Уносим ноги.

И, развернувшись, бросился к выходу.

* * *

Чтобы забраться в огромный лимузин, Строеву пришлось пригнуться. Долговязый, с длинными конечностями, он, тем не менее, ловко скользнул в полутьму салона, опустившись на мягкое кожаное сиденье. Дверь за ним бесшумно захлопнулась, и машина сразу тронулась с места.

Внутри было темно, но это не мешало вампиру – он все прекрасно видел. Большой салон, два сиденья друг напротив друга, черная перегородка, наглухо отделявшая отсек с водителем – все это было ожидаемо. Как и человек, с интересом разглядывающий гостя.

Он выглядел весьма заурядно. Невысокий, с заметным животиком, выступавшим сквозь распахнутые полы светло-синего пиджака. Белая рубашка, идеально чистая и выглаженная. Темные короткие волосы, круглое, словно у пупса, улыбающееся лицо. Гладкие щеки, не знавшие бритвы – как у младенца. На вид ему можно было дать и двадцать пять и сорок. Лишний вес – да, пожалуй. Но не ожирение. Цветущий человек с горячей кровью и бьющимся сердцем, не упускающий случая насладиться жизнью.

– Ну что же, Павел Петрович, – тихо произнес хозяин авто. – Вот мы и встретились. Как говорить, за что боролись, на то и напоролись. У вас десять минут. Слушаю.

– Рад нашему знакомству, Сергей Ильич, – совершенно серьезно отозвался вампир. – Постараюсь быть кратким. Мне бы хотелось прояснить вопрос с интересом к моей персоне со стороны определенного ведомства, которое вы курируете.

– Ну и обращались бы в это ведомство, – тут же отозвался круглолицый, широко улыбаясь. – Приемные дни у них, как мне помнится, среда и пятница.

– Сергей Ильич, – укоризненно произнес Строев, разводя руками. – Мы же не в кабинете.

– Ладно, ладно, – отозвался тот и его улыбка погасла. – Вы, Строев, много шума наделали в последнее время. А тому ведомству положено интересоваться такими делами. Они, знаете ли, вообще любопытные, до жути. Как говорить, кто владеет информацией, тот владеет миром.

– Я хотел бы уточнить, – вкрадчиво произнес вампир. – Этот интерес чисто академический, или, быть может, мне пора поискать представителя данного ведомства?

– С какой целью? Покаяться в грехах? Написать чистосердечное?

– С целью возможного сотрудничества, – спокойно ответил Строев. – Сергей Ильич, вы человек занятой, ваше время дорого, давайте не будем его тратить понапрасну. Если есть претензии, озвучьте их мне. Я не фанатик, готов многое обсудить.

– Обсудить, – задумчиво повторил Сергей Ильич, и его круглое лицо внезапно помрачнело.

– Вот что, Строев, – резко сказал он. – Ваши метания, безусловно, были замечены. Там, наверху, пока что клали на вашу возню большой болт. Вы мутите придонный ил, жрете мелочь, подгребаєте под себя всякий мусор. Тем не менее, волны с поднятой дрянью идут дальше, как говорится, компрене ву, мон ами? Пока это не зашло далеко, но докладные записки уже пишутся. Особого внимания вам пока не оказывали, иначе вы это сразу бы ощутили. Тем не менее, возможно, стоит поумерить прыть.

– Понимаю, – вампир наклонил лобастую голову. – Думаю, мне не стоит вас обижать и подробно рассказывать, чем я занимаюсь. Полагаю, вы знаете об этом не меньше, чем я сам.

– Дайте-ка подумать, – перебил нахмурившийся Сергей Ильич. – Вы сколачиваете новый центр силы. Вернее, еще одну банду в этом змеином гнезде, который называется столицей. И пользуетесь поддержкой определенных лиц, имеющих некоторое влияние в финансовом мире более... крупного масштаба. Сложилось впечатление, что грязных улиц этого городишки вам маловато, и вы решили сунуть свое упыриное рыло чуть выше.

Строев мрачно глянул на толстячка, вольготно раскинувшегося на кожаном сиденье, напоминавшем огромный диван.

– И не корчите такие рожи, Строев. Давайте я вам популярно объясню. На том уровне, куда вы лезете, не имеет никакого значения, из какого места у вас зубы растут, и чем вы питаетесь. Жрете вы конкурентов в буквальном смысле или в переносном – значения не имеет. Надеюсь, это до вас дошло. На этом уровне управления территориями и людскими ресурсами – чтобы мы не подразумевали под этим термином – ваше происхождение роли не играет.

– Полагаю, – тихо заметил вампир, – в данном случае, небольшая разница есть.

– О, – Сергей Ильич звонко рассмеялся. – Вы о наших банкирах кровопийцах! Ну давайте посмотрим. Что там у вас за связи. Семья, с тридцатых годов именующая себя Торгсин? Да, знатное упыриное гнездо. Они крутят перед вашим носом наживкой из денег, надеясь приспособить новую банду для силового решения возникающих проблем. Полагаю, им так и видится отряд бессмертных вампиров в черных кожаных плащах, вылетающих ночным рейсом из сверкающего аэропорта на задание в далеких-далеких землях... Романтики. И ваши родичи из семьи Драгмет туда же. Хотя у них запросы поскромнее – им мерещатся оторванные головы и прокушенные шеи конкурентов. Особенно тех самых мохнатых конкурентов, которые десятилетиями пресекали все попытки упырей создать свою организованную силовую структуру.

– Я не...

– Ну конечно, – всплеснул руками Сергей Ильич. – Вы не. В большой степени не. Судя по тому, что мы видим, в вашей банде пока не наблюдается ровных строев упырей в черных плащах, организованно марширующих в ночи под вашу унылую игру на органе. Остатки старого Ордена, это люди. Прямо скажем, людишки. Уличная шпана, запуганная вашими мистификаторами. Осколки группировок наемников, всякая шваль даже по меркам швали. Как говорится, с бору по сосенке. И с этим вы пытаетесь сунуться выше городских улиц? Ваши клыкастые родичи могут питать некоторые надежды, особенно после того, как вы умело обошли развал Ордена и выскочили из общей грызни питерских умников без серьезных ранений. Но сами-то вы должны понимать, что этого маловато? На что вы вообще рассчитываете, Строев?

– На то, что мои усилия будут оценены по достоинству теми, кто способен использовать новую независимую организацию для более серьезных дел, чем наблюдение за охотниками и спятившими монстрами на улицах города.

– Вот как, – медленно произнес Сергей Ильич. – Значит, ждете оценок. Тесновато вам стало в ордене, да? Особенно когда ваши зарубежные коллеги решили вернуть его под свое крыло и выбить из местного отделения всю эту романтическую дурь о соблюдении равновесия и сохранения порядка в отношении нейтральных существ?

– Именно так, – сухо отозвался вампир.

– Вся эта ваша потусторонняя возня, лишь часть узора, – произнес Сергей Ильич. – Это варево с упырями, троллями, оборотнями и прочими барабашками. Это мелко, Хоботов, понимаете, о чем я? Ах да, понимаете. Поэтому и решили двинуться выше, туда, где происхождение уже не имеет значения. Воспарить, так сказать, над бытовыми проблемами сосуществования видов, оставив их позади. Так что же вы цепляетесь за эти самые виды в лице Торгсина и Цветмета?

– Я и не цепляюсь, – спокойно отозвался Строев. – Это удобный источник финансирования. Если вам нужны деньги, вы идете в банк.

– А, – медленно произнес Сергей Ильич и его круглое лицо просветлело. – Значит, немного ума вам от предков, все же, досталось. Что возвращает нас к предыдущему вопросу – что вам надо, Строев?

– Чтобы мои усилия были оценены по достоинству, – напомнил вампир.

– Усилия? – переспросил Сергей Ильич. – Это какие? Усилия по поднятию шума и паники? Усилия по наведению хаоса? Или усилия в области спортивного разбрасывания говна с лопаты? Вот что, Строев. Станьте там и слушайте сюда, как говорится. Внимание вы к себе привлекли. Но умение наводить шорох у городского дна есть у многих. В том числе и у наших зарубежных коллег вашего масштаба, которые тоже пытаются тут изображать из себя шпану с района. На это всем накласть, и на таких деятелей, и на их усилия. Если вы хотите привлечь внимание серьезных людей, вам нужно показать себя с другой стороны. А именно – сделать все мгновенно, чисто, бесшумно. Вы должны сожрать всех мгновенно, чтобы никто и пискнуть не успел. Вам надо научиться решать проблемы быстро – хотя бы свои личные. Тогда, возможно, вам поручат так же аккуратно решить чужие проблемы. И вы получите то, что хотите. Шанс поработать на другом уровне. На том, где никого не волнуют, какой формы у вас ушки, зубки, хвосты и прочие причиндалы. Доступно?

– Вполне, – серьезно отозвался Строев. – Я благодарен вам за беседу, Сергей Ильич.

Толстячок тяжело вздохнул и печально улыбнулся, словно сомневаясь в умственных способностях собеседника. Он не сделал никакого знака, ничего не сказал, но машина тотчас мягко остановилась. Дверь с тихим щелчком приоткрылась, и Сергей Ильич махнул пухлой ручкой.

– Ступайте, Строев. Ради общего блага надеюсь, что вы не попытаетесь угробить весь город как в прошлый раз, а будете действовать тоньше. И быстрее.

– Постараюсь, Сергей Ильич, – вежливо отозвался вампир. – Доброго дня.

Одним ловким быстрым движением он выскользнул на оживленную улицу и остановился на тротуаре, шурясь от яркого света. Дверца захлопнулась, и длинный черный автомобиль нырнул в поток автомобилей, растворившись в нем, как щука в темной заводи.

Вампир проводил ее долгим взглядом, и лишь потом оскалился, показав длинные заостренные зубы, все еще походившие на человеческие, но уже не слишком. Он пребывал в бешенстве, кипел от сдерживаемой ярости, но вместе с тем, был доволен. Он действительно получил то, что хотел.

Сунув руку в карман пиджака, он выхватил телефон и приложил его к уху.

– Ну, – с угрозой произнес он. – Порадуй меня.

– Мы вышли на след, – раздался в ответ тихий отдаленный голос, едва прорвавшийся сквозь шум автострады. – Им не удалось далеко уйти.

– Держи в курсе, – резко сказал вампир. – Не вздумайте их потерять. Головой ответите.

Сунув телефон в карман, Строев развернулся, бросил взгляд на табличку с названием улицы и, оттолкнув плечом случайного прохожего, двинулся обратно – в центр. Туда, где его ждала собственная машина.

На ходу он сжимал кулаки – зло, до боли, пытаясь удержать рвущиеся наружу когти. Ему был нужен этот проклятый охотник. Этот кусок мяса. Кем бы он ни стал, и что бы он не сделал. Он был нужен ему как воздух, как кровь, как жизнь. Потому что он мог дать ему то, что Строев желал больше всего на свете – власть. Власть над такими вот пухленькими человечками в черных машинах, самоуверенных в собственной неуязвимости, заигравшихся в полубогов, и оттого не видящих дальше своего носа.

– Диски, – процедил на ходу Строев. – Я получу от тебя винчестеры, чего бы мне это не стоило. Скоро.

Сжав в кармане телефон, он ускорил шаг и ринулся напролом сквозь толпу. Вперед, к своей цели.

* * *

Шагнув в темный зал, Борода нащупал выключатель на стене и под низким потолком вспыхнули тусклые лампочки, болтающиеся на шнурах.

– Лен, помоги, – позвал он, направляясь в угол, к залежам старой мебели.

Охотница, оглянувшись на Вадима, державшего на руках Кобылина, двинулась следом за Гришей. К ним присоединилась Вера, еще в машине перекинувшаяся в свой облик рыжей девчонки и успевшая переодеться. Втроем они выволокли из угла обшарпанный раскладной стол для пинг-понга и поставили его в центре комнаты, прямо под качающейся лампочкой.

– Сюда, – скомандовал Борода бывшему проводнику.

Вадим осторожно, боком, подобрался к хрупкому столу и бережно уложил на зеленые фанерные листы свою драгоценную ношу. Кобылин, откинувшись на спину, раскинул руки и застонал, не открывая глаз. Лена подхватила с кресла чью-то куртку, скомкала ее и сунула под голову Алексею как подушку. Тот выпрямился и тяжело вздохнул.

Они стояли вокруг него, все четверо, разглядывая измученного человека, мало напоминавшего того упрямого бойца, с которым они расстались год назад. Вера застыла рядом с Вадимом, и ее рыжие кудри едва доставали ему до широкого плеча. Прикусив губу она взяла под руку бывшего проводника и тот автоматически притянул ее к себе, словно пытаясь от чего-то защитить. Лена зябко поежилась – в бывшем тире, превращенном в штаб, от голых бетонных стен веяло холодом и сыростью. Лишь Гриша стоял неподвижно, у изголовья импровизированной кровати и, сунув руки в карманы объемистой кожанки, пристально вглядывался в побелевшее лицо Кобылина.

– Гриш, – наконец не выдержала Лена. – Гриш, может врача позвать?

– Ага, скорую, – мрачно отозвался тот. – Давай наберем ноль три, звякнем...

– Пошел ты...

– Айвен поехал за Пашкой, – тихо произнес Вадим. – Он же хирургом был.

Лена бросила на него косой взгляд.

– Когда? – спросила она с подозрением. – Он же снаружи остался.

– Я его послал, – буркнул Григорий. – Близнецов оставил на входе, а Айвена отправил за нашим костоправом. Еще вызвал Костика и дежурных по западу. Ну, Кешу и Семена. С ними еще тот носатый, новенький.

– Когда успел? – изумилась Ленка. – А я где была?

– А ты скакала вокруг Вадима, – отозвалась Вера. – Все ноги мне оттоптала. Хорошо, что твой Петька не видит.

– И ты туда же! Ему же плохо.

Словно в подтверждение ее слов, Кобылин застонал и зашевелился, пытаясь повернуть голову. Он так и лежал на столе – в кроссовках, протертых джинсах и в футболке с пятном крови на левом плече. Здесь, на крашенных листах фанеры, он казался еще более худым, чем там, в палате. Ленка тут же бросилась в угол, где стоял древний железный холодильник, распахнула дверцу, вытащила бутылку воды и быстро вернулась к столу. Ожгла взглядом мрачного Гришу.

– Что стоишь, – процедила она. – Давай, выкладывай.

Григорий шевельнул бородой, насупил, наблюдая за тем, как охотница наливает воду в пластиковый стакан и пытается напоить Кобылина. Подсунув руку ему под голову, Лена чуть приподняла его голову, приложила к его белым губам стакан с водой. Алексей пробормотал что-то, а потом принялся жадно глотать воду, не открывая глаз.

– Гриш, – позвала Вера, отлепляясь от Вадима. – В самом деле. Не хочешь рассказать, что происходит? Зачем мы притащили его сюда, а не в какую-нибудь больницу? Например, ту, которая за кольцом, и где штопали Вадима? Какого черта он весь израненный валяется тут без присмотра докторов?

– Доктора тут не помогут, – мрачно отозвался Гриша.

– Все так плохо?

– Все гораздо хуже. И я даже не знаю насколько...

Ленка вдруг отшвырнула стакан, залив водой бетонный пол и рванулась к Грише. Ухватив его за грудки обеими руками, встряхнула, как мешок с картошкой, толкнула раз, другой, и вжала спиной в стену. Высокая, на голову выше координатора, она наклонилась, заглядывая ему в лицо.

– Хватит, – зашипела она, как взбешенная кошка. – Хватит твоих сраных тайн! За дураков нас держишь? Твои странные звонки, куча денег, контакты черт знает с кем. Думаешь, мы не понимаем, что ты нам лапшу на уши вешаешь почти год?

Вадим беспокойно шевельнулся, повел большой головой, но Вера взяла его за локоть, стиснула длинные пальцы, и проводник замер.

– Думаешь, вы варимся в этом супе из говна и крови, потому что болеем за твою гениальную идею сохранения равновесия среди гребаной нечисти? – рявкнула в полный голос Ленка, тряся Григория. – Да нам насрать! Мы тут с тобой корячимся, потому что ты обещал, что он вернется. С того света вернется. Вон он! Вернулся! А ты стоишь руки в карманы. Сделай что-нибудь!

– Тише, – спокойно сказал Борода. – Не нагнетай. Разберемся.

Лена закрыла глаза, медленно втянула носом воздух. Шумно выдохнула. Открыла глаза, осторожно разжала пальцы, освобождая куртку координатора. Легонько похлопала его ладонью по груди, разглаживая складки.

– Давай, – хрипло сказала она, отступая на шаг. – Излагай. Сейчас.

Борода глянул ей за плечо. На него смотрели еще двое – лохматый громила, похожий на застрывшего посреди трансформации оборотня и рыжая девчонка с острым носиком. Оба дружно скалились, демонстрируя острые зубки.

– Ладно, – буркнул Гриша, отлепляясь от стены. – Ладно.

Вскинув огромную ладонь, он протер лицо, словно умываясь, чертыхнулся и вернулся к столу. Ленка, со скрещенными на груди руками, следовала за ним словно тень.

– Вот что, – сказал Борода, всматриваясь в побелевшее лицо Кобылина. – Я сам пока точно ничего не знаю. Но попытаюсь обрисовать в общих чертах.

Надув щеки, он взглянул на Алексея. Тот, явно успокоившись, вытянулся на столе. Его лицо приобрело мирный вид – словно он заснул, заснул по-настоящему, а не провалился в беспамятство.

– Ну, – с угрозой произнесла Лена. – Давай. Банкуй.

– Не знаю точно, что случилось в той кафешке у Министерства, – тихо сказал Гриша. – Это лишь подозрения. Там были Кобылин, бессмертный монстр и, видимо, то, что мы называем Смертью. Оттуда вышел только Кобылин.

– Это мы и так знаем, – буркнул Вадим. – Потом он зачем-то рванул на вокзал и сгинул.

– Полагаю, – осторожно произнес Гриша. – Что он приобрел некоторые необычные, ну, способности.

– Давай, – подбодрила Вера. – Ты нам про Жнеца уже все уши прожужжал. Подробнее.

– И про аватара, – поддержала Лена. – Что ты там нам заливал? Что Кобылин должен стать супер-одержимым? Дескать, кто-то мертвый, из загробного мира, должен был в него вселиться, а ты опасался, что это произойдет?

– Примерно так, – мрачно отозвался Григорий. – Леха к этому... предрасположен, что ли. Родился таким, чувствует всю ту мертвую дрянь.

– Но это не простое одержание, да? – напомнила Лена. – Не просто безумный дух, владеющий телом, разрушающий все вокруг, в том числе себя?

– Да, – признался Борода, видя, как насторожился Вадим. – Это вселение по-настоящему. Полный контроль. Замена личности, с сохранением тела. Идеально функционирующее сознание с той стороны. Подавляющее личностью первого хозяина.

– Это и произошло? – напрямую спросила Вера. – Там, в кафешке, когда он дрался с пауком?

– Вроде того, – Борода потер щеку. – Примерно.

– Примерно? – рявкнула Ленка. – Что значит – примерно?

– Меня там не было, – рыкнул в ответ Гриша. – Дальше у меня только догадки и страшные истории, записанные на папирус тыщу лет назад укутившимися ладаном жрецами и пьяными монахами!

– Давай, – потребовала Вера, поглядывая на спящего Кобылина. – Жги, Гриша.

– Тут на сцене появляется новый персонаж, – отозвался тот, подергивая себя за бороду. – Смерть. Некое явление, с которым Кобылин частенько общался.

– Та самая? – усмехнулась Лена. – С косой?

– Ничего смешного, – отрезал Борода. – Ты много чего повидала, думаешь, что уже все? Дальше некуда? Считай ее супер-существом. Мега сущностью. Мирового масштаба. Уровня законов природы.

– Законов...

– Ой, все, – Борода скривился. – Сейчас не об этом. Считай, что та самая, с косой и в черной хламиде. Вероятно, они заключили какой-то договор. Кобылин получил способности Смерти и упокоил формально бессмертное существо.

– И сбежал? – спросила Вера. – Зачем?

Борода помялся, окинул взглядом неподвижного Кобылина, что начал тихонько посапывать. Казалось, на его бледное лицо возвращаются краски – губы уже порозовели, а под глазами налились темные мешки.

– Боюсь, – мягко сказал Гриша, – что одержание все-таки состоялось. Но это был не заурядный покойничек с того света. Это была сама Смерть.

Вадим тихо зарычал, а Вера невольно отшатнулась от стола. Лишь Лена подалась вперед, впилая взглядом в спокойное лицо Кобылина.

– Не знаю, сохранилась ли его личность, – едва слышно произнес Борода. – А если и сохранилась, то в каком объеме. Он стал тем, чем всегда боялся стать, – всего лишь инструментом. Правой рукой смерти, ее косой. Жнецом. И отправился в дальний путь, чтобы собирать свою жатву. Всех тех, кто, по мнению Смерти, не должен находиться в этом мире. Нарушителей. Безбилетников. Причудливые нарушения вечных законов нашего мира и даже исключе-

ния из них. Беспощадный, бесстрастный, как робот, выполняющий свое задание, неуязвимый. Бессмертный. И безжизненный.

– Вот черт, – шепнула Лена, вытягивая вперед дрожащую руку.

– И мне страшно подумать о том, что он пошел на это добровольно, – сказал Борода. – Такие вещи не делаются случайно.

– И что? – вскинулась Ленка. – Сейчас то что с ним? Ты вроде сказал – неуязвимый?

– А тут мы возвращаемся к той самой жопе, о которой я упоминал ранее, – сказал Гриша. – Неуязвимость штука растяжимая. Все же, человеческая оболочка не идеальный вариант для бессмертного бойца. На каждую жопу... На каждое действие найдется свое противодействие. Видишь шрам?

– Ну, – сказала Лена. – Похоже, пуля царапнула по голове. Отсюда потеря сознания...

– Такая царапина для Жнеца – как комариный укус, – отозвался Григорий. – Нет, пуля прошла сквозь голову, а это след от ожога. Изнутри была выжжена дыра, а это то, что проступило наружу.

– Чего? – поразился Вадим. – Да как же...

– Сильнейший электрический разряд, – сказал Борода. – Кое-кто хорошенько выучил домашнее задание и прочитал учебник по Жнецам от корки до корки. Тело восстановилось почти мгновенно. Но информация в нейронах была стерта раньше. Это как магнитом по дискете провести. Полная очистка.

– Полная? – хрипло спросила Лена. – Совсем полная?

– Не знаю, – признался Борода. – Черт его знает, как это работает. И никто не знает. Есть одни исследования, столетней давности. В Австрии лечили пациентов психушки электротоком. Новая модная методика. Потом она получила широкое развитие. И в некоторых документах упоминалось о том, что так были уничтожены несколько аватаров. Аватар обычный, аватар смерти – похоже, правда? Кто-то решил попробовать.

– И получилось? – резко спросила Лена.

– Ну, – Гриша развел руками. – Это же не совсем аватар. Посмотри на него. Он был в сознании, слепил пару предложений. Кажется, у него осталась личность. Его старая личность. Как будто стерты воспоминания о последних нескольких годах. Похоже, эта вещь действительно убила Жнеца. А заодно и нашего Кобылина, оставив нам только Лешку алкоголика.

– Серьезно? – переспросила Вера. – Так избирательно?

– Понятия не имею, – буркнул Борода. – Может, это и не от пули. Может, он перенапрягся. Или его личность была действительно уничтожена в тот момент, когда он стал одержимым. А это остатки памяти, просто эхо. Я не знаю. И никто не знает. И если ты думаешь, что какой-то академик нейрохирург скажет тебе больше, ты ошибаешься.

– Гриша, – тихонько позвала Лена.

– Это обратимо? – резко спросила Вера, подавшись вперед. – Он восстановится?

– Ты меня не слушала? Понятия не имею.

– Строеву – голову оторву, – рыкнул Вадим. – Хватит с ним церемониться.

– Думаешь, это наш упырь? – Борода усмехнулся. – Вот уж нет.

– Это как же? – удивился Вадим. – Мы же у него, считай, Кобылина и отобрали.

– Да, – признал Борода. – Но стрелял не он. Ему как раз нужен был живой и здоровый Кобылин, в трезвом уме и здравой памяти. Чтобы мог рассказать, куда он спрятал те проклятые жесткие диски из подземелий зоопарка.

– А кто же? – удивился Вадим. – Неужели эти новые ребята с Балкан?

– Бинго! – объявил Гриша. – Вот им как раз активный игрок поперек горла. Им сейчас такие проблемы не нужны. Семейка князя давно балуется черной магией и может запросто привлечь внимание Жнеца. Собственно, это я и имел в виду, когда обещал, что Кобылин вернется. Как только узнал, что эти драные интервенты наострили лыжи в столицу. А еще у них

обширные вековые связи в старой Европе, там, где про жнецов и аватаров знают много больше чем мы. Думаю, им уже приходилось сталкиваться с чем-то подобным.

– Гриша! – громче позвала Лена, наклоняясь над Кобылиным. – Гриш, смотри!

Борода замолчал, резко подался вперед. Охотник пошевелился, застонал и открыл глаза. Серые, мутноватые, но вполне живые и осознанные глаза.

– Леша, – тихо позвала Ленка. – Леш...

– А? – тихо откликнулся Кобылин, переводя взгляд на мрачного Григория. – Где я?

– Ты у друзей, – сказал Борода, опираясь на стол и нависая над охотником. – Все хорошо.

– Что со мной? – простонал Кобылин, пытаясь приподняться.

Лена попыталась ему помочь, но охотник со стоном откинулся обратно на куртку и зажмурился.

– Голова, – выдохнул он. – Больно...

– Вера, поищи анальгин в холодильнике, – быстро сказал Гриша. – Лен, воды.

Девчонки засуетились, бросились в разные стороны, а Борода нагнулся ниже, с тревогой всматриваясь в искаженное гримасой боли лицо охотника. Вадим тоже придвинулся ближе. Кобылин открыл глаза, увидел плечистую фигуру оборотня и заерзал, пытаясь отодвинуться.

– Тихо, – сказал Борода. – Все в порядке Леша, мы друзья. Все хорошо.

– Отравился, – пробормотал Кобылин, вглядываясь в Григория. – Опять паленую водяру подсунули.

Борода скрипнул зубами, нагнулся еще ниже, всматриваясь в серые глаза охотника. Он хотел что-то сказать, но тут подросла Ленка. Кобылин, увидев ее, успокоился. Приподнялся, проглотил таблетку и запил водой, делая большие жадные глотки.

– Еще, – скомандовал Борода и Вера, стоявшая за спиной Лены, протянула всю бутылку.

Кобылин закричал, приподнялся на локте, другой рукой ухватил бутылку и присосался к ней. Выпив за пару глотков половину, откинулся на скомканную куртку.

– Ох, – сказал он, глядя в потолок. – Как паршиво.

– Леша, – позвала Лена, нащупывая его холодные пальцы. – Леш, помнишь меня?

Кобылин перевел на нее мутный взгляд, постарался сосредоточиться.

– Не, – наконец выдохнул он. – Не помню. Вообще...

Его глаза вдруг расширились, он выдернул руку из хрупких пальцев Ленки, заерзал на месте, озираясь.

– Вообще не помню, – забормотал он. – Мы же дома были... Конопатовы где? Ему плохо стало, помню, пена пошла...

– Вот зараза, – тихо выдохнула Вера, отступая на шаг. – Твою мать.

Кобылин приподнялся на локтях, окинул взглядом всю компанию, потом оглядел темный зал.

– Ребята, вы вообще кто? – спросил он, но тут же прикрыл глаза и со стоном повалился обратно на стол.

Лена покосилась на Гришу. Тот, выставив вперед подбородок, мрачно смотрел на Кобылина. Заметив взгляд охотницы, кивнул – мол, давай, лучше ты.

– Леша, – позвала она, наклоняясь над охотником. – Леш, попробуй вспомнить, что вы вчера делали?

– Уф, – выдохнул тот, открывая глаза. – Плохо... Помню. Голова болит... Пора завязывать с этой дрянью.

– Вспомни, – умоляющим тоном попросила Лена. – Леша, пожалуйста.

Кобылин нахмурил выцветшие брови, стрельнул глазами в сторону плечистого Вадима, потом снова взглянул на Лену.

– Пили мы, – буркнул он. – На кухне, вроде. Потом Конопатову плохо стало. А потом не помню. Потом наверно и меня срубило. Куда-то шли...

Кобылин зажмурился и тяжело задышал.

– Больно, – сказал он совершенно отчетливо. – Не надо.

– Давай, – неожиданно вмешался Борода и, схватив руку Кобылина, стиснул ее, как тисками. – Давай, Леха, вспоминай!

Тот дернулся, постарался высвободить руку, но не смог. Открыв глаза, он с ненавистью уставился на Григория.

– Уйди, – простонал он. – Больно. Тошнит.

По его телу пробежала судорога, и Кобылин откинулся на куртку. На его лбу выступили капли пота, скулы заострились. Лена отпихнула Гришу в сторону и наклонилась над бывшим охотником, шепча успокаивающие глупости.

Гриша отступил на пару шагов, сунул руки в карманы. Вера подошла к нему ближе, с надеждой заглянула в лицо координатора.

– Плохо? – спросила она. – Гриш, как же так?

– Да вот так, – яростным шепотом отозвался Борода. – Хорошо, что вообще живой. Но нам от этого...

Не договорив, он зло махнул рукой. Вера нахмурилась, бросила взгляд на Вадима, поманила его к себе пальцем. Тот по широкой дуге обогнул стол, подошел ближе. Вера ухватила его за плечо, пригнула к себе и что-то яростно зашептала на ухо.

Григорий с тяжелым сердцем наблюдал за тем, как Лена пытается успокоить стонущего Кобылина. Тому явно стало хуже – его била крупная дрожь, ноги подергивались. Он явно был на грани. Тот самый парень, который перевернул весь этот мир и принес самого себя в жертву ради... Ради чего? Спасения одного не самого большого города, который даже не заметил жертвы. Города, в котором помимо обычных обывателей проживали такие твари, от которых и сатане станет тошно.

Стиснув зубы, Борода заставил себя шагнуть вперед, поближе к столу, на котором метался Кобылин.

– Не надо, – бормотал он. – Замолчите. Заткнитесь!

– Тише, тише, – шептала Лена, поглаживая его по щеке. – Потерпи, Леш. Сейчас таблетка подействует и станет легче...

– Не хочу, – выдохнул Кобылин. – Замолчите!

Открыв глаза, охотник в панике вцепился в руку Ленки.

– Пусть они замолчат! – простонал он. – Пожалуйста!

– Кто? – растерявшись, Лена оглянулась на Вадима и Веру, шепчущихся в стороне.

– Все они, – выдохнул Кобылин, опускаясь обратно на столешницу. – Голоса.

– Какие голоса? – дрожащим голосом спросила Ленка. – Леша?

– Все, – выдохнул он. – Кричат... Говорят... Сотни... Тысячи...

Прикусив губу, охотница покосилась на Григория, с немой мольбой вглядываясь в его мрачное, потемневшее лицо. Тот лишь покачал головой – он и сам не знал, что происходит.

– Все будет хорошо, – выдохнула Лена, – Леша, все будет хорошо. Ты у друзей. Расслабься. Успокойся. Просто полежи, отдохни.

– Не хочу, – процедил сквозь зубы Кобылин. – Домой. Надо домой.

– Подожди немного, – шептала Лена, и слезы блестели на ее глазах. – Леша, потерпи. Все пройдет. И поедем домой. Я обещаю.

В кармане Григория забрякал мобильник, и он поспешно отступил в сторону. С облегчением развернулся от гнетущего зрелища и, воспользовавшись удобной отговоркой, быстро отошел в дальний угол, к сваленным в кучу столам.

– Да что такое, – выдохнул он, вынув телефон из кармана. – Опять...

Номер был знакомый. И голос в трубке – тоже.

– Он у вас? – резко спросила Даша, едва Борода успел прислонить мобильник к уху.

– Да, – отозвался Борода. – Мы его нашли.

Даша шумно задышала в трубку, словно не решаясь задать следующий вопрос. Потом, сглотнув, спросила.

– И – как?

– Плохо, – отозвался Гриша, косясь на Ленку, склонившуюся над Кобылиным. – Это не он.

– Как – не он? – выдохнула Даша, и в ее голосе послышались панические нотки. – Вы что там делаете?

– Это его тело, – медленно произнес Борода. – Похоже, он лишился памяти. Распад личности. Это не Кобылин. Не тот Кобылин, которого мы знали, понимаешь?

– Не очень, – призналась Даша. – Я думала...

– Ну, – подбодрил ее Гриша. – Если ты что-то знаешь об этом, выкладывай сейчас. Ты что-то видела на эту тему? Рисовала?

– Нет, – отрезала предсказательница. – Ты сам знаешь, как это работает. Десяток картинок, и ты поймешь, что вот эта подходит к ситуации, когда все уже случилось. Задним умом, типа, все сильны.

– Знаю, – буркнул Борода. – Все плохо, Даш. Он помнит свою жизнь до того, как стал охотником. До того, как на него навалилась вся эта история с потусторонними силами. Боюсь, его личность уничтожена, Жнец выжиг его изнутри.

– Но хоть что-то он помнит? – с тоской в голосе спросила Даша. – Черт, не складывается!

– Помнит, как был алкашом, – зло ответил Гриша. – Это... это какие-то огрызки прежнего Кобылина.

– погоди, – спохватилась предсказательница. – Постарайтесь ему все напомнить. Пусть постепенно вспоминает!

– Когда он пытается что-то вспомнить, его плющит и колбасит, – отозвался Гриша. – Что-то вроде болевого шока. Он весь разбит на осколки и рассыпается прямо на глазах. Ему больно. Говорит, что слышит голоса. Боюсь, это наследие аватара и он действительно слышит ту сторону. Его замкнуло, как розетку, в которую сунули гвоздь. Он настежь открыт для той стороны, и в любой момент... Нет. Даже не знаю, что может случиться. Боюсь, мы потеряли Кобылина в ту минуту, когда он стал Жнецом. А сейчас теряем и его тело.

– Сейчас, – выдохнула Даша. – Один сек. А, черт. Гриш, я тебе сейчас пришлю картинку на телефон. Ты ему покажи, ладно? Потом перезвони, хорошо? А я буду собираться...

– Куда? – резко выдохнул Борода. – Спятила? Сиди на попе ровно! Тебя еще тут не хватало для полного счастья.

– Я приеду, – тихо сказала Даша, – попозже.

– Шиш тебе, – бросил Гриша. – Даже не думай.

– И как ты собираешься мне помешать? – тихо и совершенно спокойно осведомилась предсказательница.

Борода задумался. Вопрос был с подвохом. Если она видела себя в городе, если нарисовала одну из своих картинок, где она сама участвует в делах группы...

– Ты что-то заметила? – спросил Борода. – Поделись.

– У каждого свои секреты, – отозвалась предсказательница. – Некоторые вещи лучше не знать. Я же не спрашиваю, кому ты звонишь по маленькому черному телефону. Ага?

Григорий сосредоточено засопел в трубку. Что она видела? В этом и беда с предсказателями – они и сами порой не знают, что именно они знают.

– Ладно, – тихо сказал Борода. – Только ты поберегись, ладно? Ты у нас одна.

– Да уж постараюсь, – отозвалась Даша. – Господи, как хорошо в институте было. Вот дернул меня черт... Картинку. Лови картинку. Может, это поможет.

Связь отключилась и Гриша, задумчиво посмотрев на телефон, сунул его в карман. Обернувшись, окинул взглядом темный зал. У стола собрались все трое – Лена, Вера и Вадим. Они стояли неподвижно, склонив головы, глядя на человека, распростертого на зеленом столе для пинг-понга. Молча, не шевелясь – как у постели умирающего. Или у свежей могилы.

Выругавшись себе под нос, Борода быстро подошел к столу, плечом оттер в сторону Лены, склонился над притихшим Кобылиным.

– Как он?

– Тише, – зашипела Ленка. – Вроде, успокоился.

– Но как только открывает глаза, у него начинается бред, – добавила Вера, беспокойно щупая карманы своей куртки. – Это просто жутко.

Гриша покачал головой. Кобылин, по его мнению, вовсе не выглядел спокойным. Хотя он и лежал на спине с закрытыми глазами, его пальцы рук непроизвольно подергивались, а плечи были напряжены. Посеревшие веки вздрагивали – словно глаза за ними метались подобно загнанным зверькам.

– Кто звонил? – тихо спросил Вадим. – Айвен?

– Нет, Даша, – автоматически ответил Борода, – вот черт, совсем про него забыл. Куда он только провалился...

Гриша сунул руку в карман, достал телефон и тут Кобылин снова застонал и открыл глаза.

– Где я? – спросил он, увидев Лenu, и тут же с испугом глянул на Григория. – Кто вы?

– А, черт, – выдохнула Вера, сжимая кулачки. – Дряньство.

Телефон в руке Григория тихо звякнул, и тот автоматически провел большим пальцем по экрану. Увидев присланное сообщение, открыл его и уставился на картинку, развернувшуюся во весь экран.

– Твою мать, – медленно процедил он. – Да чтоб меня...

– Что там? – спросила Лена, заглядывая в телефон. – Это от Дашки?

Борода медленно поднял руку и отодвинул охотницу, не давая ей взглянуть на экран. Сам он с сомнением посмотрел на стонущего Кобылина, потом перевел взгляд на телефон и почувствовал, как него задрожали руки.

– Ладно, – тихо сказал он. – Ладно.

Развернув экран к охотнику, Гриша наклонился ниже, вытянул вперед руку и позвал:

– Леша! Посмотри сюда, пожалуйста. Леша!

Алексей приоткрыл глаза, покосился на телефон, маячивший у него перед лицом. Борода затаил дыхание. Он знал, что изображено на экране. Это был рисунок карандашом. Быстрый набросок, черно-белый, какие часто выходили из-под пера Дарьи. На картинке была изображена невысокая женщина в темной куртке. Черные волосы, прямые и гладкие, падали на ее плечи, словно диковинная шапочка. На лице, обозначенном крупными мазками, читалась откровенная ярость. Правая рука женщины была вытянута вперед, к зрителю. Она словно упиралась в невидимую стену в попытке отодвинуть ее от себя. А левой женщина прижимала к себе небольшой сверток. И него выглядывало личико младенца – крохотное, едва заметное на экране телефона.

– Красивая, – прошептал Кобылин, поднимая руку и пытаясь дотянуться до телефона.

Коснуться экрана он не успел – по телу пробежала судорога, и Кобылин выгнулся дугой, едва касаясь макушкой столешницы. Ленка, чертыхнувшись, схватила его за руку, Вера за ноги и вместе они попытались уложить охотника обратно. Тот застонал, забился, как рыба, пойманная в сеть, и к девочкам присоединился Вадим – огромными ручищами ухватил Алексея за плечи и придавил обратно к столу.

– Не надо, – пронзительно закричал Кобылин. – Больно! Больно!

Он прокусил губу, и по белому подбородку потекла кровь. Ленка, уже не скрываясь, рыдая в полный голос, попыталась всунуть ему в рот рукав кожанки, но Кобылин яростно отбивался. Открыв глаза, он уставился в пустоту перед собой и захрипел:

– Хватит... не надо мучить... Лучше убейте...

Ленка хватала его за руки, пытаясь успокоить, Вадим давил на плечи, а Вера, державшая ноги, вдруг вскрикнула и толкнула Ленку в спину.

– Футболка, – выдохнула она, – задери!

Ленка одной рукой задрала футболку и сдавленно охнула. Грудь и живот Алексея были расчерчены старыми белыми шрамами. От когтей, клыков, ножей, и черт знает чего еще. Прямо на глазах они наливались алым цветом, а из некоторых уже сочилась кровь. Казалось, еще минута – и они откроются все разом.

Выругавшись, Лена вернула футболку на место, прижала ладонь к горячей щеке Кобылина, наклонилась над ним.

– Леша, – зашептала она, – пожалуйста, успокойся. Все хорошо. Я рядом. Вера рядом. И Вадим. Мы все здесь. Все хорошо. Все будет хорошо.

Кобылин застонал и открыл мутные глаза.

– Больно, – выдохнул он. – Они кричат. Голова...

– Тише, – шепнула Лена. – Не напрягайся.

– Не хочу. Отдохнуть. Лучше умереть, – выдохнул Алексей. – Дайте мне умереть!

И завыл, как раненый зверь. Лена стиснула зубы так, что они заскрипели. Вадин вскинул голову и бросил сердитый взгляд на Григория, что отступил в сторонку и с затаенным ужасом наблюдал за тем, как Кобылин бьется в судорогах.

– Айвен и врач, – прорычал оборотень, хмуря кустистые брови. – Вррач.

Борода, спохватившись, вытащил телефон, отвернулся в сторонку, стараясь не слушать шепот охотницы, успокаивавшей Кобылина.

– Заразы, просил же отзвониться, – бормотал Гриша, дрожащим пальцем выбирая из списка нужный номер и прикладывая телефон к уху.

Слушая гудки, он обернулся. Лена и Вера все еще сустились над охотником. Он перестал кричать и затих, вытянувшись во весь рост на столе.

– Что там? – рыкнул Вадим, отходя от стола. – Гриша?

– Не отвечает, – быстро отозвался тот. – Засранцы, больше часа прошло...

Борода медленно опустил телефон. Руки его перестали дрожать. Набывчившись, он исподлобья глянул на оборотня. Тот тяжело задышал, оглянулся на черный провал двери за спиной.

– Проверь близнецов, – резко бросил Борода. – Лен. Лена!

Оборотень развернулся, направился к двери, и его походка с каждым шагом все меньше напоминала человеческую. У самого входа он замер, встрепенулся, и наострил уши, которые уже начали заостряться.

Григорий выругался в полный голос и зашарил по карманам. Он тоже слышал это – далекий выстрел. Из дробовика. А вот и еще один.

– Ленка! – отчаянно выкрикнул Борода, бросаясь к своему столу.

Отшвырнув в сторону коробки, сваленные за креслом, он вытащил из картонного ящика тяжелый УЗИ и ПМ. Обернувшись, швырнул ПМ в сторону Ленки. Та легко и изящно взяла пистолет из воздуха и метнулась следом за оборотнем к дверному проему. Вера замерла у стола, все еще держа ноги дрожащего Кобылина.

Ударил новый выстрел – уже громче. Один единственный. Вадим, замерший в дверях, казалось, стал еще выше. Его лицо поплыло, изменяясь, как оплывающая свеча.

– Назад! – выкрикнул Борода, подбегая ближе. – Надо уходить! Быстро, как договаривались! Разделяемся на две группы...

– Нет! – закричала Ленка, бросаясь обратно к столу. – Нельзя его оставлять! Гриша, черт, что ты несешь!

– Оставь его, – рявкнул Борода, щелкая затвором. – Это уже не он, понимаешь? Это не Кобылин! Это не тот, кто нам нужен!

– Это не тот, кто нужен тебе, ублюдок, – крикнула в ответ охотница. – Но этот тот, кто нужен нам!

– Тебе, – взвыл Борода. – Нужен тебе, дура, говори только за себя! Хватит этих соплей! Это не твой Кобылин! И даже не Жнец! И мы не можем тащить его за собой...

– Она говорит за всех, – крикнула Вера, сжимая кулаки. – Он ради нас всех отдал все, что у него было! Гриша, сукин сын, мы не бросаем своих!

– Ничего ему не будет, – бросил в ответ Григорий. – Он нужен им живым! Потом снова отобьем! Ну же, быстрее!

– Иди к черту, – процедила Ленка. – Вставай и бейся. До последнего. Как он за нас. И за тебя.

– Идиоты, – выдохнул Борода, разворачиваясь к черному провалу. – Какие вы все идиоты...

В коридоре что-то загрохотало, Вадим рванулся вперед, с рычанием нырнул в провал двери и растворился в темноте. Гриша вскинул УЗИ, целя в толпу теней, метавшихся в коридоре, и в тот же миг раздался выстрел, а потом раскатисто прогрохотала автоматная очередь. Кто-то закричал, следом раздался дружный рев веревольфов. Вера прыгнула через стол, на лету оборачиваясь в рыжую псину. В тот же миг из прохода в зал влетела темная фигура, отшвырнула в сторону Гришу. Вторая тень, мелькнувшая следом, на лету вцепилась в Веру, остановив ее прыжок.

Лена вскинула пистолет и быстро выстрелила три раза, целя в зыбкую тень, мечущуюся по залу. Гриша, валявшийся на полу, поднял УЗИ и выпустил очередь во второго вампира, нацелившегося на охотницу. Пули отбросили упыря в сторону, но из коридора в зал вывалился огромный рычащий ком шерсти. Дерущие друг друга в клочья оборотни прокатись по залу, сбивая с ног бойцов и разбрасывая мебель. В темном проеме выросла еще одна фигура – вполне человеческая, с автоматом в руках. Гриша вскинул УЗИ, человек – автомат и под рев дерущихся веревольфов они выстрелили.

Одновременно.

* * *

Алексею было плохо. Его тошнило, голова раскалывалась от боли, перед глазами все плыло. Любое движение заставляло мир опрокидываться, верх менялся местами с низом, и Алексей чувствовал себя так, словно его привязали к винту вертолета. Он не понимал, что происходит и где находится. Перед глазами плыли зеленые пятна, сквозь которые проступали видения чудовищ из самых страшных ночных кошмаров. Хуже всего было то, что в уши непрерывно кричали. Остервенело, бессмысленно, завывая от боли и ужаса, перекрикивая друг друга. Мужские басы, пронзительные женские голоса, детский плач. Каждый вопль бил по телу Алексея кузнечным молотом, заставляя содрогаться. Перед глазами расплзалась тьма, он терял себя в этом море голосов, становился одним из них и начинал сам кричать в темноту, пытаясь заглушить чудовищный хор.

Из тьмы его выкидывало рывком, прямо на ослепительный свет. Кто-то хватал его за руки, за ноги, над ним толпились незнакомые люди и что-то совали ему в лицо. Кобылин старался ухватиться за эти кусочки реальности, пытался позвать врача, но через пару минут снова проваливался в вереницу страшных картин.

В какой-то момент ему стало так плохо от этой карусели, что захотелось все прекратить. Любым способом. Забыться. Умереть. Заснуть навсегда – лишь бы отдохнуть от этого ужаса, творившегося вокруг него. Умереть. Прекрасная идея. Но едва он подумал об этом, как хор голосов в его голове загремел с новой силой, разбивая затылок в куски, словно он был сделан из фарфора.

Алексей откинулся навзничь, провалился в темноту, но перед ним словно наяву забрезжили новые кошмары. Отрубленные головы, кровь фонтаном, сломанные кости, торчащие из кровоточащего мяса, окровавленные клыки, распадающаяся гнилая плоть, кусками сползающая с женских лиц. Взрывы, выстрелы, вонь горелых тел и липкая жижа, текущая по его лицу. Мертвые лица, мертвые тела, оскаленные черепа, крошащиеся в пыль под его ногами. Уйти, забыться, умереть. Покой. Вечный покой.

Новый удар в спину выбросил его из темноты и заставил закричать от боли. Она волной пробежала по телу и неожиданно сконцентрировалась в локтях. Резкая, обжигающая, она была вполне реальной, и это чудесным образом прояснило сознание. Крики стали тише, мир перед глазами перестал вращаться и Кобылин невольно открыл глаза.

Он лежал на полу, уткнувшись носом в грязный бетон. Над ним кричали, что-то грохотало и взрывалось, но на фоне того, что звучало в его голове, это были мелочи. Невинная суета.

Осознав, что лежит на грязном полу с разбитыми локтями, Кобылин выбросил вперед руки и потянул холодный бетон на себя. Его тело тронулось с места. Кобылин снова выбросил вперед руки и пополз, извиваясь, как червяк. В ушах его грохотали раскаты грозы, перед глазами вставали образы мертвых людей и уродливых животных, но он упрямо полз вперед, внезапно ощутив, что все еще жив.

На него кто-то наступил, в бок засадили чем-то крепким, а пятку обожгло – но это все было ерундой по сравнению с той болью, что терзала его изнутри. Все было ужасно. Все – кроме одного. Он мог двигаться. Сам. И он был здесь. Где-то здесь, а не среди того ужасного хора, скрывающегося в темноте. И Кобылин пользовался этим – он двигался вперед, слепо уставившись перед собой пылающими от боли глазами. Куда?

– Домой, – прошептал Кобылин, роняя слюну на пол. – Домой.

Внезапно оформившаяся мысль придала ему сил. Он уцепился за нее, как за протянутую руку, не позволяя себе провалиться обратно в темноту. Отравился. Палево. Плохо. Домой. Отлежаться. Подальше от этого безумия.

– Домой, – выдохнул Кобылин, выбрасывая вперед ободранные до крови руки.

Внезапно пальцы левой руки наткнулись на стену, а правая ладонь провалилась в темноту. Кобылин приподнялся, прищурился и сквозь туман, плавающий перед глазами, рассмотрел провал в стене. Дверь.

Приподнявшись на четвереньки и наклонив голову, Кобылин двинулся в темноту со всей скоростью, на которую только был способен. Каменная крошка на полу резала ладони, впивалась в колени, но он упрямо брел вперед. За его спиной что-то взрывалось, кто-то кричал, отчаянно и зло. Кажется, его позвали по имени, но этот крик затерялся в чудовищном вопле тысяч голосов, бивших ему в затылок, словно океанский прилив. Кобылин, очутившийся в кромешной тьме, поднялся на ноги, и, пошатываясь, побрел вперед, выставив перед собой руку.

Он ничего не видел, а мир перед глазами вращался так, что его желудок грозил выскочить наружу. Спотыкаясь и хромая, Алексей все ускорял шаг, пытаясь убежать от ужаса, плескавшего ему в спину ледяные волны. Пару раз его рука натыкалась на стены, и тогда Кобылин сворачивал в сторону, выбирая каждый раз направление наугад. Под ногами порой хлюпала вода, а в одном месте ему пришлось даже карабкаться вверх по деревянной лестнице, торчавшей из дыры в полу.

Он не знал, сколько прошло времени. Судя по всему – немного. Но Алексею казалось, что прошли целые века. Поэтому когда впереди замаячило светлое пятно, он вскрикнул от радости и бросился к нему, ковыляя по неровному полу.

Расплата пришла немедленно – едва сделав пару шагов, Кобылин почувствовал, как его ноги в чем-то запутались. Он потерял равновесие и рухнул вперед, на мягкий кулек. Успел выставить вперед руки, ладони обожгло от удара о шершавый пол, но боль заставила его сосредоточиться. Дикий хор в голове приутих, а мир перед глазами перестал вращаться.

Выругавшись, Алесей приподнялся и увидел, что лежит на груде тряпья. Рядом стояли лопаты и метлы, огромное корыто и груда деревянных ящиков. Кобылин поежился, оглянулся. Ему вдруг показалось, что в темноте, за спиной, скрывается что-то опасное. Быстрое. Смертельное.

Лязгая зубами от страха и внезапно нахлынувшего холода, Алексей сунул руки в кучу тряпья и начал в ней копать. На свет появилась пара черных грязных курток. Оранжевый жилет. Пластиковая каска. Кобылин отшвырнул ее в сторону, попытался встать на ноги, и тут ему под руки попала черная ткань. Он потянул ее и вытащил из кучи помятый и мятый плащ с капюшоном. Он выглядел довольно толстым, непромокаемым и был почище драных курток с огромными светящимися полосами на рукавах. Кобылин немедленно натянул него на себя, запахнулся и, придерживая огромные полы трясущимися руками, перевел дух. Бросил взгляд на оранжевую каску под ногами, развернулся и побрел в сторону светлого пятна.

Хор голосов утих, голова больше не взрывалась от боли на каждом шагу. Ему стало лучше. Жуткие глюки отступили и таились где-то на краю сознания. Может, его накачали наркотиками? От водяры такого вроде не бывает. Ладно. Все хорошо. Вот только пришла самая обычная и простая боль. Ныли локти, зудели колени. По спине словно кто-то молотком колодил. Болела пятка. А еще грудь. И плечи. И шея. И это было прекрасно.

Наслаждаясь тем, что у него снова есть тело, а мир обрел привычные очертания, Кобылин зашагал к светлому пятну, оказавшемуся распахнутой дверью, небрежно сколоченной из грубых досок. Бред отступил. Ужас закончился. Ему по-прежнему было плохо, мысли путались, но он теперь, по крайней мере, знал, кто он такой. Алексей Кобылин, еще вчера выпивавший у себя дома с братьями Конопатовыми. Вчера?

Зябко поежившись, Алесей перешагнул деревянный порог и выбрался на улицу – прямо в развесистые кусты с гладкими листьями. Покрутив головой, он увидел, что вышел из маленькой пристройки, примыкавшей к большому одноэтажному дому, похожему то ли на школу, то ли на спортивный зал. На улице была ночь. Алесей еще раз оглянулся, и, потоптавшись, двинулся к правому углу здания. Из-за него плыл свет ярких фонарей. Там, по крайней мере, были люди.

Добравшись до угла, Кобылин с облегчением вздохнул. Перед ним раскинулся целый парк, с дорожками и аккуратно подстриженными кустами. А там, за ними, вдалеке, виднелся забор. И решетчатые ворота с опущенными шлагбаумом. Рядом с ним высилась будка с охранником. Все отлично. Нужно только добрести до нее. Там, если верить звукам, дорога. Домой. Можно будет пойти домой. Забиться в угол, лечь на любимый диван и прийти в себя.

Алексей сделал пару шагов вперед, споткнулся обо что-то, лежавшее под кустом, споткнулся и упал на одно колено. Его руки уперлись во что-то мягкое...

Опустив взгляд, Кобылин вскрикнул и подался назад.

Перед ним лежал труп. Невысокий человек с короткой стрижкой, в черной куртке. Он лежал на спине и смотрел на Кобылина мертвыми глазами. А его грудь была разворочена так, словно в ней граната взорвалась.

Алексей опустился на второе колено, медленно выпрямился, не в силах отвести взгляда от мертвого лица. Потом осторожно коснулся земли, чтобы оттолкнуться от нее. Правая рука наткнулась на что-то твердое. Кобылин непроизвольно сжал пальцы, потянул предмет на себя.

Телефон. Видимо, вылетел из кармана покойника. На земле остался лежать еще один черный предмет, угловатый на вид. Алексей машинально подхватил его, поднес к глазам. Бумажник. Кобылин так и застыл – в левой руке чужой кошелек, в правой руке – телефон. Он глупо хихикнул. Если кто-то его увидит, то подумают, что он убийца. Как в кино.

Взгляд Кобылина скользнул по телефону. По нему что-то текло – прямо на пальцы. Что-то липкое и мокрое. Вскрикнув, Алексей отшвырнул мобильник и вскочил на ноги, уставившись на правую ладонь, потемневшую от чужой крови. От сладковатого запаха ему стало дурно, перед глазами поплыли пятна, а в затылок снова ударила волна боли. Застонав, Алексей зажмурился, и хор голосов загремел у него в голове. Он был тише, чем раньше, но каждый звук отдавался болью во всем теле. А они все кричали, кричали, кричали – одно только слово. Беги.

Распахнув глаза, Кобылин машинально сунул бумажник в карман плаща и с ужасом оглянулся. Там, вдалеке, маняще светила огнями будка охранника. Алексей опустил глаза, окинул бешеным взглядом труп под ногами, глянул на освещенные ворота. Попятился. Развернулся и бросился бежать в противоположную сторону.

Он проламывался сквозь ветки, сквозь разросшиеся кусты, топтался по клумбам и дорожкам, и неся вперед, не разбирая пути. Голоса подгоняли его, ожигая плечи и затылок словно хлыстом. Перед глазами вертелись страшные картины. Там, откуда он пришел... Кажется, это не было бредом. И не было белой горячкой. Он только что выбрался из подвала, в котором люди убивали друг друга. Стрельба. Крики. Смерть. Это не было глюками, все было по-настоящему, вправду!

С бешено колотящимся сердцем Кобылин промчался позади длинного здания с темными окнами. Там, между стеной и высоким забором, оставалось свободное место, заросшее чахлыми кустами, борщевиком и лопухами. Кобылин ломился сквозь эти заросли, как раненное животное, пытающееся убежать от охотников.

Когда здание кончилось, кончились и кусты. Кобылин, задыхаясь, выскочил на крохотную асфальтированную площадку с решетчатыми воротами, наглухо замотанными цепями. Рядом высились контейнеры с мусором, старые шины и обломки офисной мебели. Здесь никого не было, а окна в здании за спиной не горели. Зато ворота были намного ниже забора.

– Домой, – прошептал Кобылин, стуча зубами. – Домой. Я должен вернуться домой.

Глотнув холодного воздуха, Алексей бросился к воротам и, не обращая внимания на вспыхнувшую во всем теле боль, рванулся вверх, отчаянно цепляясь за железные прутья.

Скрученные цепи стали отличным упором для ног. Неожиданно легко, удивляясь самому себе, Алексей взмыл на ворота и прыгнул вниз. Приземлившись со шлепком, отбив себе пятки, он тут заковылял в темноту, подальше от странного здания. Озираясь на ходу, увидел, что попал на узенькую дорогу, тянущуюся через задворки. Кругом торчали серые высокие здания, походившие на промышленные корпуса. И каждое было ограждено бетонным забором – вот между ними и вилась разбитая асфальтовая дорога, по которой брел Кобылин. Но впереди уже виднелись признаки жизни – распахнутые зеленые ворота. Рядом стояли два авто – желтая Волга и белый Фиат. У Волги был открыт капот, рядом мялись два мужика, заглядывая в движок. Кобылин, чувствуя, как его живот сворачивается в комок от страха, двинулся к ним.

– Мужики, – позвал он издали, когда водители обернулись на его шаги. – Мужики!

Оба нахмурились. Один, в камуфляжной куртке, расправил плечи, глянул по сторонам. То ли изображал из себя охранника, то ли действительно им был. Второй, уже немолодой, с сединой на висках и осунувшимся лицом, прищурился, пытаясь разглядеть Кобылина.

Тот подошел ближе, отчетливо хромя.

– Мужики, помогите, – выдохнул он.

– Чего надо? – грозно осведомился обладатель камуфляжной куртки.

– Я это, – быстро сказал Кобылин, облизнув пересохшие губы. – Пили мы с ребятами, отдыхали, значит. Потом налетел кто-то, потащили, опа. И я фиг знает где. Еле вырвался.

– Алкаш, – ласково сказал камуфляжный, – иди, давай, отсюда.
– Не, – замотал головой Кобылин. – Я не алкаш. Хрен знает, что случилось. Ребят, где здесь тачку поймать можно, а? Мне бы домой. Домой. Надо.
– Домой? – удивился пожилой водила. – А куда?
– Петровско-разумовская, – уклончиво отозвался Кобылин. – Блин, вот вообще домой надо, серьезно.
– Далеко, – с сомнением выдохнул водила. – А ну, дыхни.
Кобылин дыхнул, водила сморщился.
– Тьфу, – сказал он. – Ты когда зубы последний раз чистил?
– Не знаю, – честно признался Кобылин. – Я тут пару дней... Вроде как потерял.
– Потерял пару дней, – охранник фыркнул. – Сань, не связывайся. Видишь, наркоман какой-то.
Кобылин нащупал в кармане чужой кошелек, вытянул на свет.
– Я, – сказал он, – я заплачу.
– Три тыщи, – тут же сказал водитель.
Кобылин помял пальцами кошелек. Тот был туго набит. Приятно похрустывал – и вовсе не кредитными картами.
– Идет, – сказал Кобылин, отчаянно надеясь, что денег хватит. – Поехали.
Охранник всплеснул руками, но пожилой Санек, лишь махнул ему рукой и двинулся в сторону белого Фиата. Кобылин похромал следом.
Когда водила сел за руль, Алексей распахнул заднюю дверь и заполз на широкое сиденье. Откинувшись на спинку, он уставился в потолок и впервые за вечер вздохнул с облегчением.
– Как же тебя угораздило? – с интересом спросил водитель, поворачивая ключ зажигания. – А?
– Не знаю, – честно ответил Кобылин. – Не помню. Ничего не помню.
Когда машина тронулась с места, он закрыл глаза.
И провалился в пустоту.

* * *

Строев, пригибаясь, шагнул в темный зал, переступил через чье-то тело, валявшееся у входа, и остановился, широко раздувая ноздри. Его плечи ходили ходуном, а руки непроизвольно сжимались в кулаки.

Темный зал был буквально пропитан кровью – людей, троллей, оборотней. От этой резкой смеси кружилась голова, и это приводило вампира в бешенство. Напоминало о том, что пора уступить своему главному недостатку и подкрепить силы. Но не здесь. Не сейчас. И не так.

Вампир резко обернулся и окинул взглядом толпу, собравшуюся у стены. Толстяк в черной куртке лежал на полу, прижатый к бетону ногой тролля и тихонько постанывал. Вампир чувствовал, как от него исходит волна запаха свежей крови. Ранение. Не слишком серьезное для этого ублюдка. Просто дырка в руке.

– Георг, – тихо позвал Строев, и рядом с ним тут же из темноты соткалась тощая фигура в кожаном плаще.

Этот вампир был худ и бледен, напоминал подростка, сидящего на наркотиках. Им он и являлся – правда, не в привычном человеческом смысле. Он был, конечно, младше Строева, но не намного. Да и его наркотики оставались слишком специфичными для людей.

– Что насчет цели? – спросил Павел, мрачно осматривая остальных пленников, лежащих на полу.

– Здесь его нет, – тихо ответил Георг. – Был, но сбежал во время атаки.

– Я уже понял, – едва сдерживаясь, ответил Строев. – Поиски?

– Еще ведутся, – отозвался младший вампир. – Здесь три выхода, мы успели прочесать все и даже территорию. Следы ведут наружу, но в парке его нет. Скорее всего, он перебрался через забор.

– И?

– Трое обшаривают ближайшую улицу. Но следы обрываются. Похоже, он поймал машину и уехал.

Строев сжал огромный кулаки, с ненавистью глянув на Григория, стонущего на полу.

– Убежал, – процедил он. – Кто бы мог подумать. Великий герой мифов и сказаний.

– Павел, – тихо позвал Георг. – Нам нужно уходить. Я оставлю тут людей, чтобы прочесали территорию, но остальным нужно уйти. И вам тоже.

– Менты? – Строев презрительно хмыкнул. – Разберемся. Где Шалый?

– У будки охранника, – отозвался Георг. – Я не о ментах. Вызовы на пультах дежурных блокируются. Но от стоянки, которая теперь под контролем Князя, отъехали три черные машины. Они движутся в нашем направлении. У него свои каналы получения информации, и...

Строев нахмурился, обернулся, бросил взгляд на черную дыру в стене, ведущую в самый настоящий лабиринт подземных ходов.

– Скадарский, – тихо сказал вампир. – Рановато. Собирай отряд. Сам останешься тут. Найди след. Любой. Понял?

– Пленники? – спросил Георг, прикладывая ладонь к вороту куртки, разорванному в ключья чьими-то острыми, как бритва зубами.

Старший вампир махнул рукой в сторону Григория, переставшего стонать и закатившего глаза.

– Этого за периметр, на дальний пункт. Я им сам займусь, чуть позже. Нам с ним нужно многое обсудить. Очень многое.

Оскалившись, он взглянул дальше, в угол, туда, где столпились обычные люди. У их ног, на коленях, стояла черноволосая девица со скрученными за спиной руками и завязанным ртом. Ее щека распухла, превращаясь в огромный багровый синяк. Правый глаз, залитый кровью, заплыл и не открывался, но левый, уцелевший, сверлил вампира тяжелым взглядом. Рядом с ней, прямо на полу, лежала обнаженная тощая девчонка с копной рыжих волос. Она не шевелилась, лишь острые лопатки чуть подрагивали от дыхания. Голая спина была залита кровью, от чего казалось, что на рыжую надет странный купальник.

– Девочек на вторую базу, – сказал Строев. – Есть шанс, что наш охотник придет за ними. Пусть будут в центре большой группы. Понял?

– Сделаем, – отозвался Георг и махнул рукой в сторону трупа, лежавшего у входа. – А с этим что?

Строев медленно подошел к телу. Это был огромный мужчина, завернутый в разорванную по швам одежду. Типичный оборотень после трансформации. Лежит неподвижно, голова откинулась набок, язык наружу.

– Что с ним? – спросил Павел.

– Заряд серебра от наших людей, – ответил Георг. – Даже пара. Регенерация остановлена. Фактически, он уже сдох, просто еще местами шевелится.

Строев толкнул оборотня носком черного лакированного ботинка. Тот даже не вздрогнул.

– Ручной песик Григория, – медленно произнес он. – Большой, тупой и волосатый. Кому ты теперь нужен, выродок?

В его кармане тихо звякнул телефон. Вампир двумя пальцами извлек его наружу и взглянул на экран. Поджал губы.

– Собирайтесь, – велел он Георгу. – И побыстрее.

– А этот?

Строев бросил взгляд на оборотня, растянувшегося на бетонном полу.

– Бросьте эту пададь здесь, – сказал он. – Не тратьте на него время. Грузите толстяка, потом девок. Что пялишься? Ускорься!

Георг развернулся, выкрикивая приказы, а Строев шагнул обратно в коридор, раздраженно крутя в длинных пальцах попискивающий телефон. Ему чертовски хотелось сжать кулак – до боли, так, чтобы пластиковая коробочка рассыпалась на сотню мелких осколков. Но он знал, что не сделает этого.

Кобылин. Или та тварь, которой он стал, если верить слухам, опять ускользнул. Но кто мог подумать, что он просто убежит? Этот ублюдок, наглый и дерзкий сопляк, мнящий себя пупом земли, в любой дырке затычка. Но не трус. Почему сбежал? Ладно. Пусть. Его можно найти снова. Этот город не станет ему убежищем. Здесь теперь не его территория. Больше некому его прикрывать. С Бородой и его пародией на Орден покончено. А другие... Их нужно предупредить. Обзвонить. Некоторым приказать, а остальных вежливо попросить. И надо сделать это прямо сейчас, несмотря на то, что до боли хочется вцепиться в бородавку этого проклятого толстяка и вырвать ее с корнем. На это нет времени.

Раздраженно оскалившись, вампир выскочил из железных дверей, спустился по крошащимся ступенькам и зашагал в сторону ворот. Георг был прав – люди князя Скадарского действительно уже подъезжали к этому району. Подтверждение чуть запоздало, зато пришло из самого надежного источника. С которым, к слову, необходимо встретиться. И как можно скорее. Слишком многое нужно обсудить с прокурорской семьей. Очень многое.

Строев зашагал по асфальтовой дорожке к воротам, не обращая внимания на шум за спиной. Там, из дверей, выводили пленников.

Георг покинул зал последним. Его подручные вывели всех живых и даже забрали трупы своих коллег, чтобы ни у кого не возникало лишних вопросов. На полу оставалось лишь одно тело – переставший дышать оборотень. Георг обвел зал долгим взглядом, запоминая мельчайшие детали, потом развернулся и растворился в темноте коридора.

Едва его шаги затихли, как из дыры в стене выскользнула едва заметная тень и бесшумно засеменила к телу оборотня. В самом центре тень выступила в круг света от единственной уцелевшей лампочки и превратилась в огромную крысу, одетую в кожаный жилет с десятком кармашков.

Крыса села на задние лапы, вскинула острую морду, вынюхивая подозрительные запахи. Выпуклые черные глаза, похожие на огромные виноградины, с тревогой смотрели в темноту, а короткие усики подергивались. Наконец, придя к какому-то решению, крыса взмахнула короткой передней лапой, и из дыры в стене в зал хлынул целый поток теней.

Это были крысы – десятка два отборных хвостатых тварей. Пятеро из них размерами почти не уступали своему лидеру, а остальные были заметно меньше. Но даже их невозможно было спутать с обычными обитателями подвалов. Пусть они и напоминали крыс, но все-таки оставались подземниками, пусть и слишком юными.

Серый поток накатился на веревольфа и он зашевелился. Подхваченное десятками лап, тело сдвинулось с места и легко заскользило к дальнему углу, к той самой дыре, из которой появился странный отряд.

Его предводитель стоял на месте до тех пор, пока его подручные не скрылись в темноте. Оставшись в одиночестве, он снова принялся, отступил на шаг. Потом еще на один. Обернулся, бросил тревожный взгляд за спину, опустил на четвереньки и метнулся в дальний угол, к груде старой мебели.

Секунду спустя, прямо над обломками зеленого стола для пинг-понга, в воздухе появилась черная клякса, напоминающая клуб дыма. Лампочка под потолком моргнула, заискрилась, и клуб дыма резко уплотнился, превратившись в человеческую фигуру.

Это оказалась хрупкая черноволосая девушка, почти девчонка. Милое детское личико, напоминающее мультяшный персонаж, черная футболка с узорами из блестящих стразов, синие обтягивающие джинсы с дырами на коленях. Черную отросшую челку надвое рассекал единственный белый локон.

Вскинув хрупкие руки, она резко оглянулась, осматривая пустой зал. Стало видно, что ее футболка порвана, усеяна мелкими дырами, и едва держится на плечах. Кончики волос скручены, словно их прижигали огнем, а на щеке красуются черные длинные полосы – как след от острых когтей.

– Вот черт, – выдохнула девчонка. – Не сейчас. Не сейчас!

Лампочка с грохотом лопнула, и девчачий силуэт вдруг взорвался, превратившись в расплывчатый клуб черного дыма. Тотчас сверху, прямо с потолка, на нее упал ослепительно белый вихрь. Он взбаламутил черный дым, закрутил его, как водоворот, попытался обнять, сдавить в своих объятьях. Черные и белые отростки перемешались, закружились, сплетаясь в единый мутный клубок. А потом черный туман исчез, словно его никогда и не было. Белый вихрь на секунду замер, закружился, собираясь в сияющий шар, напоминавший растрепанный клубок шерсти. И исчез.

Подземник в кожаном жилете, сидевший в дальнем темном углу за разбитым письменным столом, вскинул острый нос и, наконец, осмелился сделать первый вдох. А потом прыжком рванул в черную дыру за своими родичами так, словно за ним гналась сама смерть.

Часть вторая. Чужие дни и ночи

Алексей проснулся от странного рывка. Хватаясь руками за что-то мягкое, он вскрикнул, подался вперед, выскальзывая из остатков кошмара, и в ту же секунду понял, что сидит на заднем сиденье автомобиля.

Покрывшись холодным потом, он застонал от облегчения и принялся шарить по карманам в поисках кошелька. Сон и явь все еще толкались в голове, мешая сосредоточиться.

Водила что-то сказал, но в ушах Кобылина стоял гул – как от страшного похмелья. Бывало и похуже. Хорошо еще, что кошелек на месте. Из обрывков памяти внезапно всплыл темный переулок и озвученная цена. Кобылин быстро отсчитал хрустящие банкноты, сунул в протянутую руку, отмахнулся от предложения помощи и, открыв дверь, выскочил наружу. В ночь.

Холодный воздух ударил в грудь тугой волной и Алексей шумно вздохнул. Приятная ночная свежесть остудила разгоряченную голову, заставила поежиться, плотнее завернуться в плащ. Кобылин сделал пару шагов вперед, с наслаждением окинул долгим взглядом знакомые места. За его спиной хлопнула дверца, он обернулся, но увидел уже отъезжающий Фиат. На прощанье тот моргнул красными огоньками стоп-сигналов и растворился в потоке машин.

Кобылин сунул руки в карманы, перешагнул через крохотный железный заборчик, ступил на тротуар. Свет из окон ближайшего длинного дома нарезал асфальт ломтиками светлых и темных полос. Сквозь них скользили темные фигуры прохожих. Шум от машин волной катился по шоссе, отражаясь от высотных домов и возвращаясь к дороге многоголосым эхом. Все было как всегда. Ночь, головная боль, тошнота, обрывки в памяти, и близость дома.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.